

Эзотерический бестселлер

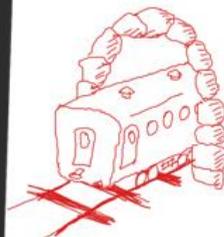
том
IV.

Александр Рей

В ПОИСКАХ

НА
СТ
О
ЯЩ
ЕГ
О

Эзотерический

Бестселлер

Том 4

Александр Рей

В поисках настоящего

Мистический роман

Гомель
Издательство ГИСФИР
2014

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей=Рус)-44
Р35

Серия основана в 2013 году

Издание предназначено
для некоммерческого распространения в сети интернет
по программе «ThanksForPay».

Сказать спасибо автору за книгу

можно на сайте

<http://perepevnik.ru/spasibo>

Рей, А.

Р35 В поисках настоящего / Александр Рей. – Гомель : ГИСФИР, 2014.
– 335 с. – (Эзотерический бестселлер).
ISBN 978-985-90321-6-1.

Два героя. Два мира. Две судьбы. Что реально, а что выдумка? Кто живой, а кто на грани? У каждого из них сотни вопросов, но лишь часть из них имеют право быть заданными.

Как всегда глубокий, пропитанный повседневным мистицизмом, роман Александра Рея уведет далеко за пределы привычного взгляда на мир. Возвращаться ли обратно, решать вам.

УДК 821.161.1(476)-31
ББК 84(4Бей=Рус)-44

ISBN 978-985-90321-6-1

© Рей А., 2013
© ООО «Издательство
ГИСФИР», 2014

Pererevnik
ru

Официальный сайт

[Перейти на сайт](#)

сказать спасибо автору

Все Книги Александра Рея участвуют в проекте «ThanksForPay». Это значит, что вы абсолютно бесплатно скачиваете или читаете любую книгу автора, и если книга нравится, вы сами решаете каким способом и на какую сумму отблагодарить автора.

«Если тебе, мой читатель, какая-либо из моих работ принесла пользу или просто приятные минуты, от чистого сердца, я этому рад. И я с радостью приму от тебя благодарность, а значит и возможность продолжить свой писательский труд. Мои книги не могут заинтересовать людей, не умеющих отдавать в ответ. Поэтому я и участвую в проекте «Спасибо за оплату» издательства «ГИСФИР»

Александр Рей

Пролог

— А мне кажется, что Вы понапрасну теряете время, — сказала Алиса.

— Как бы не так! — возмутился Шляпник. — Время не потеряешь... Не на того напали!

Взяв заварочный чайник, Шляпник налил из него в чашку мышшь, что сонно встрепенулась:

— Конечно, конечно... Я с вами полностью согласна... — чтобы тут же вновь уснуть.

— Ты со Временем, небось, никогда и не разговаривала? — встрял в разговор Мартовский Заяц.

— Хотя я и не разговаривала, — Алиса стояла на своём, — но зато никогда не задумывалась, как убить время...

Шляпник, Заяц и Мышь от её слов оцепенели от ужаса, затряслись, скукожились, не переставая боязливо оглядываться на сотни часов, грозно тикающих позади них.

— Время этого не любит... — прошептал Шляпник.

— Вот... А с нами оно поссорилось... — подхватил Мартовский Заяц.

— И теперь у нас всё время шесть часов.

*м/ф «Алиса в Стране Чудес»,
Киевнаучфильм, 1981*

Упущенные шансы, недосказанные слова, нереализованные желания или несовершенные поступки никуда не уходят, дожидаясь, когда кто-нибудь, наконец-то, поставит точку. И даже когда придёт Конец Времени и ВСЁ обратится в НИЧТО, останутся лишь наши незавершённости, одиноко болтающиеся в пустоте бесконечного ожидания...

Глава 1

ПРОВОДНИК

*Via est vita.
Жизнь - это дорога.*

Пока сижу на крыше, солнце уже три раза успевает расцвести и угаснуть. Кому-то это может показаться чересчур, но по мне — в самый раз. Главное - я получаю огромное удовольствие, наблюдая за передвижением огненного диска по небосклону и мерцанием звезд в ночи.

Ну, конечно же, приходится периодически спускаться... Попробовал бы хоть кто-нибудь остаться под солнцем в такое пекло — с ума можно сойти. Это - во-первых. Во-вторых, любой разумный человек догадается, что мне необходимо питаться (не святым же духом, в самом деле) и ходить в туалет (понимаю, что никто не увидит, но всё же...).

Поэтому сейчас, когда солнце принялся добросовестно пылать, изводя ультрафиолетом, я встаю, надеваю плавки, собираю прилежно спрессованные мною алюминиевые банки-блинчики из-под «Доктора Пеппера» и, зажав свободной рукой нос, с разбега ныряю «солдатиком» в солёные изумрудные волны.

Немного поборовшись с плотью воды, выныриваю у самой лестницы и, зацепившись рукой за нижнюю ступеньку, почти касающуюся океанской глади, бросаю мусорный пакет в тамбур. И только затем с небольшим усилием забираюсь туда сам. Пробежав по давящему духотой вагону, спасаюсь бегством в своём купе. Здесь меня ждёт кондиционер (Благослови его, Господи!), банка холодного (после коридора кажущегося ледяным) любимого напитка и интересная книжка. Правда, ещё не знаю, какая: ведь старую я уже прочёл, а новая ещё не появилась). Оказывается, «Почерк Леонардо» Дины Рубиной. Но, несмотря на интригующее начало, я, разморенный жарой, погружаюсь в благословлённый кондиционером сон.

Проснувшись и наскоро перекусив, вооружившись веником и тряпками, начинаю ежедневную уборку вагона. Старт беру с тамбура и коридора. Пройдусь по всем купе и уже в последнюю очередь почищу туалеты. И всё... Я свободен на весь оставшийся свет и тьму! Опять могу лезть на крышу, захватив с собой снесь и напитки, книжку и магнитофончик-бумбокс, чтобы заняться своим любимым делом — лениться.

Как раз подстраиваясь под мой распорядок, солнце перестаёт нещадно жечь, и уже ничто не стоит на моём пути. Стянув плавки и вытянув длинные ноги, могу поджаривать тело, придавая ему равномерный аппетитный оттенок «а-ля курочка гриль», ненадолго прерываясь лишь для того, чтобы в очередной раз нырнуть в прохладную синеву. Блеск!

Я сижу на крыше моего вагона уже три полных солнечных цикла. А значит, уже в третий раз я могу наблюдать, затаив дыхание, последние лучи уходящего солнца.

Божественно красивый, расцвеченный яркими красками закат, слепящий и целующий душу, околдовал, заморозил, увлёк. Золотисто-оранжевые оттенки среди спокойного океана — что может быть лучше? Что?

Отражённые в маленьких волнах дети уходящего светила сливаются с монолитом океана. Оборачиваясь ковровой дорожкой, она приближается к самым ногам. Хочется, доверившись ощущениям, шагнуть на неё и посмотреть, куда же всё-таки ОНО манит — огромное, тёплое, дающее жизнь... Солнце.

Уже третий цикл света и тьмы, неподвижно возлегая на крыше поезда, следующего по маршруту «Ниоткуда—Никуда», я смотрю на блистательный закат и пытаюсь в очередной раз хоть что-нибудь понять или вспомнить, мучая себя вопросами...

Если бы я решил кому-нибудь поведать о тех безмятежных днях... Кому-нибудь, кто не имеет ни малейшего представления обо мне... Он или она, я уверен, ничего не смогли бы понять из моих слов. Это точно.

Сначала я лежу на крыше... Потом, когда становится невыносимо жарко, ныряю в океанские воды... Оттуда — прямым отсыпаться не куда-нибудь, а в вагон поезда... Уборка... И уже в

конце — гулять по дорожке заката...

Со стороны послушать — полнейшая чушь!

Но это лишь для того, кто мыслит стандартными мерками — по-земному. А я — за пределами Земли, и это стало мне понятно довольно давно. Откуда? Да просто догадался!

Конечно, будь я хорошим рассказчиком, уважающим своих слушателей и их «земную логику», точно бы не начал с тех трёх, проведенных посреди океана дней. Стоило поведать всё с самого начала, последовательно излагая события, собрав их в единую логическую цепочку. Но, во-первых, рассказывать некому. А, во-вторых, как по мне, так те океанские воспоминания действительно достойны внимания.

Хотя (с другой стороны), пожелай я начать с самого начала, то о чём, собственно, говорить? О каком таком «начале», если его попросту нет? Чем всё закончилось, я знаю. А с чего началось? Сколько помню себя, столько я проводник в этом вагоне. Всё просто! Я есть проводник. Проводник — это я. Вот так.

Вагон в моём распоряжении — самый что ни на есть обычный. Длинный, устланный ковровой дорожкой коридор соединяет два тамбура, а между ними - девять купе. В каждом - по четыре койко-места . Два туалета, душевая. Окна украшены всегда безупречно чистыми занавесочками. И (самое главное) - прямо напротив всегда раскалённого «Титана» - мои личные апартаменты: купе проводника с двумя койками, маленьким холодильником и микроволновкой. Есть даже полка, где вполне смогут разместиться с десятков пухлых томиков. Но свободное место здесь расходуется нерационально. Там неизменно лежит одна-единственная книга.

Лишь дочитав очередной роман или сборник, обнаруживаю на его месте совсем другой — достаточно лишь положить книгу на полочку-самобранку. Со стороны это выглядит, будто полка сама знает, когда книга мной прочитана, а когда нет. Я даже экспериментировал — положив книгу, отводил взгляд всего на секунду, и... Оп-ля! Уже новый фолиант занимал исходную позицию. Причем с недочитанными книгами этот фокус не проходит. Слава Богу, тот, кто составляет для меня, так сказать, «рид-лист»,

чутко улавливает мои вкусы и ещё ни разу не подсунул какую-нибудь ерунду.

Что-что? Самопооявляющиеся книги — странно? «Ничего подобного, — отвечу я. — Все познается в сравнении!»

Сопоставив книготелепортацию со всем остальным, что является моими серыми буднями, Вы сочтёте её ничтожной козьявкой рядом со слоном. Книги и, соответственно, полка-самобранка — всего лишь мизерный штрих! Как, впрочем, и обожаемый холодильник с невесть как образующейся провизией (всё по тому же принципу: закрыл — открыл — готово)... И подставка для компакт-дисков с бесконечно обновляющимся калейдоскопом исполнителей... И даже (извиняюсь за подробности) туалет, с которым я тоже долго проводил опыты, пока не смирился. Потому что привыкнуть к такому нельзя!

И так постоянно! С каждым разом я узнаю всё больше нового о вверенном мне вагоне. Точнее, о моём вагоне! Ведь он — мой. И никуда от этого не денешься. Правда, не денешься. Уже сколько раз пробовал!

Где-то я прочёл, что даже из самой безвыходной ситуации есть, как минимум, три выхода. Так вот, в моём случае это утверждение совершенно неуместно. Мой вагон преследует меня... Или я его... Чёрт! В общем, я ещё не до конца разобрался. Суть в том, что я не могу от него сбежать. Причём как от поезда в целом, так и от моего вагона. Перейдя из тамбура в дверь, ведущую в соседний вагон, я неизменно попадаю опять в свой же вагон. И неважно, в каком направлении я двигаюсь. По сути, я могу бесконечно идти в одну сторону, переходя из вагона в вагон, и неизменно — все двери купе открыты нараспашку (как и положено), мусорница пуста (кстати, тоже самоочищающаяся), а в каморке проводника лежат все мои вещи строго как попало: именно так, как я их, покидая рабочее место, и оставлял, специально запомнив расположение. То есть, без сомнений, - снова и снова - мой вагон!!!

Я нашёл полезное применение данному феномену. Когда окружающие ландшафты не позволяли заниматься бегом (как, например, тогда, посреди океана) или когда поезд упрямо не желал

останавливаться в течение многих световых циклов, а размяться очень хотелось, только и оставалось бегать по вагонам — успевай лишь двери открывать! Удобно это, в первую очередь, тем, что не нужно рассчитывать силы — бежишь себе без проблем, пока не устанешь... А как надоест - просто останавливаешься. Ведь в любом случае оказываешься дома, в родном вагоне. Как-то я два часа кряду пробегал, а мои вагоны так и не закончились. Интересно, это какой длины поезд получится? Снаружи дела обстоят немного сложнее, но, в принципе, результат тот же.

Поезд... Хотя и поездом-то его назвать толком нельзя, так как у поездов обязательно должен быть локомотив. В моем случае его нет и в помине. Поэтому правильнее будет сказать «состав». Итак, мой состав представляет собой цепь надежно скреплённых вагонов. Кроме моего, находящегося ровно посреди, существует ещё десять вагонов — пять в одну сторону и пять в другую. Хотя фраза — «помимо моего вагона» — не совсем соответствует действительности.

Как можно догадаться, немного поразмыслив, соседние вагоны, также являются моим вагоном. И если выйти на улицу и пройтись (хочешь налево, хочешь направо) до следующего вагона, а затем взобраться по решётчатым железным ступеням в тамбур, то сразу станет понятно, что находишься в том же самом вагоне, откуда только что вышел. На одной из холодных серых стен красуются когда-то кем-то выцарапанные на память: «Костя — Адлер — СУПЕР!». Причём безразлично, в какой по счёту вагон заходить (третий, девятый или седьмой; первый или последний): результат всегда один и тот же. Вопреки здравому смыслу, я оказываюсь в своём вагоне исключительно посреди состава!

Убегать в сторону от моей вечной обители смысла тоже нет, потому что всё происходит аналогично. В какую бы сторону я ни бежал, оставив позади уходящие в бесконечность рельсы, как только они скрываются за горизонтом или деревьями (в зависимости от той местности, в которой состав решил отдохнуть), впереди начинают виднеться очертания одинаковых, как братья-близнецы, вагонов. Всё происходит так, будто я нахожусь на малюсенькой планете, и, куда бы ни побежал, всё равно наткнусь на

дожидающийся меня состав. Мне даже представляется целый мир, исполосованный железнодорожными путями на одинаковом расстоянии друг от друга. Если задуматься, как это всё устроено, сразу мозги набекрень, а голова начинает гудеть. Тяжко целый мир уместить в голове одного человека...

В общем, так и живу! Одиннадцать вагонов и все, как один — мои. Правда, без тепловоза. Да он и не нужен — поезд ведь как-то движется. Но думать, как именно, вовсе не хочется. Я уже давно понял, что многое мне понять не дано — лучше просто принимать как должное. Что я с успехом и делаю, хотя иногда продолжаю экспериментировать.

Познавать окружающий мир вокруг иначе, кроме как опытным путём, возможности нет. Ведь мне вообще никто ничего не объяснял. Кто я? Что я здесь делаю? Почему проводник? Каким образом меняются книги на полке и снесь в холодильнике? И вообще, почему всё происходит так, как происходит, а не иначе? На все эти вопросы ещё предстоит ответить... Самому. Потому что спросить, в общем-то, не у кого.

На моём вагоне (как и на всех прочих) снаружи, приблизительно посреди, висит длинная белая табличка, служащая указателем маршрута следования. А поезд движется, судя по идеальной белизне таблички, из пустоты в пустоту. Там, где должен значиться пункт отправления — пустое место, затем идет жирный дефис (или тире, я не разбираюсь), чтобы вновь закончиться пустотой.

Каждый раз, когда я смотрю на эти пустоты, вместо которых должны быть какие-то названия населенных пунктов, мне до рези в зубах начинает хотеться... Очень-очень хотеться, чтобы на табличке что-нибудь было написано. Что — не знаю. «Самара — Рязань»? «Питер — Москва»? «Лондон — Воркута»? Не знаю...

Непонятно зачем, наверное, чтобы справиться с этим диким желанием, я пытался заполнить промежутки в табличке, написав названия каких-нибудь городов. Но всегда стирал, потому что они там попросту не смотрелись, будто эти пустоты отведены лишь для двух конкретных городов. Словно шифр такой — если я его подберу, вспомню или узнаю, какие именно названия долж-

ны там значиться, то смогу... Смогу... В общем, понятия не имею что будет дальше, но что-то будет обязательно. Должно быть!

Движение «из ниоткуда в никуда» - всё равно, что топтание на месте. Топ-топ-топ...

В принципе, то, что я делаю, то, чем занимаюсь, мне нравится. «В принципе» — то же самое, что и «почти». То, чем я занимаюсь каждый день, как живу — мне нравится... Почти. Почему «почти»? Чего мне не хватает для полного счастья? Я уже думал над этим. Благо, было когда.

Со стороны может казаться, что я бешусь с жиру. Вроде бы всего хватает, а мне мало. Может, оно конечно и так, но... Не скажу, что всё нужное у меня есть. Необходимое — да.

Вот, например, холодильник. Он всегда полон и, как источник с живой водицей, пока что иссякать не собирается. У меня есть возможность благодаря этому маленькому чуду получить всё, что душа пожелает. Я ещё давно заметил, что продукты, образующиеся в холодильнике, - именно те, которых мне хочется. Они, как книги или музыка, полностью подстраиваются под мои вкусы.

Иногда, когда живот лишь только-только начинает попрошайничать, я исподволь начинаю задумываться: «Чем бы подкрепиться?» Обычно ещё сам толком не успеваю подумать, как было бы здорово впиться зубами в сочную, исполненную аромата специй куриную ножку вприкуску с жареной картошкой, приправленной зелёной смесью перьевого лука, кинзы, укропа и чеснока, как оказывается, что готовое блюдо в томлении дожидается меня за маленькой железной дверкой. Ну разве не чудо? Думаю, кто угодно захотел бы себе подобную вещицу.

И это я ещё о хлебе не упоминал! Свежий, ароматный и, конечно же, горячий, будто только что из печи — рот наполняется голодной слюной от одного вида. Горячий хлеб из холодильника — нет, ну разве не маразм?!

Так что с едой у меня - никаких проблем.

Или если коснуться моего пристанища... Такое ощущение, что всё в вагоне сделано под меня. Я сам по себе немаленький, но кровать ещё больше — ровно такая, чтобы я как-то умудрился в

ней разместиться (и очень даже неплохо). Проходы в коридоре и купе такие, что я великолепно прохожу в них, даже не стукаясь головой (и ещё около двух сантиметров остается про запас). Над умывальниками не приходится скрючиваться в три погибели, а расстояние между стеной и туалетом такое, что мои колени не упираются.

Получается так, что всё мое окружение, весь мой быт мало того, что не напрягает, так ещё и радует! Этот вагон - будто дом родной! Именно так я его и воспринимаю.

А если рассмотреть мои обязанности, то тут уж точно жаловаться не на что. Всё, что я должен делать и в чём заключается моя служба, можно пересчитать по пальцам. Если быть точным, то по трём.

Большой палец — пока солнце озаряет меня, я убираю каждый вагон, каждый уголок, каждую пылинку, чтобы всё сверкало. В тёмное время этим заниматься нельзя. Обычно с уборкой я справляюсь достаточно быстро, так что она даже не успевает надоесть.

Указательный палец — как только вагон остановился, я должен открыть дверь на улицу и опустить лестницу, предварительно протерев тряпкой все ручки, за которые полагается держаться при спуске. Выполнять эти обязанности мне также не трудно, а даже радостно, потому что поезд делает остановки довольно редко. В основном, я нахожусь в дороге и, конечно же, радуюсь каждому предоставленному случаю оказаться в новом месте. А места бывают разные, ох разные...

Средний палец — я должен разместить в обозначенном купе каждого, кто предъявит мне билет с номером моего вагона и пунктом прибытия. Ну, насчет этого мне вообще волноваться нечего — ещё ни разу я не видел не то чтобы потенциального пассажира, какой-нибудь живой души, но и вообще следов присутствия других людей. Так что катать мне, увы, некого. Но пункт я этот выполнить обязан, конечно, если такая возможность вообще когда-нибудь подвернется.

Мне есть где спать, есть что есть, еще и работёнка нравится — разве не сказка? Сказка, в принципе...

Мне нравится, как я живу, что делаю, да и вообще, жить здесь и сейчас неплохо... ПОЧТИ! Меня съедает изнутри незнание того, для чего или хотя бы для кого я это все делаю?! Кому оно надо?! Куда ведёт мой путь?!

Эта бесцельность омерзительна. Одного лишь бессмысленного движения недостаточно. Не верю, что хоть кто-нибудь смог бы спокойно жить на моём месте — имея все необходимое для жизни, кроме понимания её смысла.

Во мне всё время сидит вопрос, противной занозой требуя внимания, даже когда я отвлекся и не думаю о нём. «А что дальше? Дальше-то что?!»

А дальше пока - ни-че-го...

Какой-то смысл, хотя бы какой-нибудь, я тщетно пытался найти в редких остановках. Когда с замиранием сердца открывал дверь, ведущую наружу, и опускал лестницу... Когда ждал пассажиров, которые... Ведь знал же, что не появятся, но всё равно надеялся...

Такое же чувство, будто звонишь куда-нибудь и хочется, чтоб подняли трубку, а сам понимаешь, что рано звонить. Что ещё там, куда звонишь, никого нет. Или уже поздно и все разошлись по домам. Это понимаешь, но все равно глупо, по-детски надеешься на везение, на случай, на Бога — «А вдруг!»

Долго пытался найти хоть какую-то для себя опору или горящий на горизонте маячок, но понял — здесь нет смысла, как нет и логики. Само мое существование нельзя вписать в какую бы то ни было систему. Я живу среди абсурда и хаоса. Более-менее упорядоченного, но все же хаоса.

Смысл лишь один — на закате, лёжа в своем купе, слушать убаюкивающий перестук железных колёс, как аккомпанемент из колонок бумбокса. Слушать и слышать, как звуки превращаются в напевы матери, склонившейся над колыбелью. Чувствовать, как мелодия становится частью твоей жизни, помогая примириться с абсолютным безлюдьем и абсурдностью мира, где реальна лишь железной дорога, бесконечно ползущая вперёд.

Вот как-то так: просто живи, покачиваясь в такт вагонному

перестуку... Вот и весь смысл...

Как-то на подставке для компактв нашёл диск — просто какой-то сборник электронной музыки. На нём изо всех композиций особенно приглянулась одна. Даже не знаю, чем именно. Просто она, словно моя жизнь, наполнена пульсом железных колес. Я бы даже этот трек назвал гимном моих будней. В нём тоже выискался какой-то смысл. Под эту музыку здорово смотреть в окно — на удивительное разнообразие летящих пейзажей, на такой удивительный мир... Под Solaris Heights все увиденное становится необычным, нереальным, загадочным...

Бывает, могу не пойми от чего проснуться и лежать, прислушиваясь к ощущениям, что зарождаются в ответ на льющуюся мелодию (всегда перед сном ставлю диск на повтор). Затем медленно разомкнуть веки, и так же медленно, чтобы (не дай Бог) не спугнуть сон, сесть на кровать, приоткрыть рукой занавеску, застав за окном беспросветную тьму.

Открытое взгляду свидетельствует: я нахожусь где угодно, но только не в обыденной реальности.

Синие сумерки разбавлены кефирным туманом, что единой пеленой склеивает редкие деревья. Вязкая белая жижа словно засасывает клочки ночи, готовя место спешащему солнцу. Я, слившись щекой с прохладным стеклом, лениво и сонно гляжу в плывущую темноту. Даже не верится, что ко всему этому можно прикоснуться, потрогать шершавую кору деревьев... Запустить ладошки-лодочки в туман, и, зачерпнув пригоршню белой прохлады, умыться ею... Даже не верится! Как заклинание, ворожат мелодия и стук колес.

А когда мстительная природа начинает резать несущийся поезд острыми дождинками, оставляя на стекле тонкие полоски-шрамы, я чувствую, как на моей щеке, слившейся воедино с оконной прохладой, появляются всё новые и новые порезы...

Сидеть вот так в темноте, прижавшись к холодному стеклу и слушать, как говорит со мной поезд — ...Тук-тук... Тук-тук... — наверное, в этом весь смысл.

Остановка — дело достаточно редкое, если вообще не исключительное. Чаще всего между ними лежит безмерная пропасть сменяющих друг друга круговоротов света и тьмы.

Как по мне, так лучше уж ехать вовсе без остановок. Потому что всё равно в них нет смысла — ведь никто не заходит! К тому же, мне больше нравится трястись на стыках, чем тупо стоять. Стук колес для меня стал родным, вьелся в кожу и засел глубоко в голове... Без него начинаешь чувствовать себя неуютно... Но, видимо, меня никто не спрашивает...

Стоянки бывают разные. Иногда я только успеваю спуститься на твёрдую почву, как неизвестно откуда раздаётся гудок, сигнализирующий об отправлении, и тогда нужно «сматывать удочки». Стоит лишь взобраться в тамбур, как, пройдясь судорогой по вагонам, состав начинает движение. В других же случаях они могут продолжаться неизмеримо больше и даже надоедают. Большие остановки я использую для проведения экспериментов с вагоном.

Места стоянок тоже бывают самые разные — от болот и полей до горных вершин. Как-то раз я открыл входную дверь - и в лицо стал бить пригоршнями снега ледяной ветер, а под ногами разверзлась бездонная пропасть. Помню, поезд там простоял до расвета, а я всё думал о том, как буду падать в эту бездну. Ужас...

Я успел насмотреться на всякое. Но единственное, чего не доводилось встречать - это хоть какие-то признаки живых существ. Не то, чтобы человека - даже банальной белочки или вороны не видел! Ни домов, ни гнезд, ни дорог, ни троп — абсолютный ноль! Так что приходится довольствоваться общением с природой, чем я, собственно говоря, и занимаюсь...

Жаль! Редко так везёт, чтобы посреди тёплого океана! Да чтобы ни облачка на небе! Да целых три заката подряд!

И всё же, любуясь этой красотой, чувствую себя отвратительно и мерзко! Не могу перестать думать: что будет, когда поезд вновь издаст тревожный клич и ринется в путь — опять трястись, не зная, зачем и куда?! От одной мысли об этом тошнит.

А ещё во время последней уборки я заметил в одном из тамбу-

ров пятно ржавчины. В прошлый раз его там не было. Я смотрел на него, иступленно пытаясь понять, откуда возникла уверенность, что это ржавое пятно — то же самое, что грызёт меня изнутри. Как если бы вагон и я каким-то образом были связаны и эта бездушная махина могла чутко реагировать на всё, происходящее со мной.

Я стоял на коленях с тряпкой в руках. Хотелось реветь. Но я зачем-то сдержался. Зачем? Ведь всё равно никто не увидит. Наверное, решил побыть сильным... Чушь! Чувствую себя водой в гниющем болоте — застоявшимся без движения. Мне нужно... Я хочу...

Свет и тьма сменяют друг друга. Реки, мимо которых доводится проезжать, стремительно несутся к невиданным морям. Облака монотонно ползут по небосклону... И лишь я на месте. Даже не могу отчётливо представить настоящую скорость — но лишь прислушиваться и чувствовать... Это - словно воздух, вырывающийся из лёгких; словно кровь, струящаяся по венам; словно мышцы, напрягшиеся для рывка — всё вокруг в движении... Лишь я один вне этого.

Я застыл. Я — камень, блёклый гранит, уже третий солнечный цикл расположившийся на крыше своего вагона, что зиждится на скатерти океанских волн, и любующийся закатом...

Глава I

МАЛЬЧИК

Уже третий день кряду мальчик приходил в это странное место дожидаться заката. Почему-то именно здесь, в окружении развалин, он чувствовал себя так спокойно, как не получалось даже дома. Будто под защитой, которой так не хватало! Стоило лишь войти – и тело наполнялось лёгкостью; внутри образовывалась приятная пустота, а тревоги уходили прочь.

К тому же это было единственное место в деревне, где можно побыть в одиночестве. Местные называли его Мёртвым Городом и считали запретным, приписывая мистическую силу. И вполне понятно, почему...

Ровно посреди маленькой площади в окружении полуразрушенных и почти ушедших в грунт саклей, находился огромный булыжник цвета мела с отполированной до блеска поверхностью. Странно было само по себе, как природа могла создать такую идеальную округлость. Вдобавок, он всегда оставался тёплым. Несмотря на пронизывающий до костей ледяной ветер, этот огромный (в половину роста взрослого человека) валун своеобразно дышал теплом, словно живой. А сейчас, на излёте осени, когда шквал ещё более ожесточился, на согревающем душу и тело камне сидеть было особенно приятно. Казалось, этот жар и в самом деле не принадлежал миру людей. Но это не волновало: он просто искал одиночества.

Мальчик давно заметил, что, если долго сидеть на булыжнике, без конца думая о своей жизни, а потом о планах, о будущем, а затем ещё о чем-то, а потом и ещё... И ещё... Размышляя, пока все мысли не будут обдуманы и выжаты, будто виноградный сок, а внутри останется лишь пустота... Вот именно тогда можно просто сидеть и впитывать глазами, как на видеоплёнку, окружающее. Именно в этот самый момент зарождается ощущение, что белый шар и слившееся с ним тело одинокого мальчугана - и есть центр... Центр Земли, Вселенной, равновесия — *маленькая белая*

точка в окружении тьмы.

Ещё он без устали мог любоваться открывающимся с каменной вершины видом, который вполне мог оказаться самым красивым в мире. Плато (фундамент Мертвого Города) находилось на пути к высокогорному леднику и возвышалось над рекой более, чем на полсотни метров. Отсюда можно увидеть всё: и уходящие вдаль горные хребты, и ползущую внизу дорогу с деревней, раскинувшейся вдоль, и здание санатория...

Дозорные башни (высокие каменные сооружения, когда-то служившие предкам) располагались, словно рамки картин — разграничивая видимое на совершенно разные, противоположные друг другу миры.

Первый мир, что левее, — это родная деревня сорванца, где он прожил все свои недолгие годы. Селение всего в одну улицу бесцветной гусеницей ползло вдоль дороги, ведущей дальше, в ущелье Кобань — место множества туристических баз. Большинство и жило, продавая туристам кто баранину, кто водку, а кто - вязаные свитера.

Вот так, как на ладони, вся жизнь мальчика — серое шоссе, изъеденным ямами асфальтом ведущее ввысь, в горы; около пятидесяти слившихся с дорожной пылью одноэтажных домишек да ненавистная школа, переполненная абсурдными правилами и законами...

Там, внизу, всё блёклое, словно покинутое душой тело. Ледяной ветер носит вдоль дороги тягучее время. И, кажется, что сама жизнь уже давно покинула это место.

Единственное, по чём можно догадаться, что перед мальчиком — настоящее село, а не искусно сделанное фото — бурлящая среди острых валунов река, рождённая высоко в горах и спешащая вниз к Большому Городу. Такая же серая, как и всё здесь, она шумит день и ночь. На протяжении всей жизни, с самого рождения, мальчик слышал этот шум, похожий на звук водопада. Всегда (весной громче, осенью тише) река шумела, создавая иллюзию движения, мираж бытия. Мчащаяся вперёд вода как будто пыталась разбудить вечно сонных, закутанных в толстые свитера из овечьей шерсти людей. Сонных стариков, сонных детей, сон-

ных мужчин и женщин. Но все без толку — вот уже столько веков ничего из этого не выходило.

Все кругом дремали. Жизнь не отличалась ото сна, а сон - от жизни. Люди жили, всё глубже сливаясь с холодной серостью скал, среди которых были рождены.

Парнишка старался вообще не смотреть в сторону села. Он не хотел видеть жизнь, способную уместиться на ладошке ребёнка. Он не хотел видеть всё это, зная, что в любой момент ладонь можно сжать в кулак, скомкав мир и погрузив его во мрак.

Мальчик не хотел смотреть, сдерживая рвущиеся из глаз слёзы, на свою маленькую серую жизнь...

Больше ему нравился другой мир, расположенный чуть правее. Даже удивительно! Небольшое движение головы — и вид резко меняется, а тот же самый пейзаж приобретает совершенно иные оттенки. Скучные горы, холодный воздух и рокот реки превращаются в декорации к красивой и достойной жизни.

Сразу за поворотом дороги, огибающей подножье холма, в небольшом отдалении от деревни, хозяином на пиру развалился санаторий для иностранцев — единственное многоэтажное здание, виденное воочию (не считая двухэтажной школы). Этот санаторий с прилегающей территорией, обнесённый высоким забором, создавал впечатление заключённого внутри богатства и успеха. Само здание было для деревенских символом процветания и изобилия, о которых даже думать дорого. Строение насыщенного красного цвета местным представлялось настоящим оазисом, где приезжие не выживают, как большинство жителей деревни, а со вкусом прожигают жизнь. Конечно же, это лишь игра воображения. Вездесущие слухи были абсолютно беспочвенны. Местным запрещалось даже приближаться к багровым стенам.

Мальчик вообще мало знал об этом запретном месте. Приезжие только изредка выходили на экскурсию в Мёртвый Город, и единицы из них с альпинистским снаряжением — дальше, к леднику. Поэтому, несмотря на то, что санаторий уже более пяти лет был приютом любителей горного воздуха со всего света, мало кто из селения хотя бы словом обмолвился с заграничным гостем.

Персонал также постоянно жил на его территории.

Местные, ежедневно выходя из убогих хибарок на пронизанную ледяными ветрами улицу, неизменно видели возвышающуюся над холмом красную черепицу как напоминание о собственной безысходной нищете.

Солнце зашло. Здесь, в горах, никогда не бывало ярких, живописных огненно-алых закатов. Светило попросту в одночасье исчезало, будто поглощённое голодным каменным чудовищем, и вмиг приходила тьма. А так хотелось когда-нибудь увидеть настоящий яркий закат! Таким, каким его изображают художники, сравнивая с пунцовой дорожкой, мерцающей на глади утомлённых волн. Когда-нибудь... Он увидит... Обязательно...

Мальчуган встал, кутаясь в жилет грубой вязки. Теперь, вернувшись из мира благополучия в свою реальность — невзрачный и даже отталкивающий мир, он почувствовал, как замёрз. Стоя на большом белом камне, не ощущая собственного тела, он смотрел на тропу, где сейчас предстояло пройти. Протопанная ногами предков, она спускалась к подвесному мосту над бурной рекой. Тропа — жизнь. Тропа — смерть.

Именно так мальчик и воспринимал её — бесценным подарком, ведущим в горы к спасительному одиночеству — тропой жизни. Наказанием — уводящим в уравновешенную безысходность, серую предсказуемость, безликую обыденность, сквозящие в каждой секунде — тропой смерти.

Он знал, что, так или иначе, ему придётся возвращаться туда, что зовется «домом». Сейчас он заставит себя сделать несколько шагов - и уже минут через двадцать окажется в месте, где каждый камень, каждая песчинка испокон веков лежали именно там, где и сейчас.

«Иди! — уговаривал он себя. — Иди! Тебе надо. Тебя ждут... Иди!».

Шаг, ещё один... На три шага приблизился он к ненавистной скуке, а затем побежал, чтобы не было так тяжело заставлять свое тело двигаться... Чтобы не было так мучительно больно.

Когда до ближайшего дома оставалось каких-нибудь метров сто, резко остановился, словно налетел на невидимую преграду. Немного постояв, резко выдохнул и уверенно двинулся, твёрдо ступая вдоль широкой дороги. Его серьёзное, напряжённое лицо говорило, что мальчонка совершенно не играет, а вправду каждый шаг является для него настоящей пыткой. И, по мере приближения к границам деревни, всё больше невидимых толстых канатов тянут его обратно.

Поравнявшись с первым домом, несколько отдалённым от остальных, пацан вновь остановился.

— Здравствуй, дедушка Азамат, — улыбнулся он сидящему у крыльца с закрытыми глазами старику. Тот вздрогнул, будто вынырнул из глубокого сна, и удивленно уставился сквозь вечерний сумрак на собеседника.

— А-а-а... Воин, это ты? — сонно откликнулся дед.

Мальчуган знал, что перед ним, подперев бороду резной палкой и с папахой набекрень, сидит самый хитрый человек на свете. Поэтому в разыгранную сонливость несколько не поверил. Ребёнок готов был дать голову на отсечение, что старец заметил его силуэт ещё издали. Дед Азамат всегда себя вёл так, будто ничего не замечает, не знает и знать не хочет... Хотя именно этот сухопарый старик, сонно сидящий у крыльца своего дома на окраине, лучше любого в деревне всё подмечал, всё знал и всем интересовался. Не зря же взрослые ходили к нему за советом...

— Как твои дела, воин? Небось, опять в Старый Город бегал? — спросил дедуля.

Хлопчику он нравился. Во-первых, только дедушка Азамат общался с ним на равных. А во-вторых, всегда называл воином, что безумно льстило обладателю совершенно мирного характера. Как-то старик сказал: «В тебе течёт кровь предков. Кровь — огонь, какой может быть только у настоящего воина. Не то, что у этих сонных бурундуков, днями напролёт гоняющих овец по горам. Ты ещё покажешь им, на что способен, когда обнаружишь силу, живущую в твоей крови!»

Красивые слова. Только что-то в них совсем не верилось.

— Да, дедушка. Именно оттуда я и иду.

— Ох, и попадёт же тебе от матери! — притворно беспокоясь, сказал старина, тщательно поправляя съехавшую набок овечью шапку, — кстати, она тебя искала.

— Уже иду, — мальчик было собрался скорее бежать домой, но, спохватившись, вновь повернулся к старцу. — Давно хотел у тебя, дедушка, спросить. А почему ты сакли на горе называешь «Старым Городом», когда все говорят «Мёртвый»?

— *Ошибаются* все! Никогда никого не слушай... Особенно всех! Это *совсем не мёртвый* город - там жизни полно, хоть и невидимой.

— Жизни? — недоумённо повторил ребёнок.

— Потом поймёшь. Я тебе как-нибудь в другой раз про те полуразрушенные башни и силу камня расскажу.

— Сила камня... — заворожённо, будто коснулся чего-то чудесного, прошептал малыш.

— Потом! А сейчас ступай. И так мать волнуется.

— Она всегда волнуется, — буркнул себе под нос мальчишка, но всё же спешно зашагал дальше.

Его дом находился близко к школе, буквально через дорогу. Такой же типично-стандартный, без каких-то особенностей, как и любой деревенский дом: четыре комнаты, маленькая кухонька да туалет на улице.

Самое большое из помещений служило чем-то вроде гостиной. Хотя о какой гостиной вообще могла идти речь? Большую часть комнаты занимал огромный стол. Для всего: для постоянных застолий, для семейных «советов», для решения проблем... Часто казалось, что вся жизнь родителей протекала лишь вокруг этого стола. Что именно он — грубый, совсем не красивый, традиционно застланный кружевной скатертью - и есть главная родительская ценность. Иногда думалось, что он является стержнем, носителем семейной жизни. Не станет стола - не станет и матери с отцом. И ещё - что именно из-за него, этого стола родители никогда не выезжают за пределы села... Стоит отойти слишком далеко, как связь с деревянным монстром оборвётся и сразу упадёшь замертво. Причём у каждой семьи, в каждом деревен-

ском доме в «гостиной» стоял такой же точно монстр.

Следующая комната была родительской, ровно на одну широкую кровать. Спальня родителей вообще была своеобразным табу — мальчонка мог по пальцам пересчитать, сколько раз за свою жизнь побывал в ней. Хотя, с другой стороны, никто конкретно ему не запрещал туда ходить. Просто с самого детства знание, что «нечего там ребёнку делать» витало в воздухе. Даже сейчас парнишка помнил, как, будучи совсем ещё маленьким, трясся от страха во время грозы, но пойти к родителям в спальню, чтобы уберечь, отогнали своим теплом навалившийся ужас, даже помыслить не смел.

Ещё одна комната — это отцовская святая святых. Там, помимо большого старого дивана и маленького столика, величественно восседал на тумбе телевизор. Почти всё свободное от работы время отец утопал в недрах дивана, вперив стеклянный, безжизненный взгляд в мелькающие на экране картинки. Мальчик редко бывал здесь — ведь с отцом смотреть телевизор было совсем неинтересно! Говорить мог лишь динамик «ящика» (как злобно называла его мать)... А если хотелось что-то обсудить или спросить, отец мгновенно реагировал недовольным окликом или тычком ноги.

И, наконец, комната мальчика. Он любил и наслаждался ею, как наслаждается садовник своим садом. Именно здесь царила настоящая жизнь! В остальном доме все было или слишком громоздким, или миниатюрным, а значит неудобным. Свою же комнату мальчонка, по возможности, заполнял для себя и под себя, нещадно избавляясь от всего, что казалось чужим. Конечно, мебель не отличалась особой новизной, однако это было неважно. Осознание, что комната в целом и каждая в ней вещь принадлежали ему, делала их бесценными и любимыми. Даже мать, помешанная на чистоте, ради уборки не решалась нарушать покой и границы этого помещения, предоставляя сыну самому распоряжаться порядком в своей обители.

Именно сюда он и стремился попасть как можно скорее.

Стоило лишь переступить порог, как из ниоткуда возникла

она. Сверкая разъяренными глазами и закрывая собой проход из коридора, а, значит и путь к отступлению, мать всем видом показывала недовольство.

«Спектакль «Грозное облако» начался!» — подумал про сорванец.

— Ты знаешь, который час?! — произнесла она первую фразу традиционного монолога.

Мальчик виновато пожал плечами, с готовностью подхватывая отведенную ему роль.

— Вот именно! — непонятно к чему воскликнула мать. — Половина шестого — уроки уже четыре часа как, закончились! Где ты всё это время был?!

— У Тамика, — еле слышно соврал мальчонка в надежде, что спасательный круг окажется на плаву.

— В отличие от тебя, Тамерлан домой пришел сразу после школы...

Чёрт, враньё не прошло...

«Ну и говно же Тамик! Ведь обещал...» — зло подумал мальчик.

Оставалось лишь два варианта: сказать правду, а, значит получить по полной, или, не сознаваясь, тупо молчать, подошвой сапог стирая с пола невидимые линии. Что, собственно говоря, и делалось.

Так и не произнеся ни слова, поджав губы и вперив в лоб сына пронизывающий взгляд, мать постояла ещё с минуту, но, не дождавшись повинной, сухо бросила:

— Хорошо. Тогда с отцом будешь разговаривать!

— Ма-ам... — жалобно протянул мальчик.

— Иди в свою комнату. Чтобы я тебя до самого ужина не видела!

Поставив в конце жирный восклицательный знак, она развернулась и устало поплелась на кухню.

Ребёнок быстро снял верхнюю одежду, разулся, захватил стоящий у входной двери ранец и пробежал в свою комнату. Лишь закрыв дверь и сиганув на кровать, он смог с удовольствием выдохнуть:

— Интересно... Это навсегда?

Нельзя сказать, что, убегая в запретный Мёртвый Город, он не знал о возможных проблемах, но, как и любой, делающий что-то «нельзяшное», рассчитывал на «авось пронесёт». Однако же на этот раз «не пронесло» и теперь проблем не избежать.

С одной стороны, отца можно не бояться. Мамина угроза «разговора» с отцом не действовала уже давно. Пацан очень рано раскусил, что воспитательный максимум отца — это затрещина да какое-нибудь обидное слово. И то, больше для вида, чтобы мать отвязалась. Он давно к этому привык и воспринимал весь педагогический процесс не более, чем спектаклем для родителей. Ну, развлекаются люди (в частности мама)... Чего, спрашивается, мешать?

Больше остального его тревожило, что узнают про то, куда бежит сын... А тогда может вытворить что угодно, вплоть до проводов и встреч из школы. А это уж ни в какие рамки! И так в школе проблемы, а если ещё и мамыны «бзики» добавятся...

Ни о чем конкретном не думая, мальчонка немного повалялся в кровати, наслаждаясь полумраком. Когда решил, что пора шевелиться, сел, протяжно, с удовольствием зевнул и лишь затем встал окончательно. Сняв школьную одежду, аккуратно сложил её в шкаф, прошёл в угол комнаты, где на табурете лежали скомканные майка и спортивки. Наскоро переодевшись, сел за письменный стол, где, как и у любого подростка, с избытком было навалено всякой всячины. Настольная лампа высветила сложенные башенками по пять-шесть штук учебники. Бросив на них взгляд, он неприязненно поморщился, и, подперев голову руками, пустыми глазами уставился в окно.

В животе что-то просительно перевернулось, громко булькнув — есть захотелось до безумия. Но, как сказала мать, до самого ужина ей лучше на глаза не попадаться.

Вообще, лишение еды у матери было излюбленным методом наказания. Стоило что-нибудь сделать не так - будь уверен — обеда или ужина не видать. А если уж очень нашкодил, может лишить и того, и другого. Как уверяла пословица: «Предупреж-

ден - значит вооружен!» — зная мамины привычки, мальчик всегда держал в комнате что-нибудь съестное, чем хотя бы немного можно было заполнить желудок.

Его запасливость вырчила и в этот раз. Достав из зелёного пластикового стаканчика со стола внушительную порцию карандашей и ручек, мальчик перевернул его — на гладкую поверхность вывалился маленький железный ключик, которым он отпер нижний ящик столешницы. Выдвинув до отказа забитый какими-то тетрадами и листками ящик, у задней стены он начал искать припрятанную пачку печенья. Обнаружив искомое, ребёнок принялся с удовольствием медленно разрывать шуршащую упаковку. Добравшись-таки до заветного лакомства, он всё также медленно стал есть сладости, растягивая удовольствие.

Почему мать наказывала именно едой, было как раз вполне понятно. Для нее пища была огромной частью жизни и по значимости могла сравниться лишь с любовью к сыну. Почти всё время она проводила на кухне, которая являлась её удельным княжеством. Иногда мальчик думал, что мать тут и родилась. Готовила безумно вкусно — не зря же считалась лучшей стряпухой деревни. «Наверное, она совсем не устаёт днями напролет резать овощи, разделявать мясо и слушать шипение масла на сковороде», — размышлял мальчик, дожевывая последнюю печенюху.

Стоило лишь похвалить результаты её труда - и более счастливого человека не сыскать на всей Земле. Она всегда очень придирчиво относилась к словам людей, легко различая ложь и правду, но, когда дело касалось приготовленной ею снеди, напроць теряла чутьё, со счастливым румянцем принимая на равных и грубую лесть, и заслуженные комплименты.

Часто казалось, что в её жизни существовало лишь две важные вещи: кухня и сын (хотя ему как-то неуютно было называть себя «любимой вещью матери»).

Мать обожала готовить, вкладывая в это занятие всю себя. Только отец никогда этого не замечал. Каждый раз, приходя домой, он молча садился за стол и также молча, словно подражая выпасаемым баранам, двигал челюстью, попросту запихивая внутрь, что подадут и вовсе не разбирая вкуса — было бы чем на-

бить желудок. Со стороны это выглядело настолько мерзко, что ни мальчик, ни, тем более, мать, не могли этого вынести, и поскорее ели, уткнувшись каждый в свою тарелку. А что делать?

Покончив с печеньем, мальчик засунул пустую обертку в рюкзак, чтобы выбросить её завтра по дороге в школу. Мысли о учёбе и о завтрашнем дне вызвали в нём жуткую тоску, от которой аж передёрнуло.

— Ладно... — выдохнул он. — Завтра будет завтра, — и, чтобы не думать о чуть притупившемся голоде, решил чем-нибудь заняться.

Достал из выдвинутой полки несколько белоснежных альбомных листов. Затем сгрёб в охапку разбросанные по столу карандаши, поставил их обратно в зелёный стаканчик. Аккуратно стопочкой уложил перед собой листки. Из груды простых карандашей выбрал штук пять, на первый взгляд ничем не отличающихся друг от друга. Разложив их ровно, словно шпалы на одинаковом расстоянии, чуть повыше бумаги, на секунду замер и довольно, как писатель, только закончивший роман, осмотрел рабочее место. Сложенные стопочкой листы, ластик и пятёрка карандашей на заваленном учебниками столе смотрелись в самый раз. Посидев так с минуту (как если бы набирался сил перед финальным броском), он всё-таки решился — резким, неожиданным для стороннего наблюдателя движением схватил один из карандашей. Могло показаться, что орудие было выбрано наугад, хотя на самом деле мальчик точно знал, какой именно из тщательно отобранных «Ко-хи-норов» сейчас ближе. Это стало заметно уже в следующий миг...

Зажатый пальцами карандаш и вовсе исчез, растворился, слившись с кистью, стал придатком руки. А сам мальчик, лишь только взяв в руки карандаш, разительно изменился, отличаясь от того, другого себя, сидевшего за столом всего секунду назад...

Прямо перед глазами он держал карандаш, рассматривая его, будто видел впервые, и медленными, плавными движениями водил им туда-сюда, выписывая в воздухе невидимые линии. Казалось, что ребёнок, внимательно наблюдающий за движениями острья, упивается внутренней силой, наслаждается собственной

цельностью, появлявшейся каждый раз, стоило лишь взять карандаш или ручку и положить перед собой белый лист, в любой момент готовый принять на себя всё сокровенное... Стоило лишь покориться желанию рисовать - как он преображался в себя настоящего — целостного, совершенного, могучего воина.

Закрыв глаза, опустил руку и коснулся остро отточенным грифелем листа. Раз... Два... Три... Веки открываются - и вместе с тем рука скользит вверх, оставляя первую линию рождающегося рисунка. Ещё одна линия... Штрих... Ещё... И ещё... И ещё...

Спустя некоторое время листы пестрели образами людей, лицами и вещами, абстрактными переплетениями линий и узоров. А он всё рисовал и рисовал, и не думая останавливаться, отключив потоки мыслей, просто отдавшись потоку чувств и двигаясь в такт зарождающимся картинам. Он заполнял рисунками пустые страницы, как с ним это делали страхи.

Парень обожал эту одержимость, заставлявшую неистово, яростно превращать мнимые миры в образы на бумаге. Лишь в такие моменты он мог ощущать себя настоящим. Чувствовать, что он — есть, что он — это он... Художник переставал воспринимать тяжесть тела, а с нею - бремя довлеющих ненавистных будней. Вся жизнь сжималась в одну лишь мизерную точку на кончике карандаша. Рисуя, он обретал себя, чтобы спустя мгновение вновь потерять, слившись воедино с еле слышимым шёпотом грифеля на шершаво-белёсой бумаге.

Лишь на мизерные мгновения (иногда длящиеся часами) все исчезало. Оставался лишь карандашный шорох. И только!

Сколько прошло времени, сказать сложно. Когда он рисовал, исчезало само это понятие — может быть, полчаса, а может - и три. Когда мать громко (желая напомнить о недовольстве) поступалась и позвала ужинать, он даже не услышал, отдавая всё внимание рисункам...

Выйдя из комнаты, еле переставляя от усталости ноги (каждый раз после такой вот «медитации» тело совсем отказывалось слушаться), мальчик поплёлся к столу, хотя уже заранее знал, что к этому времени всё уже убрано. Как и ожидалось, стол ока-

зался предательски пуст. И это могло значить лишь одно — время ушло, а из-за дурацкого правила «семейного ужина» еды не видеть аж до самого утра.

Было принято, что ужин для всех должен быть событием исключительной важности. «Вечернее принятие пищи», как подчеркнуто почтительно говорила мать, проводилось в обстановке официальной, торжественной, характерной не обычной деревенской семьи, а высшего общества где-нибудь в залах Версаля.

Мальчик на дух не переносил весь этот пафос, предпочитая под любым предлогом устраниваться от совершенно идиотской, на его взгляд, церемонии. Однако возможность избежать тяжкой участи представлялась довольно редко. Наверное, и мать раздражало зрелище равнодушного поглощения отцом её кулинарных изысков.

Получалось, что каждый раз парню приходилось себя заставлять кушать со всеми. А мать даже слушать не хотела любые предложения по данному вопросу, упорно не желая понимать, что лучше всего есть, когда хочется, а не «по традиции».

Мальчик стоял перед пустым столом, думая лишь об одном — ночью будет очень голодно.

От греха подальше, он вновь спрятался в своей комнате, как черепаха в панцире. Неотвратимость кондовой родительской педагогики висела Дамокловым мечом.

Всё будет проходить, как всегда, по одной схеме...

Первое. Мать вместо вежливого стука несколько раз бухнет ладонью по двери. Зайдёт, нахмутив брови и уперев руки (по крайней мере, одну - точно) в бока. И просто встанет посреди комнаты... Хотя нет, не так... Нависнет над ним, молча буря сына взглядом. И так около минуты.

Второе. Набрав побольше воздуха в лёгкие, начнёт очень громкий разговор с вопроса: «Ты хоть соображаешь, ЧТО делаешь?!». Кстати, именно на этот вопрос он чаще всего и не мог ответить даже себе, на самом деле не понимая, ЧТО такого ужасного совершил. Далее последует продолжительный монолог с хватанием за сердце, регулярными вкраплениями слёз и поочередно

сменяющимися друг друга нотациями, обвинениями, мольбами и жалобами.

Третье. На шум придёт отец, чтобы помочь жене в воспитании «сына-оболтуса». Хотя, на самом деле, ему просто мешают смотреть телевизор.

Четвёртое. Отец спросит: «Что на этот раз?» Но не успеет мать и трёх слов сказать, как мальчик уже получит по шее — не больно, но чрезвычайно обидно, на сдачу получая что-то типа «Не сын, а полный придурок!», «Хватит мать изводить, баран!» и в том же духе с минимальным количеством вариаций.

Пятое. Мать с воплями бросится на защиту сына.

Шестое. Родители начнут ругаться между собой. Забыв про сына, они постепенно удалятся из комнаты. Мальчик наконец-то останется один. Стараясь не обращать внимания на скандал, займётся своими делами.

Седьмое. Обиженная мать рано ляжет спать. Злой отец будет допоздна смотреть телевизор и уснет прямо на диване.

Восьмое. Все довольны, кроме мальчика, считающего, что вполне можно обойтись без этого приевшегося якобы воспитания.

Подобный спектакль проходил с раздражающей регулярностью примерно раз в неделю, а то и чаще. Судя по всему, вряд ли сегодня его удастся избежать...

То, что мать и отец не любят друг друга, он понял давно. Как раз во время семейного ужина.

Вот так просто сидел за столом со всеми, без особого желания ковыряясь в ароматных голубцах, ни о чём конкретно не думая... Так, о всякой ерунде. Зачем-то понадобилось оторвать взгляд от тарелки и посмотреть на грустную мать, на равнодушного, холодного, словно горный ветер, отца. Именно тогда он и увидел, а увидев, понял, что они совсем друг друга не любят. Просто сосуществуют (очень подходящее слово) рядом — ни больше и ни меньше.

Почему с ними это произошло? Было ли когда-нибудь по-другому? Мальчик не знал, и честно говоря, совершенно не хотел

разбираться.

Нельзя сказать, что это открытие далось легко. После ужина он находился в состоянии непонятной прострации, не совсем ображая, что ему теперь со всем этим знанием делать. Тогда он вернулся к себе, выключил свет, рухнул на кровать и долго валялся, разглядывая темноту. В конце концов, он решил эту мысль оставить такой, какая пришла, без изменений и додумок — задвинуть в самый дальний чулан своей памяти, предварительно закатав в трёхлитровый баллон.

«Пусть всё будет так, как будет, — думал он в темноте. — Вряд ли я хоть что-то смогу изменить». С этой мыслью он и заснул.

Тогда ему, кажется, исполнилось десять лет.

Он сидел за письменным столом, аккуратно выводя в тетради каждую латинскую букву. Как ни старался, не мог полностью погрузиться в задание, отчего постоянно делал ошибки. Не получалось сосредоточиться из-за бегущего впереди любых мыслей тягостного ожидания расправы в лице разъярённой матери. Уж слишком долго она не появлялась, чтобы нарушить своими криками царящее в комнате в свете настольной лампы спокойствие и полумрак.

То полностью погружаясь в перевод очередного достаточно сложного текста, то замирая, прислушиваясь к шагам и голосам родителей за дверью, мальчик ждал. В конце концов, когда окончательно надоело ждать положенного нагоняя, он смог плюнуть на всё и полностью погрузиться в работу.

Английский язык или «инглиш», как его все называли, был, наверное, самым интересным предметом. И дело даже не в том, что мальчику не составляло никакого труда преобразовывать родные слова в язык далёких стран. Скорее, больше нравилось понимание возможности самому говорить и даже думать «по-другому». А способности к языкам только подкрепляли желание учиться. Когда неизвестные доселе слова моментально и крепко-накрепко оседали в памяти (стоило лишь узнать их перевод), сразу возникало стремление узнавать как можно больше. Словно пробуя на вкус экзотическое блюдо, мальчик смаковал произно-

шение нового слова — медленно, с чувством выговаривая каждый звук, ощущая тяжесть или ветреность смысла, что оно в себе несло.

— Си-и... Ре-е... Ни-и... Ти-и.. — проговаривал мальчуган в очередной раз, наслаждаясь звуком своего голоса. — Сиренити-и... Спокойствие... Сире-енити — спокойствие... — он будто взвешивал ещё неоткрытый подарок, закрыв глаза, прислушиваясь к приятной тяжести внутри.

А еще приятнее было думать на чужом языке (который стал почти родным). Тогда ребёнок мог представить, что он находится вовсе не здесь, а где-то совсем в другом месте — там, где ему и положено быть: где все думают, как и он, наслаждаясь «английскими» мыслями, где каждый занимается своим делом, где он мог бы днями напролёт изводить листы карандашными рисунками... «И ни тебе безумно холодного ветра, готового до-браться до самого сердца, стоит лишь чуть-чуть расслабиться, ни тебе насмешек в скучной школе, ни дурацких ужинов по принуждению», — мечтал он по-английски.

Мать словно бы стояла за дверью, дожидаясь, когда сын поставит в тетради последнюю точку, чтобы нерешительно (в противовес ожидаемому) постучать, прося разрешения проникнуть. Паренёк опешил, но, быстро опомнившись, громко пригласил войти:

— Заходи, мам!

Он знал, кто стучится. Отец никогда этого не делал - просто распахивал дверь. Ему, наверное, и в голову не приходило, что на это нужно разрешение.

Дверь приоткрылась, в проёме наполовину показалось лицо матери. И лишь затем она зашла «вся».

Мальчик всё также сидел на стуле, лишь повернувшись ко входу боком.

Мать заботливо прикрыла за собой дверь. Та даже не скрипнула. Всё так же тихонько, боясь издать лишний звук, будто могла кого-то разбудить, неуклюже ступая по ковру, прошла к кровати и села. Кровать лишь обреченно скрипнула под непривычно

большой тяжестью.

Из-за лампы, яркости которой хватало лишь на стол да пару метров пола, мать выглядела бесцветно, блёкло, словно застряла в чёрно-белом фото. Она сидела, опустив глаза на собственные руки, с любопытством наблюдая, как они разглаживают невидимые складки на и так идеально ровном халате.

— Ты... — начала безжизненным голосом «чёрно-белая» мать. — Ты уроки как... Уже сделал?

Он кивнул. Была видна растерянность мальчугана — всегда суровая и категоричная мать неожиданно говорит с ним так... Спокойно, «на равных» — это нонсенс.

«Оказывается, может быть и так!» — удивлённо подумал он.

К тому же он ожидал хорошей взбучки, криков и даже физического наказания, но никак не вопроса об уроках.

— Хорошо, — только и сказала она бесцветно, продолжая наблюдать за движениями своих рук. — А я... Я тут подумала... Хочешь, завтра твой любимый «Наполеон» сделаю? Ты сегодня, считай, ничего целый день не ел. Да и сладкого давно у нас не было. Ты как на торт смотришь?

Мальчик хмурился, не веря в неожиданно свалившуюся щедрость и ожидая спрятанного за пазуху подвоха:

— Было бы неплохо...

— И я так думаю, — сказала она. И замолчала.

Немного помедлив, мальчик все же рискнул и спросил:

— Мам, у тебя всё в порядке? — хотя уже сам прекрасно знал ответ.

— Да-да, конечно! С чего это ты вдруг спрашиваешь?

Взглянув из своего «цветного» мира в черно-белый мир матери, парнишка увидел, как та улыбается. Но её неестественная улыбка преграждала путь слезам, что скатывались по щекам.

— Ты плачешь.

— Неоспоримый факт, — попыталась она отшутиться. — Всё в порядке.

— Мам... — позвал он, но женщина не подняла глаз. Сердце ёкнуло, а в груди заныло. Голос матери был наполнен тихим отчаянием, а кукольная улыбка на зарёванном лице выдавала

ложь... Маме очень плохо?

Она оторвала взгляд от собственных рук, чтобы заглянуть в глаза сыну. Её кисти тоже замерли. Всё это продолжалось не более нескольких секунд. Затем она снова сосредоточилась на своих руках.

— Всё нормально, — ещё тише и совсем уж неестественно повторила она. — Всё, как всегда. Я вот... Просто спокойной ночи пришла пожелать...

— Мам! — пытаюсь хоть что-то понять, окликнул он снова, но его слова не могли преодолеть вязкую границу между различными мирами. Тоска против спокойствия. Тьма против света. Цвета плодородной осени против серой зимы.

Она так ничего и не ответила. Три секунды... Десять... Она встала и, будто боясь кого-то разбудить, прошла к двери. Взявшись за ручку, немного подождала, словно набираясь сил, чтобы её повернуть и выйти. Но неожиданно продолжила прервавшийся разговор, которого не было:

— ...Просто знай и всё... Больше я ничего не хочу... Знай, что только для тебя и живу! Не станет тебя - мне незачем будет каждое утро открывать глаза...

— Ма-ам... — уже сам чуть не плача, совершенно не понимая почему, протянул он в надежде, что она объяснит, растолкует свое странное поведение.

— Просто знай и будь рядом... ВСЕГДА. Спокойной ночи, — прикрыла она за собой дверь.

Мальчик так и остался наедине со своим непониманием и полной растерянностью. Новое видение матери... Точнее, видение *новой* матери и мешанина собственных чувств в груди не давали ему успокоиться и толком разобраться в произошедшем.

Забравшись под одеяло, он всё думал и думал, пытаюсь привести мысли в порядок.

«Странно, — в который раз прокручивал он материнские слова на грани сна. — Чудно всё это. «Будь рядом всегда»... От этих слов аж мурашки по коже».

Так и не сумев хоть что-то понять, продвинулся хотя бы на

шаг к разгадке «феномена маминых слёз», мальчик уснул, забыв по привычке просить небеса, чтобы следующий день не настал.

Глава 2

ДУХ ЗДАНИЯ

*«Придет время, когда ты решишь, что все кончено.
Это и будет начало.»*

Луис Ламур

Вся моя жизнь — та её часть, что не затерялась в перестуке колес, то, что я *помню* и *знаю*, известное мне пространство — совершенно неуправляемо. Я полностью зависим от расписания поезда. Его движение невозможно понять и упорядочить.

Банально и просто — я или еду, засыпая и просыпаясь под перестук колёсных пар, или наблюдаю за безлюдными остановками в ожидании, когда же, наконец, невесть откуда раздастся протяжный гудок - сигнал отправления. Вот два моих состояния — движение и ожидание. Но этого для меня слишком мало.

Как я отношусь к тому, что моя жизнь полностью ограничена настроением поезда? Даже не знаю... А как можно относиться, если знаешь, что бороться не имеет смысла (потому что не с кем), а смириться не получается?! Принять мою несвободу как данность? Не могу! И поэтому остается только одно — ждать. Вот уж что действительно у меня хорошо получается. Я жду... И жду...

Когда я в дороге - *жду остановку*. Ведь новое место, куда привезёт состав, может стать ответом на мои вопросы, разгадкой реbusа странной жизни... Или хотя бы внесёт чуточку ясности в непонятный мир, окружающий меня. Но, в очередной раз открывая дверь на улицу и осматривая новый, выбранный поездом по каким-то непонятным мне критериям пейзаж, я понимаю, что это - всего лишь очередной обделённый жизнью закоулок пространства. И никаких ответов не найти. Будь то вершина горы или гладь океана — всё это - очередная ирреальная картина.

И тогда я начинаю *ждать нового пути*. Лента Мёбиуса...

Я уверен, есть другие выборы и решения, но... Я их не вижу.

Поэтому и ожидаю. С уверенностью, что, рано или поздно, ответы придут сами. Главное — желать и ждать. Должны же когда-то начаться изменения в моей болотистой жизни. Непременно! Иначе не выдержу: слишком много бесконечности для одного. Я даже возникающие прямо сейчас мысли ухватить не всегда могу — всё куда-то ускользает... Что уж говорить о чем-то большем и большем?

Вот так, сидя у окна, пытаюсь запомнить хоть что-нибудь из сквозняком пролетающих пейзажей, я думал, наблюдал и ждал в предвкушении тысячной остановки, когда же поезд соизволит замедлить свой ход. Я ждал, теряя терпение и наполняясь *отчаянием*. Со времени океанских каникул прошло уже много, очень много ожидания.

Поскорей бы состав устал от своего марафона! Быстрей бы начал всё ленивей проползать железные ступени, чтобы, в конце концов, пронзительно запищав и пустив по телу предсмертную судорогу, окоченеть, замерев на месте. Поскорей бы...

За окном была ночь. Нет, точно ночь...

Я лежал на койке во тьме, разбавленной наружным светом. Вроде бы ничего странного. Вроде бы...

Ночью я очень крепко сплю. Вижу неестественно яркие сны, с пробуждением хронически выпадающие из памяти. Быстро, легко засыпаю и так же просыпаюсь — словно ныряю в бассейн и уже спустя мгновение вынырываю. Что может убаюкать слаще перестука колесных пар? Просыпаюсь лишь в предчувствии скорой стоянки. Просто пробуждаюсь без особых причин и больше не смыкаю глаз. Значит, скоро придётся поработать.

Думаю, теперь понятно, каково было подхватиться среди ночи. Не дремать — просто лежать, чувствуя — что-то не так, не как всегда, ненормально.

Первое — я проснулся ночью. Второе — не слышно стука колёс и не чувствуется привычной тряски. Третье — сквозь сомкнутые веки, где в беспорядочном бешенстве метались сбитые с толку зрачки, проникали частицы, чуждые тьме. Свет? Но откуда? В полночь?!

Сел на койке, коснувшись ступнями потрёпанного половика. Сквозь выцветшие занавески, скорее украшающие окно, нежели дающие реальную пользу, в нескольких метрах от вагона можно было разглядеть яркий живой шар. Сфера искрилась вовсе не солнечным светом... ИСКУССТВЕННЫМ СВЕТОМ!!!

Казалось, окутанный тьмой фонарь никак не может одолеть её, с трудом освещая себя, пару метров земли да скупо выплёскивая сияние на моё окно. Всё-таки это было очень непривычно — смотреть на своё купе, тьму которого разгоняет свет уличного фонаря.

Я натянул рубашку, снял и нацепил висевшие на плечиках штаны униформы, затем туфли и, глубоко вздохнув, попытался избавиться от волнения. Затем проник в тамбур. Долго провозился с наружной дверью. Когда же, наконец, она была открыта и ступени спущены, глянул во мрак — несмело, робко. Спу-

скаюсь на платформу, ещё несколько шагов — и, растерянно озираясь, оказываюсь внутри яркого шара, оберегающего меня от темноты, словно кокон - личинку,

Впервые я столкнулся со следами присутствия иных людей. Впервые настоящая станция, а не дикий ландшафт. Многое впервые...

— Ну что, дождался? — спросил я вслух.

Я стоял в лучах фонаря, будто под животворным душем. Тонкая хлопчатобумажная рубашка не могла защитить от промозглой ночи. Всё тело пробирала дрожь. Но я даже не пытался сопротивляться ей: ведь сейчас даже она была символом надежды и скорых изменений.

В слабом свете фонаря я стоял, скрестив на груди руки, чтобы хоть немного стало теплей. Но всё равно дрожал, понимая — не столько от холода, сколько от предвкушения (как в канун Нового Года - вслед за мандариновым запахом) чего-то важного, большого и радостного.

Конечно, хотелось зайти в купе и взять пиджак, но я всё не решался. Казалось - стоило лишь шагнуть на железный пол тамбура, как сразу же раздастся пронзительный гудок и состав тро-

нется, навсегда увозя от светившейся в ночи надежды. Поэтому и мёрз, рассматривая вагонные окна. Когда стоишь на потрескавшемся асфальте в абсолютном одиночестве, под фонарем, в окружении полночи и смотришь на ряды окон твоего дома-тюрьмы, возникает странное ощущение. Трудно осмыслить, что можно жить сразу во всех этих вагонах.

Потом я совсем продрог. Поняв, что больше не выдержу, осмелился сбежать за форменным пиджаком, чтобы уже при полном параде вернуться на пост.

...Вопреки опасениям, поезд даже и не думал трогаться. Что теперь? Просто ждать. Потому что больше ничего придумать не могу. А что можно придумать, если со всех сторон окружает тьма? Хоть глаз выколи — дальше, чем на метр, не видать. Сначала нужно понять, где я, а уже потом уже разрабатывать план.

К тому же, как ни прискорбно это признать, сейчас я абсолютно растерян и сам себе напоминаю испуганного, *потерявшегося в зарослях кукурузы* малыша.

Выход один — ждать! Лишь когда крошечная тьма сменится мглой и начнут проступать хоть какие-то очертания, можно двигаться дальше.

Усевшись на ступеньку вагона, я стал просто выжидать, уставившись на световой островок впереди. Казалось, между нами - абсолютный космический вакуум, некая зона небытия... Чтобы добраться до фонаря, сначала нужно погрузиться в нуль-пространство, в пропасть, растворившись в пустоте, а затем, возродившись, вынырнуть в свете искусственной луны. Интересно, где я? Не в смысле местности, а сезона? Обычно сложно угадать, где остановится поезд. Бывает, едешь по невыносимой летней жаре, что даже дышать трудно, как вдруг состав замедляет ход и уже совсем скоро останавливается в прохладном начале весны. Будто вся Земля делится на пятна размером от нескольких метров до сотен километров. В каждом - свой сезон и своя погода. Светит солнце, птицы поют, листва зелёная, а совсем рядом - холод, ветер с дождем — раз... Переступил невидимую границу - и ты уже в другом секторе. Чудно!

Я потянул носом — пахло серединой сентября. Временем, ко-

гда трава ещё не совсем пожухла, и листья, налившись киноварью и пурпуром, несутся в стремнину листопада. Холод, от которого я тщетно пытался укрыться под тонкой тканью пиджака, был уже не летним, но ещё и не зимним. Очередной глубокий вдох... Отчётливо пахнет осенью — аромат увядания, рождённый среди постоянных дождей и серого жемчуга туч.

Ладно! Хватит гадать — с рассветом всё станет на места.

Озноб... Скрестив руки на груди в тщетной попытке преодолеть его, я приник к холодному боку цельнометаллического вагона. Ждать совсем немного.

Как удалось уснуть в такой стыни, загадка до сих пор...

Когда проснулся, было уже довольно светло... Светло, в сравнении с тем крошечным ночным мраком.

Шея и левое плечо страшно затекли. Вознамерившись оторвать их от тела, наверняка ничего бы не ощутил. Поэтому первым делом встал, чтобы размяться — покрутить головой, помахать руками, несколько раз присесть, при этом не забывая осматриваться по сторонам.

Света хватало, чтобы разглядеть всё необходимое. Хотя и настало утро, всё же кое-где последние пылинки тьмы выветрились не до конца, мизерными облачками плавая в воздухе, из последних сил цепляясь за деревья, прячась среди спутанных ветвей высохших кустарников и под моими ботинками. Окружающее пока ещё казалось блёклым, выцветшим, прорисованным карандашным грифелем. Царящей здесь осени это было очень к лицу.

Я стоял на длинной асфальтированной платформе, на том самом месте, где ещё ночью купался в свете фонаря. Правда, сейчас маленькое солнце угасло, погибло до следующей темноты.

Чуть поодаль на тяжёлых чугунных ногах примостилась большая деревянная лавка. Ей-Богу, до неё было каких-то десять шагов, а ночью я даже представить не мог, что может быть в этом «хоть глаз выколи» мраке. Сразу за скамьёй рябым забором росли деревья, «укрывающие» от моего взора огромное золотисто-жёлтое поле высокой травы. Оно простиралось далеко за горизонт.

Вот в принципе и всё: состав, платформа, фонарь да лавка; скупой ряд деревьев, за которым раскинулось бескрайнее поле. И ни тебе тропы, никакого указателя направления, ведущего к людям, для которых всё это сделано.

— Будь внимательнее! — приказал я себе.

Зародилось чувство, что сейчас меня окружает тот самый шанс, который я столько вымаливал своим ожиданием... И важнее всего его не упустить. Обрести путь и двигаться дальше.

Огляделся ещё раз. На вертикальных корягах, что лишь с трудом можно было назвать деревьями, болтались жалкие остатки скукоженных, засохших листьев. Старое золото поля. Небо, покрытое грязными, рваными лохмотьями туч и тяжёлый запах приближающейся гибели. Бьюсь об заклад - сейчас середина осени! Или, скорее, тот период, когда остаётся самая малость до первого снега (что, конечно же, не растает до самой весны).

Я глубоко вдохнул. Никаких сомнений — букет иной, чем ночью: не те ноты, не тот сезон! Могу поклясться: ночью пахло так, словно лето только-только сняло шляпу, чтобы учтиво откланяться... А сейчас уже почти зима.

Может ли быть, что с приходом солнца всё так сильно изменилось?

Об ошибке не могло быть и речи — уж очень чутко, до мельчайших подробностей я всегда улавливаю любые изменения в природе.

Вдруг порыв ледяного ветра, желая подсказать выход, вырвался из-под вагона и обжёг лицо. Ну конечно!

Желая увидеть, что же находится с другой стороны, я пригнулся. Но, кроме, подобравшейся к самым рельсам высокой травы, ничего не увидел. Чтобы скоротать время и рассмотреть как можно дальше, я взобрался в тамбур, рассчитывая открыть дверь с другой стороны, но... Не тут-то было: дверное стекло заиндевело!

Пришлось пройти по коридору вдоль всего вагона. Меня ждал тот же результат — окна со стороны закрытой двери оставались абсолютно непроницаемыми. Сквозь ледяную корку проглядывали лишь смутные тени. Со стороны же полустанка стекло, как и

положено, было прозрачным — те же деревья, та же золотистые травяные джунгли.

Тогда, сгорая от нетерпения, я отпер дверь. Не скажу, что это далось легко. Замёрзший замок покорился не сразу...

Давно пора смириться со вселенским абсурдом, но... Всё никак, никак не привыкну к горячему хлебу из холодильника, к рельсам посреди океана, и уж точно не привыкну, что из приоткрытой двери на меня неожиданным несчастьем может наброситься дикий холод!

Я прынул назад, неосознанно стараясь защититься. Но, естественно, тщетно. Поток промозглого воздуха ворвался в тамбур из одной двери, вылетев в другую — в ту, за которой виднелась осень.

Несмотря на сильнейший мороз, желая рассмотреть, что же по другую сторону вагона, я всё же подошёл к открытой двери. Уж слишком хотелось найти выход!

Вырастающие прямо из покрова снежной ваты исполинские сосны подступали к самым путям. Я высунул голову на улицу (изо рта сразу вырвалось белое облако пара) и посмотрел вверх — неба даже не видно. Густые кроны, переплетаясь высоко над землей, создавали единый, непроницаемый купол. Из-за этого кругом было мрачно (не темно, а именно мрачно). Лишь кое-где - прогалины. Сквозь них пробивались прямые солнечные лучи, оставляющие на снегу огромные светлые пятна. Поэтому белый покров походил на пораженную псориазом кожу.

Вместе с жалкими, прорывающими шапку ветвей крохами света, вниз слетали снежинки. Мерцающая светлячками, они медленно спускались к земле, сливаясь в огромную скатерть.

Красиво... И страшно одновременно!

С одной стороны — какой-то полустанок, как островок в бушующем море ржи посередине осени. С другой — рать исполинских деревьев в зимней стуже. Я в двух местах сразу...

Вдруг я понял, что ничего не придётся искать и разгадывать — все ответы тут, рядом. Просто нужно «открыть» глаза и выбрать направление.

Отвернувшись от зимы, я выбежал в осень; пролез под поез-

дом, оказавшись на границе поля, и посмотрел в открытую дверь. Там ваиднелся стылый мрачный лес. Бьюсь об заклад: если то же самое сделать со стороны зимы, сквозь тамбур я увижу осеннее небо. Но проверять не стал - уж слишком неприветливым и безжизненным казался мир, где солнечный свет - большая редкость.

Я впервые оказался на границе двух секторов пространства. И впервые встречаю следы других людей. Впервые чувствую, что выход есть и он рядом. Впервые нет безысходности, а есть движение. Впервые...

Конечно же, я выбрал осень. Золото по душе больше, чем стылое серебро.

На верхней полке моего купе обнаружил небольшой заплечный рюкзачок. Знаю, что раньше его здесь не было.

Набиваю его провиантом. Тушёнка и сгущёнка (самые туристические продукты) дожидались моего похода. Внутри уже лежал складной нож, большой фонарь и один-единственный диск (запись джаз-концерта О. Питерсона). Хотя такой набор кажется странным, я не решаюсь их выкладывать. Если эти вещи здесь, значит, пригодятся.

В шкафу нашлись тёплые вещи. Причём, на мой взгляд, слишком тёплые для осенних прогулок — пуховая куртка с капюшоном, утепленные штаны, ботинки на меху. Всё это уже приходилось несколько раз надевать, когда состав останавливался посреди снежной пустыни и в горах. Тогда на улицу невозможно было выйти из-за жуткого снега и холода.

Ну, что делать... Если именно эта амуниция сейчас болтается в шкафу – значит, именно она и нужна. Не в одном же кителе, в самом деле, отправляться в дорогу. Сразу вспомнилась ночная стынь.

И вот при полном параде, в дутой куртке и с полным рюкзаком, я стоял в тамбуре на распутье. Налево пойдёшь - в снега забредёшь. Направо пойдёшь - в траве утонешь.

А, может, я зря избрал осень? Может, тёплая одежда - и есть подсказка и мне уготован иной путь? Я снял ношу, и, недолго поковырявшись, достал фонарь. Высунувшись по плечи в царство

спящего леса, начал светить по сторонам, стараясь уловить хоть малейшие признаки человека. Луч фонаря бегал по снежному покрову, стволам деревьев, куполу ветвей вместо неба... Нет здесь жизни – только мертвенный хлад. Ладно, если решил выбрать осень, нечего медлить...

Ведущую в зиму дверь решил не закрывать, как бы наудачу.

На асфальтированную платформу спускался под грохот металлических ступеней. Ещё раз сверху донизу оглядел поникший от безделья фонарь и лишь затем ступил на рыхлую землю. Пройти с десятков шагов, обогнуть дерево - и вот я перед самым полем. Будто в одночасье выстроили стену – монолитную, непроницаемую, неприступную. Кажется, шагни я в эти дебри - сразу начну задыхаться, утопать в золотистой пучине. Страшно, но надо пересилить себя и сделать шаг, чтобы обратно пути не было.

— Чего ты так боишься? — спросил я сам себя, надеясь, что звук голоса хоть немного разомкнет стянувшие тело оковы. — Самое худшее, что с тобой может случиться, — ты опять уткнёшься в свой поезд.

— Именно это и страшит меня больше всего. Я боюсь, что так и буду топтаться на месте. Боюсь, что мои надежды ложные и всё останется, как прежде...

— Если боишься проиграть, то это нормально. Но если не рискнёшь выиграть, то ты уже проиграл. Или ты решаешься, или... Опять бесконечное ожидание *чего-то*.

Не думал, что будет так тяжело погрузиться в густые, не меньше чем на полметра выше моей головы, травяные заросли.

— Двигайся! — заорал я что было силы и сразу же шагнул вперёд, зачем-то задержав дыхание.

Странное состояние... Сколько новых, неведомых ощущений появляется в моей жизни! Мне это нравится! Нравится новизна. Нравятся перемены.

Я иду, с трудом делая каждый шаг, руками разгребая сплетённые травинки, словно плыву в мутном болоте. Небо почти не видно: высокие заросли скрывают его от меня. Но я иду...

Моя куртка расстёгнута — жарко... Ведь тело работает на пределе. Препграда невероятно сложна. Но надо идти! И я иду...

Сначала злюсь... Затем, слишком устав для гнева, делаю небольшую поляну, утаптывая траву так, чтобы она устилала землю толстым ковром. Наскоро подкрепляюсь и, свернувшись клубком и подложив под голову сумку, проваливаюсь в глубокий сон. Как всегда, не снится ничего. Иногда думается, что нахожусь в месте, куда сны не долетают — так далеко я запрятан. Вовсе не холодно — подстилка из травы с тёплой одеждой надёжно защищает и от сырой земли, и от промозглого осеннего воздуха. Лишь яркая луна, освещая мой сон, помогает набраться сил на предстоящий день.

Проснувшись, опять наскоро перекусываю. Поднимаюсь и вновь иду... Уже не злясь, а размышляя о всякой ерунде: о загадках поезда, о странных местах, где бывал... Думаю обо всём, лишь бы голова была занята - иначе мелькание нескончаемой травы со всех сторон попросту сведёт с ума...

Когда становится совсем плохо, я перестаю идти, пригибаю траву и смотрю на хмурое небо. Когда темнеет — ем, пью и ложусь спать. Когда светает, просыпаюсь и вновь иду...

За злостью пришло отчаяние... Уныние, порождённое бесконечностью...

Стал слышаться голос, упрекающий в глупости: "Ты ошибся, — раздражённо твердит он, — и теперь готовься блуждать в этом проклятом золотом лабиринте ВСЕГДА!" Как я ни изгонял его, как ни пытался заглушить слабой надеждой и мечтами о скором выходе, страх все равно находил лазейки, выползая на поверхность.

Я иду и плачу... А наружу хрусталиками слёз из глаз выливается *отчаянье*. И ничего не остаётся делать, как идти и идти вперёд... Засыпая с наступлением ночи и поднимаясь вместе с пробуждением света.

И лишь когда в опустошённом и измотанном теле не осталось ничего, кроме безразличия и смирения, я смог выбраться. Спустя много-много хмурых дней и лунных ночей я выбрался...

Глядя под ноги, дабы трава не царапала лицо, разгребая её ру-

ками, я не сразу сообразил, что идти вдруг стало совсем легко, а руки касаются лишь воздуха. Получилось шёл-шёл, а затем «Бах!» — и словно вынырнул из зарослей.

Позади оказалась уходящая в обе стороны бесконечная стена травы. Даже моих следов не осталось. А впереди — то, к чему стремился, зачем так упорно шёл.

Я стоял на краю скошенного поля. Из земли торчали короткие пеньки, достающие до лодыжек. Впереди виднелось какое-то строение. Уже темнело. Отсюда сложно было что-то толком разглядеть — по бело-красным пятнам окон было видно, что в доме пять этажей.

Быстрым шагом, наслаждаясь свободой и лёгкостью, я направился туда.

В вечерней темени старое полуразрушенное здание то ли заброшенного склада, то ли завода казалось ещё мрачнее и будто подавляло.

В стенах то здесь, то там не хватало целых кусков. И лишь обглоданные ржавые прутья торчали из дыр. Железобетонные блоки-ребра держали остатки чего-то, когда-то служившего людям, защищавшего их от дождя и ветров. Сейчас же этот полумертвец был ни на что не годен. Разве чтобы наводить тоску и мысли о смерти...

Честно говоря, я сильно расстроился, когда после стольких усилий и бесконечного ожидания впереди показалась эта развалюха.

Найдя место, более всего походившее на вход, я проник внутрь.

Здесь было ещё хуже... Повсюду - обрывки проводов. Пол сплошь усыпан мусором: битым кирпичом, искорёженными железяками и осколками стёкол. Между ними - лужи и жидкая грязь. Мрак, сырость и холод.

Сильный, сквозящий ветер бился о стены, пытаюсь выбраться, спастись из ловушки. Диким зверем он метался внутри, просачиваясь, находил какие-то щели-лазейки; издавал странные звуки: то ли свист, то ли хрип... Сама постройка стонала умирающей

старухой — просило о помощи, молило об избавлении...

Огляделся ещё раз. Под курткой пробежал озноб — последние вздохи, обвисшие лохмотья, одиночество и бесконечное, медленное загнивание. А ещё где-то в темноте звук падающих капель — неужели это и есть смерть? Смерть во плоти?

Наваждение опутало, порождая страх, и погнало прочь. Я встряхнул головой, стараясь прийти в себя, вернуться в реальность и не кинуться вон отсюда со всех ног, куда угодно, лишь бы подальше... Мне нельзя бежать. Особенно сейчас, когда я искал следы людей и, наконец, нашёл их. Нашёл, чтобы поддаться непонятному, нелепому страху? Нет уж!

Ясно, что здание прогоняло меня.

На улице окончательно стемнело — границы комнат угадывались лишь по неясным очертаниям, а в дырах стен виднелась лишь темень. Я достал из рюкзака фонарь и начал обшаривать каждый угол в поисках... Чёрт, а, действительно, что именно я ищу?! Выход? Отгадку? Или подсказку? Тяжко, когда нет определённой и вполне конкретной цели — «ищи то, не знаю, что».

Не найдя ничего интересного на первом этаже, решил подняться на второй, содрогаясь от мысли, что так придётся рыскать по всем этажам.

Лестниц оказалось две. Остатки первой можно было различить лишь по выпирающим из-под груды хлама первым трём ступеням. Вторая бетонными обрубками сохранилась чуть лучше. По ним-то я и смог кое-как, прижимаясь к стене, подняться сначала на пролёт, а затем и на второй этаж.

Здесь было немногим лучше, разве что луж и мусора меньше. А ещё - очень тихо... Каждый мой шаг разносился далеко вперёд — как бы бережно я ни старался ступать, под ногами постоянно что-то хрустело, надламывалось, крошилось и позвякивало.

А я шёл вперёд... Чувствуя, что уже точно знаю, куда. Поэтому шагал уверенно, но всё же стараясь издавать как можно меньше звуков. Так по наивности хотел обмануть здание. Будто оно не знает, что я всё ещё здесь.

Направление ощущалось вполне отчетливо. Пройдя несколько больших залов, петляя по бесчисленному количеству коридо-

ров, остановился. Вот оно! Нашлось!

Я стоял в проёме просторной комнаты. В левой стене находилась ещё одна дверь, из-за которой доносились какое-то шуршание или, скорее, возня и приглушенная, еле уловимая мелодия... Музыка? Здесь?!

Чтобы не выдать своего присутствия, я выключил фонарь. Стоя в темноте, я мог наблюдать, как из прохода, освещая пол и часть противоположной стены, пробивается свет. Мерцание оттенков красного, пляска теней — вот всё, что было доступно. Но и этого хватило, чтобы понять — за стеной жгли костёр.

Ещё осторожнее, чем прежде, я стал подбираться к новому открытию... Но, не стерпев напряжения, вынырнул из-за угла — всего несколько шагов — и я стою в освещенной пламенем комнате.

— Здравствуй, воин! Долго же ты добирался. Я уж думал, что и вовсе с *полем* не справишься, — сказал старик.

В самом центре небольшой комнатухи горел костер. Трепетного света вполне хватало, чтобы разглядеть всё до мельчайших подробностей.

В отличие от остального здания, бетонный пол здесь был свободен от хлама и мусора. Однако идеально чистым его тоже не назовёшь. В полуметре от костра в полу зияла небольшая дыра. Судя по угольно-чёрному следу, туда сбрасывали сгоревшие дровяшки, пепел и сажу. Дым от огня уходил в выдолбленное в потолке отверстие.

В одной из стен находилось замурованное красным кирпичом окно. Помимо бывшего окна и проема, в котором стоял я, ничего напоминающего выход не было.

Старец сидел у костра на толстом матрасе, прислонившись спиной к стене. В руке он держал длинную палку с обгорелым кончиком, которым периодически тревожил огонь, ворочая горящие палки. На меня он ни разу не взглянул, полностью увлечённый костром.

Музыка доносилась из динамиков маленького стереобумбокса, точной копии моего проигрывателя. То, что мы со ста-

риком оказались владельцами одинаковых вещей, меня почему-то немного успокоило.

Из-за приглушенного звучания нельзя точно сказать, что слушал старик — долетающие до меня звуки иногда походили на фортепьянные переливы, иногда — на гитарные переборы, и даже на хор детских голосов.

Я так и остался стоять в дверном проёме, дожидаясь хоть какого-то указания от хозяина комнаты. Как себя в данной ситуации вести и что вообще делать, я не имел ни малейшего представления. Поэтому не больно уж и торопился хоть что-нибудь предпринимать — мне требовался тайм-аут, чтобы привыкнуть к присутствию в моей жизни *ещё одного живого человека*; чтобы справиться с бурлящими внутри переживаниями и страхом. Поэтому я просто ждал...

— У тебя есть на что опустить свой зад? — так и не отрываясь от занятия, обратился ко мне старик. — А то пол бетонный... Ещё отморозишь что-нибудь...

Я послушно скинул с плеч рюкзак, снял куртку и собрался было усесться, где стоял, но старик велел «приземлиться» рядом. Так я и сделал, оставив между нами преградой проигрыватель, разбавляющий моё напряжение неясной мелодией. Странно, но от того, что сел вплотную к колонкам, звук не стал вразумительнее ни на йоту.

Старик ковырялся палкой в костре, а я молчал, размышляя, этих ли перемен и изменений ждал.

— Мне есть что рассказать, — вдруг заговорил старец. — Так что спрашивай... Или ты хочешь, чтобы я за тебя всё сам сделал?

— Я... Я не знаю... — мой голос казался чужим. — Я так *долго ждал* этого случая, так сильно хотел хоть с кем-нибудь поговорить, чтобы мне ответили на все эти бесконечные вопросы... И вот теперь даже слова нормально сказать не могу.

И, действительно, на каждый произнесённый звук нещадно уходили остатки сил. Безумная слабость навалилась на меня. Казалось, ещё чуть — и мой позвоночник, не выдержав, надломится отчаянием, изведенном в золотом лабиринте. Одно только воспоминание о поле вызывало тошноту.

— Долго, говоришь, ждал ответов? — переспросил старик. — А как долго?

— Не... Не знаю, — пожал я плечами. — Долго и всё. Просто... Чем дальше поезд нёс меня куда-то, чем больше мест я видел, тем странности и порождаемые ими вопросы становились всё сложнее.

— Долго и всё... — опять повторил за мной старец, а затем, после коротких раздумий приказал, — Расскажи-ка о себе.

Я послушно приступил к пересказу своей небольшой и в принципе ограниченной жизни проводника: о непонятном составе без локомотива; о появляющихся и исчезающих вещах; о местах остановок; о неудачных попытках побега; о буднях, окруженных сплошными недоразумениями и загадками; о бессмысленном выполнении своих никому ненужных обязанностей...

Как ни странно, но сага вышла внушительная. Хотя, казалось бы, сколько той жизни — раз-два и обчёлся! Пока я привыкал беседовать с другим человеком, дед внимательно слушал не шелохнувшись. Хотя меня интересовала реакция незнакомца на мой рассказ, я так и не посмел взглянуть в его сторону. Сам не знаю, чего боялся.

— ...И думал, что, одолев поле, встречу что-то или кого-то, для кого был построен этот полустанок. Правда, всё оказалось не так просто, как предполагал в начале пути — пробираясь сквозь эти джунгли, отчаивался тысячу раз. Думал: никогда уже не выберусь из...

— Поле Отчаянья, — перебил меня старик.

— Что?! — опешил я.

— Поле Отчаянья — так это поле зовется.

— Почему? — удивился я.

— А ты как думаешь? Ведь только что сам говорил, — в голосе старика явно слышалось раздражение. — Не знаю, для чего оно нужно именно здесь, но это факт.

Я смотрел на гаснущее пламя. Света всё меньше...

— Оно не выпустит никого, пока не доведёт до отчаянья — в этом его суть.

— Но зачем?

— А ч-чёрт его знает! — старик развёл руками. — Может, оно так проверят?

— Проверяет? — ещё больше удивился я. — На что?!

— На что... Для чего... Зачем... — передразнил дедуля. — Может, хватит глупить? Начинай головой думать! Мозги на что?!

И в самом деле, я даже не старался разбираться, просто желая получать готовые ответы.

— Проверка, — решил предположить. — Смогу ли я испытывать отчаянье. Проверка на выдержку и силу...

— А точнее - на слабость, — поправил он. — Только *слабые* способны добраться сюда.

— Но поче... — начал было я, но сам прервал очередной *необдуманный вопрос*. — Сюда могут добраться лишь те, кто способен отчаяться — слабые... Потому что они ищут, и им... То есть нам нужны ответы.

Старик удовлетворённо кивнул и уже продолжил сам:

— Сильным, напористым не нужно ничего, кроме их силы и постоянного её подтверждения. Они прут и прут вперёд, не страшась препятствий, не зная, что победа может быть скрыта в поражении. Вот такие «победители», не позволяющие себе отчаяться, и разгребают колосья до бесконечности... Или пока не научатся признавать проигрыш, выбирать другой путь...

Единственное, что мне оставалось делать - это поспевать за ходом мыслей собеседника.

— Ты никогда не замечал, что победа приходит исключительно за чередой неудач, а истинный успех — вслед за отчаяньем? Неспособный отчаиваться человек не увидит выход из лабиринта...

— Сдаться, чтобы победить, — повторил я. — И сколько людей пробралось сквозь это поле?

— Двое. Ты второй.

— А первый кто?

— Я, — грустно ответил старик, подкрепив слова тяжким вздохом.

— Что это за место? — спросил я, оглядываясь вокруг, словно

наделся увидеть ответ в руинах.

Старец лишь хмыкнул. Мол, ишь ты, шустрик нашёлся! И только тогда я решил посмотреть на своего первого собеседника.

Голова прислонена к стене. Всё высохшее, словно окаменевшее, лицо изрезано шрамами глубоких морщин, а закрытые веки выражали усталость.

Вдруг короткая белая борода расплзлась и проступило какое-то подобие улыбки.

— Что это за место? — повторил он. — Ты задал очень важный вопрос. Не зная ничего, все силы бросаешь на поиски ответов...

Немного подумав, я кивнул, но сомневаюсь, что он увидел это.

— Справедлив ли окружающий мир? Подчиняется ли простым, понятным и привычным для тебя физическим законам? Насколько он опасен и как его можно изменить? Все эти вопросы возникли у тебя с тех самых пор, как ты оказался в своем вагоне — это так?

— Да, — согласился я без промедления. — Сколько себя помню, всё пытался разгадать и предугадать, что меня может ждать?

— Ну и дурак! — выругался аксакал.

— Почему же?! — хотел обидеться я, но передумал, решив, что сейчас есть вещи и поважнее.

— А потому! Если бы ты следил не за этим дурацким миром, а за собой, то уже давно ушел бы далеко вперед. А так только сейчас оказался здесь.

— По-вашему, я мог попасть сюда раньше?! — казавшиеся беспочвенными обвинения вывели из себя.

Он поднял руку и пальцами потер сомкнутые веки, затем ладонью провёл по лицу. Этот жест мог означать лишь одно — усталость... Безмерную, непосильную для человека ношу.

— Не злись, — сказал он мягко. — Когда-то я был очень требовательным к себе, а значит, многого требовал от других. Теперь-то и требовать смысла нет, но привычка осталась и не хочет уходить. Так что прости и не злись. Ты ведь пришёл искать ответы, так?

— Да.

— Вот и хорошо. Я многое могу рассказать, что, несомненно

тебе поможет и станет отправной точкой для дальнейшего пути.

— Да я и так чёрт знает сколько уже в дороге.

— Нет-нет... — медленно помахал головой старец. — До сих пор ты бессмысленно блуждал среди миров, не зная смысла собственного существования. Я же дам тебе самое главное из всего, что ты можешь получить от жизни!

Он умолк.

Сначала я ждал, думая, что сейчас он продолжит. Но затянувшаяся пауза давала понять — он ждёт шага от меня. Хочет, чтобы я сам *думал*. Ответ нашёлся почти сразу. Достаточно внимательно оглядеть внутреннего себя, свою однообразную жизнь с ног до головы, чтобы стало предельно ясно, *чего* мне так не хватало, *что* мучило непрестанно.

— Цель?! — спрашивая и утверждая одновременно, произнёс я.

Старик удовлетворённо кивнул:

— Именно цель придает всему сущему смысл. И именно цель отличает человека от животного, а отсутствие её уравнивает одного с другим... Я дам тебе и цель и смысл, но взамен кое-что потребую. Но об этом позже, а сейчас я отдаю свой долг этому миру... Ты получишь не просто цель, придающую хоть какой-нибудь, пусть иллюзорный смысл твоей жизни. А реальную, настоящую, способную провести тебя сквозь все препятствия к конечной точке.

До этого момента у тебя тоже была цель и смысл. Они есть у каждого человека. Вопрос в другом — верны ли они? Ты пытался понять окружающий мир, но ведь это не может быть реальной целью!

— Почему же?

— «Почему?» — передразнил старик. — Просто задай себе вопрос — был ли ты счастлив? Чувствовал ли себя радостно, проживая день за днём? Ощущал ли, что движешься, с каждым мгновением приближаясь к цели? Можешь не отвечать мне. Достаточно, если ты скажешь правду сам себе. Признайся! Хватит и этого.

Был ли мне каждый день в радость? Чувствовал ли себя ком-

фортно, наблюдая за навязчивыми декорациями из окна несущегося вагона? Нет. Мне всегда было мало этого, всегда хотелось чего-то большего. Конечно, я находил свои радости и в будничных мелочах — книгах, музыке, пище, делах... Но ощущение какой-то незавершенности постоянно подтачивало моё спокойствие. Каждый раз перед сном слушая перестук колес, я прокручивал в голове минувший день, и всегда... *всегда* чего-то не хватало, чтобы поставить точку и сладко, в гармонии с собой, уснуть.

— Я об этом и говорю, — усмехнулся старик, будто читал мои мысли. — Теперь ты понял, как отличить верную цель от неверной. И сейчас, когда обозначится путь, весь окружающий мир станет тебе помогать. По дороге ты встретишь много странных людей, многое узнаешь и поймёшь — так будешь общаться с самим собой, думая, что общаешься с миром. Просто слушай их и рассказывай о себе, неотступно следуя закоулками, на которые они укажут. А самое главное - учись!

В финале перед тобой окажется стена с дверью. Именно эта дверь и есть твоя конечная цель. Что за ней - неизвестно. Знаю лишь одно — ты *обязан* её открыть! Но это должно произойти позже...

Мудрец взял лежащую рядом палку и пошелестел ею в углях костра, и лишь затем продолжил вещать:

— ...Ибо сейчас ты не готов узреть сокровище... Именно потому твой путь будет долог и запутан — чтобы ты смог подготовиться ко встрече с неизведанным. Поэтому учись... Учись читать себя и мир вокруг, как буквы в книге...

Я слушал, не постигая. Обычные слова трасмутировали в туманные прорицания. В лучшем случае я понял лишь половину сказанного.

— Вы говорите так запутанно, так сложно и...

— ...Так неконкретно, — завершил он за меня. — Извини, но иначе нельзя. Я говорю, *что* знаю и *как* знаю. Но хорошо, пытаюсь.

Из-за его странной манеры говорить, не открывая глаз, иногда казалось, что дед *вещает*, будто в трансе, как медиум.

— Главная твоя ошибка, что изначально ты думал и действо-

вал так, будто *мир* должен дать тебе шанс найти ответы.

— А разве нет?! — удивился я. — Я очень долго ждал... Жаждал возможности, терпеливо и преданно. И только поэтому я здесь...

— Глупости! — оборвал старик. — Ты здесь лишь по одной причине — потому что стал к этому готов и решил наконец-таки действовать.

— Я не...

— Ты ни черта до сих пор не понял! Ясно... Ясно... — закивал он.

— Что вам «ясно»?! И что я должен был понять?! — много чувств — от ярости до восхищения — смешалось внутри. Но не было даже сил разбираться. Единственное, что я должен был — это понять! Я знал: слова прорицателя очень важны!

— Вот что ты уже давно мог уместить в своей глупой голове... — начал он, говоря все громче и раздражённее. — Сейчас, прямо сейчас, я сижу перед тобой только лишь потому, что *ты сам этого захотел*. Понимаешь? Это не ты принадлежишь миру, а мир — тебе! Именно поэтому *ты способен выбирать свой путь*, а не идти по намеченному кем-то. Когда делаешь выбор, всё подстраивается под тебя. И даже я — лишь результат *твоего* выбора, *твоего* желания и воображения. Теперь понятно?!

«Теперь понятно?» — отозвалось эхом. Кажется, я *действительно* понимал... И мысли от этого путались только сильнее.

— Этот мир... Эти миры, где я без конца блуждаю — что это? — сейчас настал самый подходящий момент, чтобы проверить свои давние догадки, дерзость которых не позволяла в них поверить. — Сколько ни пытаюсь, всё не могу определить, где нахожусь, по каким землям движется мой поезд? Я в аду? Ведь на рай это совсем не похоже...

Собеседник снисходительно улыбнулся:

— Хватит! Прекрати всё и вся пытаться впихнуть в привычные рамки. Неужели ты до сих пор не понял, что твоя действительность ограничивается лишь твоим разумом. Ты видишь только то, что *способен* видеть. Ты находишься только там, где *можешь* быть. Ад?! Рай?! Какое это имеет значение, если ты всё равно уже

здесь...

— И всё же! — не унимался я, игнорируя явную агрессию старика. Иногда казалось, что он больше сбивает меня с толку, нежели реально помогает.

— Если это так для тебя важно — Рай или Ад — выбери любой вариант. Ведь *это твой мир!* Ты его полный и единовластный творец. Решишь, что находишься в Аду, мир незамедлительно наполнится кровью, несчастьями, болью и страхом. Выберешь Рай — сплошь и рядом тебя станут окружать добродетель, любовь, успех и удача. Только я бы на твоём месте не выбирал ни один из вариантов.

— Почему же? Чем так плох Рай?

— Вопрос не в том, что плохо, а что хорошо. Главное — приняв окончательное решение, ты ограничиваешь себя в дальнейшем выборе. Это всё равно, что человеческие принципы. Если вдруг, выбрав Рай, ты решишь пройти по тёмной стороне улицы, то уже не сможешь этого сделать, умея видеть только свет. И придётся идти окольными тропами или дожидаться, пока не станет светло, с каждым мгновением всё больше отдаляя момент встречи с заветной *дверью*... Не ограничивайся одним измерением — умей балансировать...

— Хватит ребусов! — взмолился я. — Я запутался дальше некуда. Столько слов... А я так и не понял, где нахожусь!

— Сколько можно повторять! Будь внимательнее! Я же уже тебе сказал: ты в своём мире. Именно ты его создатель, а всё вокруг — дело твоих рук.

— Я умер и теперь нахожусь в собственном мире, который сам и создаю?! Слишком сложно... — я попытался это представить. — Что ж получается, вы плод моего воображения?

И тут старик... Нет, даже не засмеялся, а захохотал в полный голос. Впервые на его каменном лице проснулась хоть какая-то эмоция.

— Эй! Полегче с предположениями, воин, — успел он сказать сквозь смех. — Я не «плод», и уж тем более не твоего воображения, да и ни кого бы то ни было ещё. Я сам по себе. У меня своя история, своя жизнь и своя смерть. Скорее, называя тебя хозяи-

ном своего мира, я подразумевал, что этот разговор и само твоё присутствие здесь — полностью твоя заслуга.

— Не понимаю... Я создаю мир вокруг себя, но не я на него влияю. Чушь какая-то!

— И вовсе не чушь, а очень даже просто. У нас с тобой два автономных мира, никак не зависящих один от другого. Но сейчас я являюсь частью твоего, потому что *тебе это нужно. Ты так решил*. Понимаешь?

«Боже, — взмолился я. — Как же всё сложно!»

— Не заморачивайся. Можешь просто считать, что я всего лишь актёришка из пьесы, автором и режиссером которой являешься ты - вот и всё. Большого и знать не обязательно.

— И зачем Вы нужны в моей пьесе? Какую роль играете? — вполне резонно спросил я.

— А это, мой друг воин, тебе лучше знать, — как всегда, уклончиво, ответил аксакал. — Спрашивай! Ведь именно для этого я здесь. Ты спрашиваешь, я отвечаю — такие правила игры?!

Немного подумав, я выбрал из огромного списка вопросов один из главных. Помедлив, я спросил:

— Я умер?

Очередной вздох усталости...

— Мимо, воин, опять мимо. Не те вопросы!

— А какие вопросы я должен задавать?! Я спрашиваю то, что меня волнует и интересует. Если у Вас нет ответа, так и скажите. И нечего тут... Это же, в конце концов, мой мир, а значит, и вопросы здесь *задаю я!*

Вычислив странную манеру старика разговаривать, я попытался хоть как-то к ней привыкнуть. Но до конца не реагировать, не злиться на него у меня так и не получалось.

— Дело, конечно, твоё... — противно согласился он. — Но подумай сам, что тебе даст *мой ответ*? Ведь это будет *мой ответ* на *твой вопрос*! И с чего ты взял, что он будет верен для тебя?

«Загадки. Сплошные головоломки...»

— Если тебя это устроит, — продолжил старик, — тогда отвечу: «Да — ты умер».

Я прислушался к себе, но ожидаемых эмоций не нашёл — ни истерики, ни обмороков, ни даже маленького страха. Уж как-то всё легко и просто. Я так боялся признаться себе в *этом*, а тут Бах! - всё выясняется! Однако откровение это особо не волнует. Может быть, и вправду, то был *не мой ответ*?

— Если я умер, почему же тогда не помню своей жизни? Почему не знаю, кто я? Или, может, все в загробном мире забывают земную жизнь?

Старик улыбнулся — на этот раз без ехидства. Казалось, он на самом деле весьма доволен:

— А вот это уже правильные вопросы. Молодец, воин! — похвалил он. — Всегда одной из самых сложных, но и важных задач, задач было умение задавать *те вопросы*. По сложности это сравнимо разве что с выбором правильного направления.

— И?

— Нет, и в самом деле, почему ты не помнишь минувшей жизни? Я свою — помню, а ты — нет. Почему?

— Почему? — задумался я. — По... Че... Му...

— Не переусердствуй с умозаключениями, а то сейчас кое-что важное упустишь.

— Важное? — не совсем понял я.

— Да, главное.

Я быстренько припомнил последние фразы, но ничего толком не уловил.

— Не знаю, — пожал я плечами. — В голове пусто.

— Подумай! У меня есть прошлое, у тебя — нет. Придя в этот мир, я наткнулся на это здание, а ты помнишь себя сразу в вагоне проводником. Ну?

Хотя он и пытался натолкнуть меня на мысль, но у меня не получалось увидеть «важное». Старик обреченно вздохнул:

— Какой же ты тупица! Если мы приходим в этот мир в разных ипостасях, с разными возможностями, значит, у нас разные цели, и уж тем более, задачи тоже разные.

— Задачи?

— Конечно! — старец эмоционально всплеснул руками. — А ты, небось, думал: на том свете всё должно быть понятно, спра-

ведливо, размеренно и завершённо? Ан нет! Надо, оказывается, ещё и шевелиться, делать что-то...

Старик замолчал, давая возможность поразмыслить, кое-что понять. И не зря! Кажется, соображалка завертелась в правильном направлении!

Раньше я считал свои постоянные «удивления» чем-то естественным и нормальным. Много поражало воображение, казалось странным, ко многому приходилось привыкать. И, наоборот, - многое было само собой разумеющимся. То есть, проще говоря, внутри уже было представление о том, каким должен быть правильный, привычный мир. А откуда я мог взять какое-то представление о «правильности — неправильности» миро устройства? Только из своей жизни, начисто изгладившейся из памяти!

Значит, когда-то меня окружал мир, где вагоны обязательно тянет локомотив, а в холодильнике продукты не появляются сами по себе, да к тому же еще и горячими. Именно из-за того, что мир поезда не вмещался в понимание привычного, я и сделал вывод (хотя так и не признался себе в этом), что нахожусь в ирреальном мире — то есть в мире с принципами и законами совершенно непривычными и даже противоречащими логике и здравому смыслу. Проще говоря, вывод, что я умер и ныне катаюсь в загробном составе по загробным же землям, напрашивался сам собой.

Действительно, правдой является то, что мы ею считаем. Если бы я попал после этого мира в мир живых, то, вполне вероятно, думал бы, что умер — ведь там всё было бы непривычно.

Я улыбнулся этой относительности, ещё раз удивляясь, насколько все запутано. Слишком запутано!

Вещий старец вдруг сильно закашлялся. Ему пришлось согнуться, дабы конвульсии, сжимающие лёгкие, отступили. Когда приступ прошел, он вновь невозмутимо опёрся о стену, продолжая беседу.

— Твоё прошлое — вот основная загадка и ключ ко всему. Если хочешь открыть *ту самую дверь*, тебе наверняка придётся любыми способами восполнить пробел прошлого. Тебя явно за что-

то его лишили.

— Наказание? — догадался я.

— Нет-нет, что ты! Здесь никто никого не наказывает. Я, правда, точно не знаю, кому и зачем нужно, чтобы каждый в этом мире решил свою головоломку, но уверен, это — не наказание. Скорее всего, нам именно так оставляют задачи-маячки, в процессе решения которых мы сможем отыскать путь к двери.

— Хлебные крошки? — больше всего предположение старика походило на сказку про Гензеля и Гретель.

— Скорее, нить Ариадны — путеводная нить, потому что крошки могут быть съедены воронами, без шансов найти выход, а *наши задачи* никуда не денутся и будут вести нас, пока мы их не решим все до единой.

— Чтобы Вы ни говорили, всё равно лишение памяти больше похоже на наказание.

— Ты ошибаешься, — помотал головой старик. — У меня было достаточно возможностей, чтобы поразмыслить над разницей между уроком и наказанием. Поэтому с такой уверенностью и говорю, что нам преподаётся урок с единственной целью: научить чему-то... Скорее всего, при жизни мы что-то не решили или нарушили какие-то правила. Теперь каждому из нас предоставлена возможность это изменить и лишь затем двигаться дальше. Здесь нужно завершить всё, что не смогли завершить там. Я так думаю.

— Завершить? — мысли, осознание, освобождение... Теперь, кажется, всё становилось на свои места. Хотя я внутренне и сопротивлялся, но ощущение правдивости услышанного затмевало все сомнения.

— Наши упущенные шансы, — продолжил старик, — недосказанные слова, нереализованные желания или несовершенные поступки никуда не уходят, дожидаясь, когда кто-нибудь, наконец-то, поставит за ними точку. И даже когда придёт Конец Времен, и ВСЁ обратится в НИЧТО, останутся лишь наши незавершенности, одиноко болтающиеся в пустоте, в бесконечном ожидании. И именно здесь тебе дан шанс хотя бы раз добраться до конца и увидеть, что находится дальше...

Или же бесконечно трястись по железной дороге...

Слова старика меня явно зацепили. Кажется, не было произнесено ни единого звука, к которому хотелось бы придраться.

— Значит, от меня требуется найти своё прошлое... И как же это сделать?

— Я же сказал: иди за своими желаниями и чувствами. Только так ты сможешь прийти, куда нужно. Тем более, что теперь ты знаешь — этот мир твой, а, значит, он улавливает каждый флюид твоих настроений и мыслей. Все не так уж сложно.

— А-а, можно вопрос? — замялся я, не зная, как подступиться.

— Ты спрашиваешь, я отвечаю. Таковы правила игры.

— Дело в том, что вопрос не про меня. В общем... А какие задачи у Вас? Если Вы столько знаете, почему сидите в этом ужасном месте совсем один?

Лишь стоило задать вопрос, как старик отстранил голову от стены и впервые разомкнул веки, уставившись на меня абсолютно белыми слепыми зрачками.

По телу мгновенно растёкся страх...

Я неправильно выразился — зрачки у старца отсутствовали вовсе. Это и впрямь страшно: когда на тебя смотрят, а зрачков... Нет!

— Испугался? — заботливо, явно стараясь казаться дружелюбным, спросил старик, так и не отвернувшись. Наверное, он хотел, чтобы я привык к нему... Такому. Я, как замороженный, не отрываясь, таращился в белый кошмар.

— Скорее, непривычно, — соврал я, хотя дрожь в голосе не могла утаить чувств, заставляющих мышцы каменеть, а сердце бешено колотиться.

— Страшно-страшно... Вижу, — ответил он за меня.

— А можно спросить ещё? — стараясь перебороть страх, выдавил я из себя.

— Ты теперь каждый раз, прежде чем задать вопрос, будешь спрашивать разрешения? Тогда я тебе наперёд разрешаю. Спрашивай!

Я замолчал, стараясь понять, обиделся старик или забавляется

со мной, но так толком и не придя к определенному выводу, больше не стал медлить:

— Вы можете видеть?

— Видеть? — в своей манере переспросил старец, и наконец-то отвернулся, вновь взявшись за свою палку, помогая костру догореть как можно быстрее. Почти все угольки угасли, и комната почти не освещалась.

Будто только сейчас заметив это, он сказал:

— В углу лежат дрова. Подкинь их в костёр, пока он окончательно не потух.

И, действительно, в одном из углов была навалена куча каких-то палок. Я поднялся и подошёл к ним. Почему-то подумалось: на месте этой свалки когда-то стояла большая белая кровать.

Куча состояла из разобранной и разбитой на части мебели. Без труда можно было различить ножки столов и стульев, ручки кресел, картинные и выдранные «с корнем» оконные рамы. Этот хлам занимал весь угол.

Пока я тщательно подбирал, что сжечь, а затем пытался раздуть огонь, старик начал рассказывать...

То, что это *его история*, а не очередная короткая фраза в несколько предложений и не философская загадка, которыми он предпочитал изъясняться, стало понятно по интонации. *Интонации личной истории...* Он вещал, словно нёс драгоценность, от которой зависела его жизнь...

— Вижу я хорошо. Всё вижу, но не совсем так, как, например, ты. Как бы это объяснить? — задумался старик. — Я не вижу объёмно, в цвете, не вижу материю... А вижу, из чего состоит человек или предметы, возникающие передо мной. Если говорить ещё точнее, то я вижу вопросы...

— Вопросы? — не понял я.

— Да, самые обычные вопросы. Если взять тебя, то сейчас ты сплошь напичкан непониманием, удивлением и ощущением потерянности, а всё это создает вопросы. Очень много... Вот их-то я и вижу — они сами всплывают у меня в голове. Причём многие из них ты даже не успеваешь осознать: один возникает - и сразу же на его место приходит другой, более важный, более сложный.

И так всё время. Вот и получается, что я тебя знаю даже лучше, чем ты сам себя. Ведь человек — это то, какого качества и уровня сложности вопросы он себе задает...

— А предметы? Ведь Вы сказали, что и их видите тоже?

— Конечно, вижу, — ухмыльнулся старец, не отрывая пустого взгляда от вновь разгоревшегося огня. — Ты что думаешь, вещи и природа не задают себе вопросов?! Ещё как задают! Зачастую даже поинтереснее и поважнее, чем некоторые из людей!

Он потревожил горящие палки. Костёр возмущенно выплюнул искры.

— Именно так я и узнаю, кто или что передо мной. Поверь, это не хуже, чем иметь глаза.

— Откуда Вы знаете, что лучше? Или Вы помните из земной жизни, каково это — видеть глазами?

— А с чего ты взял, что, попав сюда, я не мог нормально видеть?

Старик ослеп уже здесь?! Но как такое может быть?!

— Когда я перешёл в этот мир, у меня были зрачки. Я до сих пор помню, как перед глазами бесконечно долго мелькала эта чёртова трава в Поле Отчаянья. Когда я смирился с тем, что не выберусь оттуда, вдруг мой путь оборвался, и впереди возникло прекраснейшее здание изо всех, что мне доводилось видеть. Впоследствии оно стало моим домом.

Что?! И вот эту развалюху он называет «прекраснейшим зданием»? Чушь какая-то!

Я внимательно слушал, полностью погрузившись в повествование. Лишь проигрыватель, издавая непонятные звуки, возвращал меня в холодную, темную каморку.

Старик направил в мою сторону пустые белки глаз и я, не желая вновь видеть это, стал *особо усердно* наблюдать за огнём.

— Вопросы во мне. Помни, что *я вижу ими!* Когда-то очень давно «эта развалюха» была прекрасным зданием. Очень давно...

От последних слов старика меня почему-то передёрнуло, мороз прошелся по коже и подступила тошнота. У меня не получается понять смысл этой фразы. «Очень давно» — что бы это могло значить? Я только сейчас заметил, что эти два слова словно бы

провалились под лёд сознания, исчезли где-то на полпути к их пониманию. «Очень давно?»

— ...Это было прекрасное строение. Фасад отделан красной штукатуркой и декоративным камнем. На чердаке располагалась комната со стеклянной крышей — можно было любоваться небом или дождем. Остальное было словно придумано сказочником. Красная черепица смотрелась умопомрачительно. Одна из стен была полностью покрыта декоративным виноградом, только окна проглядывали. А внутри... Внутри здание сплошь наполнялось изысканной роскошью. Эти ковры, вазы, картины, эта мебель и даже обои из королевского шёлка...

Казалось, что старик вот-вот заплачет — его голос дрожал, а слова произносил сбивчиво. Приходилось прислушиваться.

— И что же... — решил я немного подтолкнуть его. — Что случилось со всем этим? Из-за чего такая красота превратилась в руины?

Старик горько покачал головой, и уже в следующий момент словно бы лишился последних сил — тело обмякло, спина сторбилась и, если бы не прикрывающая лицо рука, он бы завалился вперёд, как потерявшая опору тряпичная кукла.

Может, старик и плакал, но всхлипов не было слышно. Он просто тяжело и глубоко дышал, словно воздух с трудом проникал в его лёгкие.

— Это все из-за моих вопросов! Именно из-за них мой чудесный оазис превратился в грязную лужу. Мои вопросы...

— Ещё при жизни моим главным бичом стала склонность всё анализировать, представлять, «как могло бы быть по-другому, если бы не...» или размышлять о том, «что на самом деле значили сказанные кем-то слова». Бесконечные «если бы?», «как?», «а вдруг?», «может быть?» преследовали всю жизнь. С возрастом всё больше сожалений ненужным грузом скапливалось внутри. И всё больше моего настоящего тратилось на вопросы прошлого — минувшие заслуги и неудачи... Минувшее стало моим настоящим, моим приютом и обителью. Стариком я целые дни мог посвящать прошлому и оставшимся там вопросам.

- Даже когда я почувствовал, что смерть схватила меня за больное сердце, чтобы болью вырвать его из груди, в голове возник лишь вопрос: «А мог ли я прожить иначе?»

Попад в этот мир и найдя прекрасное здание — дом моей мечты, где собраны все блага, о которых можно только мечтать, — я, фактически, стал его духом... Нет...*Хранителем!* Мы проросли друг в друга, как души - в любви. Это был идеальный союз. Я наслаждался, я упивался чувством причастности к чему-то прекрасному. Несомненно, архитектором и строителем этого чуда был я сам — здание выросло из моего воображения точно так же, как стук колес — из твоего. Я был так восхищен, так одурманен, что не смог заметить ловушку, глупо подстроенную самому себе.

- Понимаешь ли... Это было безупречное место, чтобы вспоминать и задавать вопросы. Здание полностью обслуживало меня, оно удовлетворяло все мои потребности так, что мне ничего не оставалось делать, кроме как по привычке предаваться воспоминаниям, перебирать прошлое, словно пальцами - чётки.

Всё вернулось на круги своя. Что этот мир, что тот — какая разница? Я гнил в минувших событиях и их возможных вариантах. Я съедал настоящее по крупицам, каждый раз задавая вопрос: «А что, если...»

- Однажды я просто осознал, что больше не вижу. «Ослеп!!!» — по инерции перепугался я, потому что когда человек слепнет, он *должен* испугаться. Но затем я задал себе пару вопросов и понял: в принципе ничего страшного не произошло. Нет, и в самом деле, а что случилось? Так или иначе - мой взор всегда был направлен куда-то внутрь себя — туда, где аккуратными стопками складировано прошлое.

- Глаза нужны, чтобы постоянно смотреть вокруг и эффективно жить в окружающем мире, а я постоянно отсутствовал в нём. Вот тело и избавилось от ненужного органа, словно выбросило за ненадобностью старую игрушку.

- А здание... Оно ведь неразрывно со мной. Оно и есть я. Хочешь, скажу, на что оно похоже?! Бьюсь об заклад, сейчас мой дом представляет собой огромную помойку. Откуда я это знаю? Очень просто — что у меня внутри, то и снаружи. Большущая по-

мойка! Ещё чуть-чуть - и жалкие остатки чего-то, что когда-то было *моим домом*, а сейчас *просто здание*, где я существую, превратится в прах. Я чувствую, как понемногу ухожу отсюда. А с моим уходом исчезнет и мой мир.

- Мне страшно... Я устал... — вздохнул старик. — Даже преставить сложно, что может находиться дальше загробного мира. Ничто? Пустота? Ну да ладно. О том, *что будет потом*, я думать не привык.

И умолк.

Нужно ли что-то сказать старику? Как-то его поддержать или предложить помощь? Вряд ли. Он не просил ни о никакой помощи. Да и смог ли бы я ему что-то дать? Поэтому я молчал. Просто так, погруженный в свои мысли, я мог лишь ощущать ту дикую, безнадежную усталость, что уже *очень давно* он взвалил на свои плечи.

Оставалось неясно одно:

— Если мы умерли, то почему до сих пор зависим от тела? Разве тело не остаётся «внизу» питать землю? Если есть тело, значит, его можно и уничтожить, так как есть, *что* уничтожать. А жажда? А голод? А холод и...

— ...Жара, — перебил меня старик. Он глубоко и громко вздохнул, затем так же громко и протяжно выдохнул, будто поставил многоточие. После чего из своей полной бессилия позы вспомнил о привычной роли опоры для стены. — Всё это не больше, чем память и *привычка жить*... Навыки тела. Ты помнишь холод, поэтому мёрзнешь, поэтому тебе нужна тёплая одежда. Ты знаешь, что такое наслаждение вкусом, поэтому хочешь есть. Глаза, уши, и нос — всё это существует в твоём мире только как воспоминание.

Но не обольщайся: твоё нынешнее состояние только прикинулось Вечностью. Не поспешив найти выход, совсем скоро забудешь, что такое голод и жажда, затем лишишься потребности спать, дышать... Затем притупится боль... Когда исчезнет она - знай: ты подошёл к пределу, за которым или выход, или ничто. Ориентируйся на свои ощущения как на индикаторы.

— Но зачем вообще нужна эта привычка... — я даже не успел задать вопрос, как старик почувствовал его и смог ответить.

— Затем, что без «привычки жить», без прошлого не станет и мира вокруг тебя — просто потому, что не из чего будет его строить. Каждая молекула этого мира родилась из воображения местных обитателей. Именно потому всё здесь, переполнено абсурдом — ведь ты столкнёшься с оголёнными, без масок, душами других людей, с их сущью в чистом виде. Всё это может шокировать.

Дабы не потерять из виду цель, помни — несмотря на кажущийся сумбур, этот мир подчинён тем же законам, что и более привычный — мир живых. По сути, *здесь* — всего лишь сюрреалистичное отражение *там*. И законы у нас те же...

— Например? — я не совсем понимал, почему старец вдруг снова стал философствовать.

— Например, в том мире существует такой закон — чтобы не остаться должным, за всё нужно платить. Если хочешь что-нибудь получить, нужно что-нибудь отдать.

— Или если ещё проще... Я — миру, мир — мне, — наконец-таки понял я.

— Вот именно!

— И что я теперь должен за разговор с Вами?

Слепец засмеялся:

— Молодец! — в очередной раз похвалил он меня. — Быстро соображаешь. Только вот цену ты назначаешь сам — это же твой мир, не забывай. А сполна ли расплатился, поймёшь потом. Если цена была достойной — мир ничего у тебя отбирать не станет.

— Вы помогли понять многое. Теперь моя очередь помочь, а заодно и расплатиться. Чем могу быть полезен?

Но старик всё равно не желал облегчать мой удел.

— Думай абстрактно, включай воображение, *встань на моё место* и реши, чего бы я хотел ...

Чего же он хочет? Чего жаждет человек, доведший свою жизнь и даже свою смерть до такого состояния? Вернуть всё как было? Выбраться отсюда?

— Чтобы усталость поскорее прошла, — раздался голос слепо-

го старика, — невыносимая усталость...

«Включай воображение!»

Я дотянулся до рюкзака и, порывшись немного, нащупал искомое. Протянув деду «случайно» прихваченный с собой компакт-диск, услышал просьбу:

— Включи, пожалуйста.

Осмотрев бумбокс, я понял, что играло радио. Хотя совершенно непонятно, каким образом — место для батареек было пусто, шнура не было. Открыв крышку, вставил диск, нажал кнопку «плей» и сделал погромче.

Сначала из динамиков раздался женский голос, быстро проговаривающий непонятные слова, и лишь затем послышалось сочетание фортепьяно и тарелок — сочетание Tides-s. По-то-о-ки, направления, течения...

Слепой до самого конца мелодии внимательно вслушивался в каждый льющийся из динамиков звук, в каждую ноту, заливающую комнату ощущением жизни... Ощущением движения... Потока.

Лишь когда мелодия сникла окончательно, дед протянул к магнитофону руку и на ощупь нашёл кнопку «стоп».

— Мы с тобой в расчёте, — как показалось, с новой интонацией умиротворения прошелестел старик. — Чтобы окончательно погрузиться в себя, не хватало лишь хорошей мелодии. Эту безвкусицу, что выплевывал проигрыватель и музыкой-то назвать нельзя. Как же она раздражала... Вот уж где, действительно, наказание! Именно раздражение держало меня здесь. Я больше не хочу находиться в этой разрухе. Хочу уйти в себя, где я молод, свободен и жив. Спасибо...

В ответ я лишь кивнул. Хотелось отдать бедняге больше, но, кажется, большего ему и не требовалось.

— А теперь иди. Не мешай слушать музыку, — прервал мои размышления слепец.

— Но... — попытался я возразить. Было ещё о чём спросить. Он не мог об этом не знать.

— Дальше все вопросы ты сможешь задать себе и постепенно отвечать на них, следуя к цели. Иди!

Сам не знаю почему, я ужасно расстроился — уходить совсем не хотелось. Но и оставаться здесь больше не было смысла. Ведь у меня действительно появилась настоящая цель. Старец сдержал обещание.

— Спасибо, — настала моя очередь благодарить.

Вместо ответа он лишь вяло кивнул. Казалось, этот иссохший, одинокий человек растворяется в воздухе прямо на глазах. И в комнате его оставалось всё меньше и меньше.

— Тебе не хватает прошлого - у тебя его попросту отобрали. Дабы обрести настоящее, ты должен найти прошлое, — еле слышно шептал старик. — Запомни: главная задача каждого в этом мире — найти себя через недостающие фрагменты. Лишь закончив мозаику, ты сможешь открыть свою дверь. Или ты сделаешь это, или мир поглотит тебя, растворив без следа... Точно так же, как это произошло со мной. «Кто я?» — ответь на этот вопрос. Пусть он станет для тебя главной задачей. «Кто я?» — вот твоя нить Ариадны.

Слепой больше не шевелился. Показалось, именно сейчас он уходил всё дальше от этой грязной, разом опустевшей без него комнаты туда, где «молодость, свобода и жизнь».

Я встал. Каждый шаг давался с трудом. А в голове заевшей пластинкой кружились слова старика: «Смерть хороша тем, что даёт человеку безупречную свободу, ограниченную только лишь собственными стереотипами и выбором. Смерть хороша тем...»

Обернувшись, кинул последний взгляд на старца. Он улыбался, блуждая в прошлом, которого у меня нет, но будет... Обязательно будет.

Лишь стоило выйти в другую комнату, как под ногами опять захрустел, зашуршал мусор. Осторожно ступая, я прошёл к выходу, но не удержался и снова оглянулся. Отблески костра, танцующие тени на полу... Словно ничего и не изменилось... Словно не было разговора и самого деда. Хотя... Что-то неуловимое пропало и больше уже не вернётся никогда...

Я достал фонарь из бокового кармана и включил его, чтобы смело шагнуть во мглу. Обволакивающий мрак лишь подтвердил

догадки: когда я сюда пришёл, само здание, вторя усталости своего хозяина, с каждым сделанным им вдохом разрушалось всё сильней... А ныне оно замерло, прислушиваясь к чему-то новому, непонятному, зарождавшемуся в душе слепца под мелодию «Тайдс».

Предстояло вернуться к поезду. Стоило лишь подумать, что вновь придётся столкнуться с этим чёртовым Полем Отчаянья, как меня затрясло и к горлу подступила тошнота. Только не это! Должен же быть другой выход!

Как сказал мудрец, исток всего - воображение. Значит, другой путь — в обход поля, а не сквозь него — наверняка существует. Нужно его только суметь увидеть. Но как?!

Тут меня осенило! Кажется, он что-то говорил о стеклянной крыше на чердаке! Да и просто выход на саму крышу подойдёт! Если удастся подняться и тьма окажется разбавленной светом луны, то (вполне возможно) получится увидеть, где стоит поезд и выбрать верное направление. А если повезёт — то и проложенную через поле дорогу.

Светя фонариком под ногами, доверившись интуиции, я стал пробираться сквозь комнаты и залы по направлению к лестничной площадке. Это оказалось совсем несложно — ноги вели сами.

Добравшись до пункта назначения, я понял, что мне повезло намного больше, чем мог рассчитывать: все лестницы до самого верха уцелели. Но всё равно ступать старался очень аккуратно, проверяя каждую ступень на прочность.

Поднявшись на пятый этаж, рядом с пролётом я обнаружил комнату, вход куда был прикрыт сорванной с петель дверью, лишь частично прикрывающей проём. Стоило немного помочь двери, как она с готовностью рухнула на пол, разлетевшись в щепки.

От самого входа помещение было завалено какой-то непонятной субстанцией. Смесь земли, глины, битого кирпича, песка и разного мусора единой зыбкой горой возвышалась до самого потолка с зияющей прямоугольной дырой. Судя по всему, это и был проход на чердак.

Вознамерившись подняться по всему этому хламу, я думал,

что особые усилия не понадобятся. Однако, уже первые несколько движений показали, насколько я ошибался — два шага вперёд, три назад. Единственная опора — более-менее крупные куски кирпичей и труб. Правой рукой я держался, чтобы не сползти вниз, а левой держал фонарь, поэтому дотянуться до следующего выступа оказалось просто невозможно. Настоящий альпинизм!

Съехав в очередной раз к самому подножью неприступной горы и немного поразмыслив, я решил, во-первых, осветив её, постараться запомнить каждый брусочек-опору; во-вторых, спрятать фонарь, чтобы освободить руки; в-третьих, уже полностью подготовленным начать восхождение на этот «Эверест».

Хорошенько разбежавшись (насколько возможно), я прыгнул и преодолел, как мне показалось, меньше половины мусорной груды. Тело отдало резкой болью в правом боку и тут же сползло вниз. Я как можно скорее стал шарить руками по сторонам. Иначе ещё чуть-чуть — и я снова окажусь внизу. Наконец, опора была найдена.

То ли камень, то ли кусок кирпича накрепко увяз в куче. Не упуская шанса, я подтянулся и охватил его другой рукой. Так и завис, тяжело и глубоко дыша, будто я не валяюсь брюхом на скопище строительного мусора, а болтаюсь над бездонной пропастью.

Честно сказать, я даже не был уверен, стою ли на месте или двигаюсь вниз. А может, завис в десяти сантиметрах от пола и чувствую себя героем. Меня окружал абсолютный мрак.

Не знал, что добраться до чердака так сложно. Но я готов постараться. Что угодно, лишь бы не Поле!

Уткнувшись щекой в слитную массу, я застыл в неудобной и нелепой позе, чувствуя всем телом абсурдность своего положения.

Хотя опустевший рюкзак был почти невесом, руки, начиная неметь, ощущали тяжесть, тянущую вниз — пора двигаться дальше. Я начал искать ногами новую опору, которая оказалась совсем рядом. Опёрся, оттолкнулся, нашёл рукой ещё один выступ... Так потихоньку я продвигался вверх, пока, наконец, не осознал, что ладони цепляются за что-то гладкое и длинное.

Проём! А там уже — дело техники — сделать последний рывок и, скинув рюкзак, повалиться на ледяной бетонный пол.

Я на чердаке!

Сколько сил у меня забрали эти четыре-пять метров?! Теперь другая дорога должна... Нет, просто обязана найтись! Иначе это будет нечестно — столько сил впустую...

Отдышавшись, я сел, подтянул к себе рюкзак, достал фонарик и, направляя луч в разные стороны, начал осматривать чердак. По сути, это оказался всего лишь ещё один этаж. Разве что высота стен не пять метров (как на нижних этажах), а всего два с половиной. А ещё здесь намного холодней.

Я находился в длинном коридоре. Влево и вправо расходились комнаты. Большинство из проёмов были лишены дверей.

Захотелось очиститься от налипшей грязи. Однако, поднявшись и внимательно осмотрев себя, к своему удивлению, обнаружил, что одежда не грязнее, чем раньше. Не знаю, что это — непачкающая грязь или самоочищающаяся одежда? Поудивляюсь потом. Сейчас есть задача важнее — выбраться...

Что ж, пора искать выход на крышу или стеклянный свод...

К счастью, ничего искать не пришлось — зайдя в первую подвернувшуюся дверь, я сразу понял, что попал «по адресу». Точно такая же комната, какие были внизу: такая же тьма, такая же грязь... Разве что вместо привычного бетона потолок состоял из поделенного на квадраты стекла, опирающегося на тонкие деревянные рамы.

Правда, сквозь стёкла не проникала и толика света, а значит, луны, похоже, не было. Однако шанс выбраться на крышу и взглянуть обходную тропу ещё оставался — возможно, стёкла просто сильно заляпаны грязью или сверху на них что-нибудь поставили... А, может, и то, и другое.

Я протянул руку, прикоснулся к стеклу и сразу же отдернул её — кончики пальцев обожгло льдом. Неужели на улице так холодно?!

Вот почему свет не проникал сюда — его скрывала ледяная кора. Это догадка ободрила. Значит, ещё не всё потеряно!

В россыпях мусора я высветил подходящий брусок. Поднял его, затем встал в дверном проёме и с силой швырнул в стекло, и... Никакого результата — оно даже не треснуло. Я решил повторить попытку.

Взмах. Брус летит в стекло, и... Опять ровным счётом ничего. Ещё!!!

Когда я наклонился за улетевшей к стене деревяшкой, надо мной раздался треск. Хватило мгновения, чтобы понять — такой звук может издавать только лишь расплзающаяся по стеклу трещина. На меня обрушился ливень из битого стекла и еще чего-то тяжелого и очень холодного. Все та же темнота теперь со всех сторон обволакивала, словно кокон, не давая ни вздохнуть, ни пошевелиться.

Я висел в пустоте, заваленный отовсюду снегом. Лицо и руки горели от холода. Внутри зарождался страх.

«А вдруг надо мною - тонны снега?! — пел ужас. — Как я справлюсь? А вдруг застряну?! А вдруг...»

С паникой в одночасье справиться не удалось. Перспектива навечно остаться под завалами снега убивала любую попытку успокоения.

«Что делать?! Как быть?!» — я судорожно пытался найти выход, хватаясь за каждый вариант. Только вот думать под снежным завалом не очень-то получалось...

«Вечность... Вечность... Вечно оставаться на одном месте, никуда не двигаясь, ничего не решая... Нет проблем и забот — чем не выбор? — шептал в голове спокойный голос, как две капли воды похожий на мой. — И даже холод забудется и перестанет тревожить. Ведь это всего лишь привычка... Привычка жить...»

Подумалось: «И впрямь, а чем не выбор?»

Я вдруг увидел... Или, скорее, даже не увидел, а очень чётко ощутил, что слепой солгал — я не единственный, кроме него, кто добрался до этого дома. Ещё сотни, а, может, и тысячи таких же затерянных среди странных миров людей зависли в неподвижном снегу, выбрав забвение вместо пути. Видимо, снег — точно такое же испытание для терзающейся души, как и Поле Отчая-

нья. Наверняка, кто-то нашёл в этой ледяной горнице то, что искал, чего хотел, и решил остаться здесь *навсегда*.

Нужна ли мне спокойная вечность? Нет! Я слишком любопытен для этого. Слишком хочется найти своё прошлое и узнать, что дальше...

Когда я принял решение, леденящий страх ушёл, и я снова стал чувствовать себя... Холод... Усталость... И ноющую боль... Оказалось, что я всё ещё чуть выше головы держу в правой руке тот самый брус. Поднапрягшись, смог чуть приподнять руку с грузом ещё выше, затем - ещё немного. Я использовал деревяшку, чтобы понять как много снега сверху, как глубоко я увяз.

Выпрямив руку, ощутил, что деревяшке уже ничего не мешает ползти вверх. А это могло значить лишь одно — слой снега надо мной меньше полутора метров. Не так уж и много для «вечной колыбели»...

Словно змея, я стал извиваться всем телом, стараясь очистить пространство вокруг себя. Не скажу, что это давалось легко. Уже совсем скоро все мышцы заныли, требуя перерыва. Но я упрямо не хотел останавливаться...

Освободившееся место быстро заполнялось сугробами. Но я двигался, трамбуя белую крупу все плотней и плотней, а она все сыпала и сыпала... Пока я вдруг не понял, что могу *видеть* снег — сюда проникали крохи света!

Осталось совсем немного - и я, наконец-таки, выкарабкался на животе из этой гробницы.

Почему подниматься так тяжело? Отчего постоянно приходится ползти вверх, преодолевая себя? Легче, конечно, было бы остаться на месте... Но, выбрав движение, я уверен — не ошибся...

Я глубоко дышал, стараясь насытиться студёным, льдистым, воздухом.

Кругом – тьма. Только за счёт редких проблесков света, сочащегося сквозь спутанные ветви исполинских деревьев, можно было кое-что разглядеть.

Несомненно, я в том самом царстве льда и снега, открывшегося с другой стороны поезда. Кажется, обнаружив зимний лес, я

решил, что здесь делать нечего... Но МИР, видимо, считает иначе...

Стараясь понять, где я и куда теперь следует двигаться, в какой стороне состав, я внимательно глядел по сторонам. Повсюду - бескрайняя однообразная чаща : куда ни иди, везде одно и то же... А смогу ли я вообще двинуться? А вдруг, стоит лишь подняться с колен, как ноги провалятся, крепко увязнув в снегу?

Тронул поверхность, по которой предстояло пройти неизвестно сколько. Сплошная промёрзшая снежная корка, трансмутировавшая в ледяной каток. Предусмотрительно отодвинувшись от ямы, откуда едва выкарабкался, попробовал встать. Всё получилось: корка льда крепко держала мой вес. Вдох облегчения... Кому же захочется вместо осторожных шагов ползти на животе, боясь опять оказаться погребённым под снегом?

Место, откуда я выбрался, больше всего напоминало ветхий склеп. Лишь кое-где проглядывали куски бетонных стен и остатки некогда цельной стеклянной крыши.

Даже представить сейчас не могу, что подо мной может находиться такое огромное здание, окруженное благодатной осенней ночью... Слишком тяжело всё это... Даже думать не хочется! Видимо, искривления и изменения пространства, с которыми я столкнулся, и есть результат того самого взаимодействия миров, о которых говорил старец.

Я полез в рюкзак за фонарём, но вспомнил, что он остался там, внизу, под снежным завалом. Проклятие!

А теперь главный вопрос — куда идти?

Немного поразмыслив, решил для начала выбраться из мглы к свету, что (вкупе с кронами деревьев) показывал немое чёрно-белое кино на простынном экране снежного покрова. После этой кромешной темени влекло вперёд именно желание зажмуриться от солнечных лучей. Здесь гармонично сосуществовали мрак и свет. Они делили пространство пополам, словно передо мной расстилался не лес, а гигантская шахматная доска. А вместо фигур - деревья-колоссы.

Видимо, в окружении гигантов совершенно не ощущалось расстояние — в сравнении с ними всё было мизерным. Чтобы по-

лучить каплю вожделенного света, пришлось тащиться многие километры. Да и сама дорога оказалось не такой простой, как думалось. Подошвы постоянно скользили. Приходилось передвигаться помаленьку, стараясь не растянуться плашмя. К тому же ноги периодически да пробивали хрупкую ледяную корку и приходилось прикладывать усилия, выбираясь из лунок.

Но всё же (худо-бедно), я шёл вперёд. Главное - двигался! А вот приближался или отдалялся от заветного поезда, шёл ли верным путём — уже другой вопрос... Об этом даже не хотелось думать...

Я так и не добрался до света... Он сам нашёл меня.

Тихо, почти беззвучно, в сплетённом из ветвей куполе, под тяжестью собственного веса, снег пробил дорогу к земле и обрушился.

Внезапно свет огненным мечом пронзил конструкцию из ветвей и снега, чтобы ослепить. Я зажмурился, а когда разомкнул веки, сияние окутывало меня... Тёплые солнечные лучи ласкали лицо. А снег...

Я кружился на месте, наблюдая за сверкающими кристаллами, в макраме причудливых узоров. Как они застыли в неподвижности... Сделав несколько шагов, я глазам не поверил! Я шёл, касаясь замерших в воздухе снежинок...

Пар изо рта говорил, что вокруг - холод. Но внутри было тепло и... Чисто, словно только что кто-то невидимый выгреб наружу всё, захламляющие мысли: сомнения, страхи и слабости... Всё чуждое осталось во мраке, где-то за гранью света.

Внутри струилась музыка. Я знал эту мелодию, но забыл. Фортепьяно... Быстрые переборы в такт волнам эмоций...

Взгляд направлен в никуда — вроде я смотрю вперёд, сквозь красоту... Но на самом деле глубоко внутри я чутко улавливаю зарождающиеся и угасающие ощущения. Кажется, могу простоять вечность, погружаясь всё глубже, если бы не...

Боковым зрением слева замечаю какое-то движение. В окружающей неподвижности это что-то, как крик в тишине, застав-

ляет обратить внимание. Бросив взгляд в ту сторону, понимаю, что это луч. Кто-то светил фонарём, явно осматриваясь или что-то разыскивая в непроглядной темени. Искусственный свет то блуждал по кронам деревьев, то резко падал на белоснежную гладь...

Люди!

Свет явился издали. Но, совершенно не думая о расстоянии и возможных неприятностях, я двинулся к появившейся надежде, неуклюже семеня по ледяной корке...

Когда луч так же неожиданно пропал, как и появился, сердце ёкнуло. Все сомнения и страхи дожидались в темноте, пока я выберусь из-под защиты солнца, чтобы накинуться с новой силой.

— Вперёд! Двигайся! — твердил я себе, не обращая внимания на подступивший к горлу комок. Запомнив направление, где только что забрезжила надежда, я без отдыха шёл туда. Откуда-то я знал: стоит лишь раз остановиться и дать слабину, как больше идти не смогу. «А вдруг люди уходят и я не догоню их? Они ведь не станут ждать? У меня даже фонаря нет!» — сомнения мгновенно могли связать мою волю, сковав остатки сил.

Я обернулся, чтобы посмотреть, как далеко ушёл от света. Между мной и ослепительным оазисом пролегла большая область мрака... Тьмы, которую я *уже* преодолел. И только сейчас, в окружении сумерек, стали понятны слова старца: «Если вдруг, выбрав Рай, ты захочешь пройти по тёмной стороне улицы, то уже не сможешь этого сделать, умея видеть только свет. И придётся идти обходными путями или дожидаться, пока не станет светло, с каждым мгновением всё больше отдаляя момент встречи с заветной дверью...»

Ни следов, ни людей я не нашёл, но...

Я стоял прямо перед поездом: одиннадцать вагонов растянулись цепью. Стальные колеса наполовину утопали в снегу и обледенели, даже рельсов не видно. Открытая дверь звала сорваться с места, чтобы в сумасшедшем восторге ринуться к теплу уютного и родного купе. Сквозь тамбур синело осеннее небо.

Кто же помог? Кто лучом фонаря проложил дорогу к затерян-

ному в снегах составу? Ответ очевиден — это я сам светил из тамбура, удивлённо созерцая стылую чащобу.

Что же... Это и есть моя смерть, где не только миры разных людей наслаиваются друг на друга, но и события следуют не прямо, а зигзагами и переплетениями?

Но, как бы то ни было, эти загадки я оставляю на потом. А сейчас я пришёл... Добрался — уставший, промёрзший до костей, но познавший главную цель и путь к ней.

Взгляд упал на пустую белую табличку посреди вагона. Приблизившись, отломал кусок замерзшей грязи, и, недолго думая, написал *пунктом назначения* всего одно слово — «Город»...

Откуда оно взялось? Не знаю... Просто глядя на белую пустоту, почувствовал, что должно быть именно так. Чтобы выяснить, КТО Я и ОТКУДА, вспомнить своё прошлое, я должен найти *пункт отправления*.

Как сказал старик, я и есть единовластный творец своего мира. А это значит лишь одно — следующая остановка - ГОРОД.

Глава II

ВРЕМЯ ВСПЯТЬ

Алан проснулся от дикой головной боли. Балансируя на грани сна и реальности в кромешной тьме, он почувствовал громкие, ритмичные пульсации, волнами расплзающиеся по поверхности сознания.

Открыв глаза, и, тем самым окончательно развеяв остатки сна, он понял, что это звук секундной стрелки, чеканящей каждый шаг, громко отзывается в висках.

— Опять... — простонал он.

Хотя мигрень была неотъемлемой частью жизни, всё равно он не мог смириться с нестерпимой болью.. Как ни пыталась успокоить его мать, напоминая, что подобное нормально для подростков и его мучения временны, он всё же считал жизнь несправедливой.

— За что?! — часто вопрошал он неизвестно кого, когда раскалённая лава опять стучала в пульсациях вен на висках и затылке... Когда боль достигала апогея и хотелось выть (а случалось это еженедельно), Алан попросту ненавидел предававшее его тело.

«Ах, если бы сорвать свою голову и аккуратно положить её на стул для проветривания... И прийти за ней, лишь когда по улыбке и ясному взгляду станет понятно: боль отступила и вернётся не раньше вторника!» — мечтал паренёк.

Но, несмотря на сопротивление души и тела, хочешь — не хочешь, приходилось отрывать чугунную главу от подушки и собираться в школу. Мать давно не реагировала на его жалобы, ограничиваясь таблеткой аспирина: «Если бы ты не ходил на уроки каждый раз, как *уверяешь меня в своей головной боли*, то учителя и не знали бы, как ты выглядишь...»

И в этот раз Алан не услышал ничего нового.

Несмотря на вчерашний голод, он не смог заставить себя хоть что-то съесть, чем ещё больше взбесил мать. Но по-другому было

просто нельзя — тошнота была сильнее страха обидеть. «В общем, всё как всегда, — размышлял он, наскоро напяливая на себя тёплую куртку, — *боль управляет жизнью*».

Парнишка спешил на улицу, зная, что ледяной ветер заставит недуг хоть немного отступить.

Весь мир словно скрывала густая пелена — знакомая дорога, домá и небо ощущались как-то сами по себе. Больше всего это состояние походило на настройку телевизора, когда наклоняешь антенну в разные стороны, пытаясь поймать волну, а на экране сквозь бело-серую мешанину проглядывают чьи-то лица, а сквозь шум — невнятные голоса. Точно так же сейчас воспринимался мир.

Свернув за угол дома, в двухстах метрах перед собой он узрел школу. И муки усилились.

Первым уроком шёл русский язык. Алан поднялся на второй этаж и нашёл нужный кабинет. Деревянная табличка на белой с голубоватым отливом двери гласила, что здесь находится «Каб. 11. «Русский язык и литература». Почти все одноклассники в сборе, но учительница ещё не пришла.

Он было выдохнул с облегчением, но, лишь переступил порог класса, как за его спиной заголосил звонок-предатель, а уже вслед за ним...

— Скажи матери, чтобы купила будильник! — раздался неприятно насмешливый голос.

Он обернулся. Сквозь толстое стекло очков недовольно, с укором, смотрела учительница.

— Зачем? — совсем растерялся мальчик.

— Во-первых, здравствуйте!

— Здравствуйте, — послушно повторил Алан.

— А во-вторых... — продолжила она, отстранив застывшего мальчика в сторону и направившись к своему столу. — Ты так и будешь у дверей стоять?! А, во-вторых, часы тебе нужны, чтобы вовремя на уроки приходить. У тебя ведь их нет, да?!

— Есть, — снимая куртку под пристальным взглядом одноклассников, прошептал он, стараясь не тревожить собственным голосом чуть задремавшую боль.

— Видимо, не помогают! — пошутил кто-то из учеников. — Пусть наручные подарят! Хотя и это вряд ли спасет.

По классу рассыпались смешки, хотя причина веселья была абсолютно ему непонятна.

Он прошёл к месту за партой, и не спеша стал выкладывать из рюкзака необходимую для урока канцелярию. Ребёнок, конечно, понимал, что его медлительность могла вызвать новую волну учительского сарказма, но по-другому сейчас всё равно не получится.

Когда он, наконец, уселся, Алина (соседка по парте и по совместительству единственный друг Алана) прошептала:

— Не расстраивайся. Ты ж русицу знаешь, — успокаивала она.

И, действительно, девочка была права: он знал учительницу русского языка достаточно, чтобы не переживать из-за её вечных подколов. Нателла Умарбековна была неплохим учителем — с бóльшего понятно объясняла материал, домой много не задавала, и самое главное - требовала знания своего предмета только от тех, кто этого действительно хотел. Но, как и у каждого человека, у неё были свои минусы. Здесь их было целых два.

Первое — она терпеть не могла, когда на уроки приходили одновременно с ней, нещадно забрасывая нарушивших это правило учеников огромным количеством саркастических шуток на протяжении целого урока, а то и двух. Все это давно знали и старались приходить пораньше, или же опаздывать, если угроза столкнуться с подходящей к кабинету учительницей была высока.

Второй минус — она жутко бесилась, если кто-нибудь из учеников во время её урока занимался посторонними делами. Если кому-нибудь не нужен был русский язык, то она вообще могла такого не трогать, и даже двоечникам могла «натянуть» один балл. Правда при одном условии — чтобы «неуча» вообще было ни видно, ни слышно: спи, думай, смотри в потолок, но только не давай о себе знать и не занимайся посторонними вещами...

Всё вроде бы и ничего, только вот почему-то именно эти два условия Алану никак не получалось соблюдать. Каким-то мистическим образом он постоянно сталкивался с Нателлой то в кори-

доре, то уже у самого порога кабинета. Вдобавок, просто сидеть, умирая от скуки (сам предмет был далёк от круга его интересов), он не мог — рука сама начинала выводить разные образы и узоры на полях тетради и черновиков. Желание рисовать рвалось наружу, оборачиваясь изрисованными листами каждый раз, стоило лишь немного утратить бдительность.

Алина дотронулась до его руки, быстрым движением подвинув к мальчику записку:

«Ты сегодня куда после школы?»

«Домой», — быстро написал он и вернул клочок.

«Давай сегодня ко мне? Мать обещала пироги сделать».

«Не могу. С матерью поссорился, да и голова раскалывается».

«Ты что, опять в Мёртвый Город ходил???»

«Отстань! Ещё тебя с нотациями не хватало!!!» — ответил Алан, и, дождавшись, пока учительница отвернётся к доске, шутливо показал ей язык. Алина наигранно обиделась и нарисовала на листке злую рожицу.

Боль постепенно уходила, давая надежду завершить этот день с наименьшими потерями.

Русский язык закончился без происшествий - и то хорошо. Главное - дальше следовало девяносто минут радости, счастья и умиротворения — два урока английского.

Иногда сорванцу казалось, что русский и английский поставили друг за другом не просто так, а специально — чтобы дети учились сравнивать. Причем сравнивать не орфографию, фонетику и прочие там части речи, а то, насколько жизнь может проявляться по-разному.

Дело было в учителе «ин. яз». Молодой парень, ненамного старше своих подопечных, приехал в эту глухомань три года назад по распределению. За считанные недели он завоевал доверие коллег и уважение учеников. До появления Тимура Сергеевича Алан даже не догадывался, что процесс учёбы может быть таким захватывающим.

— Что бы ни говорили вам родители, помните: учёте вы не ради оценок и похвалы, а ради совершенствования собственных знаний, умений и навыков, которые пригодятся в жизни, — по-

стоянно напоминал педагог.

— Тогда объясните, зачем будущим пастухам английский? — тихо подшучивали над ним особо языкатые.

— И в самом деле — зачем?! Тогда я Вас, будущий пастух, — обращался он к шутнику, скрывая в голосе хитрые интонации, — освобождаю от своих занятий, и ставлю пятёрку за год...

Но «чабаны», конечно же, продолжали ходить, создавая на уроках инглиша неизменные аншлаги (если так вообще можно сказать относительно школы). Слова об «истинном смысле учебного процесса» Тимур Сергеевич всегда подкреплял действием — яркие, эмоциональные, полные неожиданных сюрпризов и открытых уроки не проходили мимо даже самых ленивых и недалёких детей. Он постоянно выдумывал что-то новое, постоянно импровизировал, чтобы ребята с лёгкостью запоминали слова, их произношение и мудрёные правила чужого языка.

— Я всё это делаю не для детей, а для себя, — объяснял он, когда в очередной раз кто-нибудь из «добрых» коллег сетовал на его излишнее рвение. — Если я не буду выкладываться на полную катушку, моё преподавание превратится в пытку и для меня, и для ребят... И я, наверняка, их за это возненавижу. Если мне интересно учить, то и детям интересно учиться...

К концу первого года большинство школьников, прошедших через магию его уроков, могли свободно понимать большинство несложных текстов и вести разговоры на бытовые темы. А уже спустя три года, проведённых им тут, английский стал тайным языком всей ребятни из близлежащих деревень, делившей одну школу на всех.

Что касается самого Алана, то он явно обладал способностью к языкам. Каждое новое слово схватывалось на лету, чтобы никогда уже не забыться. Получалось даже, что он опережал всех. Именно это, наверное, и сблизило его с Тимуром Сергеевичем, которого иногда, оставаясь после занятий, он мог звать просто Тимуром и считал своим старшим другом. С ним без опаски можно было говорить обо всём.

— Мир! — поздоровался по-английски учитель, зайдя в каби-

нет с толстой скопой книг.

С ребятами, кроме как на языке далёкой Англии, Тимур Сергеевич принципиально не желал разговаривать. Это категорически не нравилось некоторым коллегам, но вполне устраивало самих школьников. Все его вполне понимали, а что не знали — спрашивали, опять же по-английски.

— Разбирайте литературу, — сказал наставник, аккуратно устанавливая шаткую башенку книг на первую парту. — Сегодня после проверки домашней работы буду приобщать вас к классике.

Ученики передавали книги от парты к парте.

— Кто на этот раз? Фицджеральд? Лондон? Хемингуэй? — с интересом спросил Артур — один из одноклассников Алана, не дожидаясь, когда книга дойдёт-таки до него.

Тимур Сергеевич ответил, лишь когда нетерпеливый ученик прочитал название на обложке, и удивленно вскинул брови:

— Именно! — Тимур Сергеевич явно остался доволен эффектом. — Произведение о косности, страхе любых перемен и слабом духе...

— А что это за слово? — спросил кто-то.

— Какое? Трусость?

— Нет-нет... — замотал головой ученик. — Вы сказали произведение о ко... Кос-но-сти... Как переводится это слово? Что оно означает?

— Открываете словари. Записывайте, кто ещё не знает, — продолжал учитель по-английски, перекрывая голосом шелест листов. — «Косность» переводится на русский, как косность. Вот транскрипция. Кто скажет значение слова?

— Это когда человек не воспринимает новое, закостенелость в старых привычках, — ответил тот же ученик, что спросил.

Тимур Сергеевич согласно кивнул, подтверждая правильность объяснения.

— А вы не считаете глупым давать нам Евгения Онегина на английском языке? Нам-то его и по-русски хватает...

— Я именно на такую реакцию и рассчитывал. Но отвечаю на твой вопрос — нет, не считаю. Во-первых, «Евгений Онегин» —

достаточно сложный для понимания текст, что позволит вам улучшить знания. А, во-вторых, русский текст, переведённый на другой язык, одновременно поможет ощутить разницу между родным и новым для вас языком. Самое главное: у вас появится куча вопросов, на которые неизменно захочется ответить. А разве *суть научения не в поиске истины через ответы?*! — ёрничая, высокопарно объяснял он. — Но это потом. Для начала давайте послушаем подготовленное дома.

От последних слов Алан почувствовал, как у него бешено заколотилось сердце, и боль вместе с кровью вновь хлынула в голову.

— Итак, пятиминутное выступление нам сегодня должны были подготовить... — Тимур Сергеевич стоя просматривал журнал, опершись руками о парту. — Так, Барагунова Алина и Дзгоев Алан. Готовы?

Алан и сидящая рядом с ним Алина синхронно кивнули.

— Хорошо. Тогда начнем с мужчины... Выходи к доске.

Мальчик медленно встал из-за парты, потными от нервов руками сжал листик с придуманным ещё позавчера текстом и пошёл, словно на плаху, к доске под прицельными взглядами одноклассников.

— Да ладно тебе, смелее! Все, делая доклады, пугаются и сильно переживают. Почти у всех путаются и забываются слова. Поэтому не волнуйся — прорвёмся! — успокаивал парня педагог. — Ну-ка, класс, поддержите героя! — и захлопал в ладоши, дабы спустя секунду кабинет заполнился дружелюбными аплодисментами и возгласами одобрения. Полегчало. Напряжение потихоньку отступало, хотя, конечно, он не обольщался, прекрасно понимая, что одноклассники не столько верили в его возможности и силы, сколько старались перенять от учителя сердечное ко всем отношение.

— Давай! — скомандовал учитель, когда Алан добрался-таки до «сцены».

Стараясь не замечать обращенных к нему глаз, он уткнулся в лист и начал говорить, робко переминаясь с ноги на ногу:

— Тема, на которую...

— Громче! — потребовал кто-то с галёрки.

— Тема, на которую мне требовалось написать доклад-сочинение, честно говоря, даже сейчас остается для меня не до конца понятной: «Жизнь — это дорога». Что это может значить? Или что это должно значить — совсем неясно. Дорога куда? И откуда?

Может Вы, Тимур Сергеевич, дав эту тему, хотели заставить поразмыслить о возможностях, изначально заложенных в понятиях «путь» и «дорога». Тогда у Вас это совсем не получилось.

Педагог, с интересом слушая, внимательно осмотрел класс, дабы убедиться — дети сидели не шелохнувшись, силясь понять, о чём речь, стараясь догадаться о смысле новых слов и фраз.

— Ты правильно подметил, Алан — заданная тема подразумевала именно возможности. Но ничего страшного, если ты подготовил доклад о чём-то другом. Каждый из вас волен трактовать тему по-своему.

Алан кивнул и продолжил:

— Когда я размышлял о смысле выражения «Жизнь — это дорога», мне почему-то стало очень грустно...

— И отчего же? — удивился учитель.

— А Вы сами как думаете? Я, конечно, понимаю, что Вы приехали в нашу деревню из большого города, где каждый новый перекрёсток таит что-то интересное. А я?! Я всю жизнь наблюдаю малюсенький участок асфальта длиной всего в несколько сотен метров. И всё... Всё прожитое мной время приходится видеть лишь грязный асфальт, с годами всё сильнее покрывающийся трещинами и ухабами.

Ребёнок замолчал, переводя дыхание и переживая острую боль. Все молчали, не смея прерывать речь, необычно пламенную для тихони.

— Вы очень тонко, Тимур Сергеевич, подметили. *Жизнь — это дорога*. Жить здесь - значит бегать по этому жалкому обрывку пути, дожидаясь неминуемой старости. Вы наверняка с такого ракурса не смотрели на дорогу, а?

Молодой учитель, задумавшись, стоял, не зная, что ответить. Лишь спросил:

— Неужели ты ни разу не выезжал за пределы села? Нигде не был?

Мальчик хмыкнул:

— Уезжал. Правда, мне годика три было. Родители ездили в гости к сестре в Ростов. Заодно и меня прихватили.

— Н-да... Три года — это рановато.

— Рановато, — грустно согласился Алан. — Но я до сих пор помню многое, будто это самое важное из всех воспоминаний. Мне снится много разрозненных обрывков — ярких, чётких ощущений: стук колес, убаюкивающее покачивание вагона... Предвкушение чего-то хорошего, интересного... Раздающийся из ниоткуда громкий гудок перед отправлением... Помню, как папа в тамбуре курил и читал вслух выцарапанные на стенах надписи...

— Надписи?

— Да. Люди от нечего делать любят поганить окружающие вещи. А в тамбуре — так особенно. Но это и неплохо. «Адлер — Костя — СУПЕР» — до сих пор помню! — с нежностью улыбаясь, будто держа в руках хрупкую ценность, говорил Алан. — А ещё лес помню густой, с высоченными деревьями! Всегда хотел в лесу побывать. Но у нас вокруг только скалы — сами знаете, — тяжело вздохнул он. — Эти обрывки — всё, что осталось от моего единственного в жизни путешествия.

— А почему ты больше никуда с родителями ни ездил? — спросил педагог, у которого от недавнего веселья и жизнерадостности не осталось и следа.

— Не знаю, — пожал плечами Алан. — Это у них спросить надо. Наверное, им не понравилась тот вояж. Или, может, они мазохисты, которым нравится наблюдать за изредка проезжающими вдоль деревни красивыми машинами. Или родителям просто нравится мечтать, как было бы здорово, если у нас было ещё пятьдесят овец. Видимо, им такого счастья вполне хватает...

— А тебе?

«Как он не понимает?!» — покачал головой Алан, а вслух сказал:

— Мне часто снится сон, как я еду в полном жителей деревни

вагоне. Поезд должен перевезти нас в другое место.

— В какое?

— Не знаю... Какая разница?! — небрежно отмахнулся Алан. — Вагон купированный, но все почему-то толпятся в коридоре, неотрывно уставившись в окна...

— И что же такого за окнами? Что привлекло внимание сельчан?

— А вот это главный вопрос! За окнами — на соседних путях стоит другой поезд. Товарняк сцеплен из каких-то цистерн, контейнеров... Единственное, что удаётся разглядеть — перекрывающая весь обзор гряда железа. Лишь изредка между сцепленными вагонами мелькают просветы — абрис какого-то большого города. Толком ничего разглядеть, потому что наш состав движется, а соседний всё заслоняет...

И так это долго продолжается... А люди всё ждут и ждут, когда мы, наконец, проскочим и сможем разглядеть пейзаж целиком. По коридору постоянно разносятся недовольные фразы: «Ну, когда уже?! Какой длинный эшелон! Сколько можно?!» Люди возмущаются, выходят из себя... Но ждут. И пытаются хоть что-то узреть в просветах.

Мне это тоже надоедает. Оборачиваюсь и вижу: сквозь открытую дверь купе, в окне открывается вид на великолепную долину с сочной травой и яркими цветами. Чуть поодаль — зеркало озера. Тогда я кричу: «Эй! Посмотрите в другую сторону! Как там красиво!» А односельчане, так и не оторвав взгляда от товарняка, ругают меня: «Не мешай! Сейчас вот-вот вагоны закончатся и мы увидим город мечты...» Сколько бы ни кричал, как бы ни умолял — никто меня и слушать не хочет...

И только мать бросает мимолётный взгляд на чудесный вид с другой стороны, затем поворачивается ко мне и говорит: «Сынок, тише! Не мешай папе ждать просвета. Он вот-вот разглядит Город». «А ты, мам? — удивляюсь я. — Ты посмотри, как с той стороны красиво!». «Тише, сынок. Тише...» — просит она, и, подперев рукою голову, отворачивается к отцу.

В панике обернувшись, вижу, что с другой стороны прекрасное изумрудное поле пожелтело, обернулось осенним угрюмым пей-

зажем, а затем и вовсе вид застили бесщётные вагоны.

Паренёк закончил, а учитель, совершенно растерянный, всё молчал. Он чувствовал, что вся эта речь — эмоциональная, пронизанная болью и тяжестью переживаний — предназначалась старшему другу, а не весёлому и эксцентричному учителю.

Класс явно был выбит из колеи. Конечно, ребята поняли не всё. Но, в основном, каждый вполне смог уловить, о чём, собственно, говорил их тихий, неприметный одноклассник.

Не дожидаясь реплики наставника, мальчуган сообщил, что закончил, и сел на место.

Алина сразу написала на листке «Ты чего?», поставив в конце большой вопросительный знак. Но Алан не стал отвечать, отодвинув листок в сторону.

— Давайте остальные домашние задания проверим завтра. А сейчас по плану — мистер Онегин, — как-то неуверенно, словно в гостях, предложил Тимур Сергеевич.

Класс заполонила смесь шёпота и шелеста книжных страниц.

Урок закончился. Ребята собирали вещи, чтобы отправиться в спортзал. Наставник подошёл к Алану с просьбой задержаться. Когда все ушли, старший друг Тимур сказал:

— Слушай, Алан... Я, конечно, не спец в таких вопросах и не уверен, что мои слова тебе хоть сколько-то пригодятся, но всё же сказать хочется. Ты это... Пойми, что твои родители, как и все остальные, ни имеют к *твоей жизни* никакого отношения...

Парнишка лишь молча слушал, уставившись в пол.

— Может быть, я сложно объясняю... Твоя жизнь — это твоя жизнь. Никто и ничто не имеет права ею распоряжаться. Если мать и отец в какой-то степени поставили на себе крест, и, судя по всему, уже давно, то это не значит, что и ты должен поступать так же. Они — люди завершённые, уже полностью состоявшиеся... Такие, какие есть. Они — это они, а ты — это ты. Мне кажется, если ты это поймёшь, то жить станет чуть проще.

— Я считаю... — еле слышно говорил мальчуган, так и не подняв взгляд, — что человек способен всё изменить, пока жив. Сколько бы лет ему ни было.

— И я... И я так считаю! — непонятно чему обрадовался Тимур. — Даже если остался всего один день - пусть он будет прожит так, как хочется, а не как надо. Можно меняться, имея всего лишь сутки... Да что там!... Всего пять минут в запасе. Кто знает, может, эти пять минут продлятся дольше, чем думаешь! Здорово, что ты понимаешь такие вещи! Но этого недостаточно, чтобы твои близкие начали меняться. Они сами должны этого захотеть...

Алан слегка кивнул.

— У нас в универе работал старый профессор, — уже более спокойно стал рассказывать Тимур. — Он читал курс лекций по религиоведению. Сам по себе дядька интересный, не говоря уже, как здорово он преподавал... Именно этот человек и стал для меня эталоном настоящего педагога. Так вот, на одной из пар он произнёс интересную фразу. Она запала в душу и до сих пор служит путеводной звездой. Дословно: «Боги, Высшие Силы, Вселенский разум, Природа.... Всё это ноль в жизни человека. Характер равен судьбе. Если вы это поймёте, то перед вами будут открыты все дороги мира!» Алан, — положил он руку на плечо другу, — Старый профессор был прав — характер действительно равен судьбе. Я это проверил на себе. Подумай, о'кей?

— О'кей...

— А теперь иди. На урок опоздаешь, — улыбнулся Тимур.

За дверью толпился младший класс, дожидаясь, когда же, наконец, их впустят в «Новую Англию». Дети шумели, возбужденно теснились поближе к двери. Над ними возвышалась Алина.

— Если не пошевелимся, то двойка по физре обеспечена, — поторопила его подруга.

— Ну и чёрт с ней... — махнул он рукой вяло, совсем не ускоряя шаг.

— Да что с тобой сегодня?! С Тимуром Сергеевичем ведёшь философские беседы, sny дурацкие рассказываешь, забиваешь на уроки... Может, случилось что? — взволнованно предположила Алина. — Что-то важное, а я и не знаю? Мы же друзья, поэтому можешь все выкладывать.

Алина шла сбоку, пристально вглядываясь в его лицо.

— Ну что, не надумал поделиться?

— Было бы чем... Всё в порядке. Просто надо немного подумать.

— Смотри сам, — явно разочарованно пожала она плечами.

Они спустились на первый этаж, прошли по коридору до самого конца, пока перед ними не появились уже закрытые двери спортзала, что могло значить лишь одно — физрук разогнал всех по раздевалкам.

— Доигрались, — понуро вздохнула Алина, предчувствуя нагоняй от родителей за двойку.

— Забей... — Алан равнодушно отмахнулся от её переживаний и смело, будто ему и в самом деле было плевать, толкнул дверь — та с привычным скрипом распахнулась.

Вопреки ожиданиям, грозного учителя физкультуры, щепетильного к опозданиям, в зале не оказалось.

— Может, вышел куда? — предположила она, и, не раздумывая, бросилась в женскую раздевалку. Алан соответственно направился в мужскую.

Дверь открыта настежь, но, как всегда в помещении без лампочки и без единого окна, освещен был только порожек. Дальше за ним начиналась крошечная тьма, мелькали неразборчивые тени, слышался смешанный ржач и шум более десятка голосов.

— Эй, кто припёрся?! — донесся из темноты требовательный, с хрипотцой голос, самый мерзкий изо всех, когда либо слышанных Аланом. Из мириада звуков, сплошной какофонией витавших вокруг, даже спросонья можно было различить интонации Сослана. Голос заклятого врага для Алана был сродни скрежету по стеклу — раздражающий, бросающий в озноб и мгновенно вызывающий тихое бешенство.

— Это Алан, — сказал кто-то совсем рядом, но всё равно невидимый.

— Задрали на лампочках экономить... — возмутилась «темнота» и, судя по звуку, сплюнула на пол.

— Давай, Алаша, заходи... Гостем будешь... — угрожающе дружелюбно пригласил Сос.

Только сейчас Алан понял, что всё это время он стоял на вхо-

де, как вкопанный, не решаясь перешагнуть через порог.

— Ты что, ещё здесь?! Ну-ка, мигом переодеваться! — из-за спины заорал не пойми откуда возникший физрук. — Живо! — и толкнул мальчика в раздевалку. — Кто готов — на выход!

Он на ощупь нашёл свободное место. Скинул с плеч рюкзак, достал из него сменку, начал стягивать одежду.

Зал был всего один, и его приходилось делить сразу двум классам. В деревенской школе учеников никогда не бывало слишком много, поэтому небольшой спортзал заполнялся как раз — все помещались, лишних не было.

Как и многие другие, Сослан приходил в школу из близлежащей деревни, что находилась в четырёх километрах вниз по дороге. В первых трёх младших классах Сос и Алан учились вместе и почти сразу невзлюбили друг друга. Однако, в отличие от Сосика, Алан предпочитал просто игнорировать неприятеля, но особенно в последнее время у него это плохо получалось. Лет с тринадцати Сос стал расти как на дрожжах - и ввысь, и вширь, и уже к девятому классу возвышался над сверстниками на полголовы. А так как сам Алан никогда богатырскими данными не отличался, то над ним - на целую голову. И, конечно же, Сос не преминул воспользоваться подаренными ему природой данными, используя любую возможность, чтобы выставить Алана на посмешище, унижить, а то и сделать мальчиком для битья. Насколько мог, он сопротивлялся напору громилы, но каждое новое сражение давалось всё сложнее.

Худшие ожидания Алана сбылись, когда почти все пацаны вышли из раздевалки. Стоило зашнуровать кед, как перед самым носом возник еле различимый силуэт.

«Господи, хоть бы Сос *сейчас* меня не трогал!» — взмолился Алан, мечтая лишь об одном — чтобы ему сейчас не мешали остаться наедине с болью, раскалывающей голову. На сопротивление издевательств сил явно не было.

— У меня к тебе вопрос, — сказал сгусток темноты голосом Сосика. — Как думаешь, дерьмо вкусное?

Алан обреченно выдохнул, понимая, что, судя по всему, в покое его не оставят.

— Слушай, Сос, у меня сегодня голова болит... Давай завтра поговорим, — спокойно, как мог, сказал Алан.

— Ты мне на вопрос ответь — вкусное или нет? — с усмешкой в голосе не унимался тот, предвкушая злую шутку. Кто-то позади него сдержанно посмеивался. — Ответь на вопрос, и я отстану. Ну, вкусное?

— А ты что, попробовать решил?

— Что-о-о?! — почти закричал Сос, взбесившись от такого хамства со стороны жертвы. Он постарался схватить Алана за волосы, но промахнулся, лишь слегка задев лицо.

Сердце вновь стремительно забилося, злость мощным потоком прильнула к голове, стирая границу между болью, страхом и ненавистью.

— Да сказал же, не трогай ты меня сегодня!!! У меня голова болит!!! — заорал Алан, стремительно вскочив со скамьи, схватив темноту за грудки, чтобы, толкая в неистовстве, с силой прижать к стене, несколько раз ударив невидимого врага. — Хватит уже!!! Отстань!!!

Тут Алан почувствовал, как его схватили за руки и оттащили назад.

— Кто это здесь хулиганит?! Дзгоев, ты что ли? — раздался голос физрука. Он пытался протиснуться между дерущимися мальчишками. — Брек, ребятки! Спокойно... Цакоев, живо в зал!

На выходе Сос обернулся и, злобным взглядом обшаривая темноту, коротко бросил Алану:

— После школы поговорим...

— Это я с тобой после школы поговорю! — не давая закончить угрозу, обрубил учитель.

— А что-о я такого сказал? — как ни в чем не бывало, с детским наивным удивлением протянул Сосик.

— Марш в зал! — рявкнул учитель, после чего силуэт, загораживающий свет, исчез, прихватив с собой ещё пару выскользнувших фигур.

Конечно же, ни в чем разбираться учитель не стал, потому что знал — бесполезно. Многолетний стаж работы в школе на практике показал, что, следуя своим «пацанским принципам», парни

попадают в неприятности, из которых потом бывает очень тяжело выпутаться, но всё равно посвящать старших в свои проблемы они не станут.

Алан же ничего не собирался рассказывать точно не из-за каких-то там не им придуманных «правил чести». Он просто был уверен, что в этом нет смысла. Ну, расскажет он учителю о постоянных нападках Цакоева... Ну, проведут с ним «воспитательную» беседу... А дальше что?! Сос только сильнее разозлится, исподтишка причиняя ещё больше вреда. Смысл жаловаться?! Поэтому Алану и оставалось со всем разбираться самому. Взрослые великие теоретики могут прочесть нотацию, рассказать, как правильно и как надо, а стоит делу дойти до реальной помощи — пользы ровно ноль.

— Что с тобой сегодня, тихоня? — спросил у Алана физрук. — То тебя не видно, не слышно, словно и не существуешь вовсе. То в раздевалке такое учиняешь...

— Голова болит, — буркнул Алан.

— Опять?! — тихо вздохнул учитель. — Тогда толку от тебя на уроке... Переодевайся обратно. Посидишь возле меня, на игру посмотришь.

Учитель выпустил Алана из тисков своих рук, а сам вышел в зал:

— Всем строиться! Цакоев, сюда подошёл!

Алан послушно переоделся.

Выйдя из sklepa-раздевалки в ярко освещенный спортзал, он подождал, пока глаза привыкнут к свету, и отправился на скамью, рядом с учителем. Цакоев же, как ни в чем ни бывало, бежал вместе со всеми по периметру зала, делая вид, будто Алана и вовсе не существует.

Как и большинство недалеких людей, Сос был поразительно предсказуем. Почему-то глупцы держатся за свои привычки с особым упорством. Намеренное безразличие к Алану и сдержанность лучше всяких слов говорили о серьезности намерения отомстить выскочке.

После короткой разминки учитель скомандовал натягивать сетку. Несколько парней, ожидавших команды, сразу же кину-

лись разматывать волейбольную сеть, разравнивать её и цеплять к крюкам. Когда зал был разделён на две части, ученики быстро разделились на две команды.

Физрук отправился в тренерскую, где хранились все мячи и мелкий инвентарь. Только тогда Сос не сдержался и изменил своему хладнокровию, мельком скользнув взглядом по сидевшему с закрытыми глазами, устало привалившись к холодной стене, объекту насмешек. Сам Алан этого не увидел, а скорее ощутил тошнотой, как Сосик смотрит на него и ухмыляется.

«После школы поговорим...»

— Одно и то же... Задолбал! — зачем-то прошептал Алан.

— Мяч! — крикнул учитель, и в ту же секунду короткие громкие шлепки разнеслись по залу. Алан приоткрыл один глаз, чтобы убедиться — так и есть: к ученикам, подпрыгивая и перекатываясь, нёсся баскетбольный мяч.

Ещё один парадокс — почему в их школе играют в волейбол баскетбольным мячом?! Почти у каждого после такой забавы хотя бы один палец был вывихнут, а губа разбита в кровь, не говоря уже о бесчисленных ушибах, синяках и ссадинах. Ладно больно — но ведь и глупо: на соревнованиях по волейболу, изредка случавшихся между соседними школами, «дети волейбаскетбола» не могли даже толком мяч забить... Они всё время попадали в аут, привыкнув к более тяжёлому мячу и не умея правильно рассчитывать силы.

И это при том, что все знали — волейбольных мячей в школе хватает. Просто физрук по каким-то своим, только ему понятным соображениям, не считал нужным давать их детям. А на вопросы всегда отвечал одной фразой: «Иди папочке жалуйся». Конечно же, никто не хотел выглядеть маменькиным сынком.

Прозвучал свисток, ученики разошлись по зонам. Игра началась. Первая же передача привела к разодранной до крови костяшке у одноклассника.

Алан терпеть не мог эту бессмысленную боль от ударов тяжёлого мяча. Играя, он всегда старался следить за пальцами, больше всего боясь их повредить — ведь тогда он не сможет рисовать! А это самое страшное... По крайней мере, тогда казалось именно

так.

Он всегда даже пуще головы берёт руки, отчего играл намного хуже остальных. Одноклассники, думая, что он просто неумеха, не хотели брать его в команду, каждый раз стараясь спихнуть ненужную «обузу» соперникам, что, в свою очередь достаточно ярко демонстрировало отношение окружающих.

«Какая разница, что подумают... Главное - я могу рисовать!» — обманывал он себя.

Алина переминалась с ноги на ногу по другую сторону сетки от Цакоева, периодически поглядывая на Алана и явно беспокоясь за него. А тот сидел с закрытыми глазами, и, насколько мог, погружался в глубину собственных мыслей, стараясь отрешиться от этого странного, нелепого мира холодной горной деревушки.

Крики, свист, ругань, скрип подошв по полу, возбуждённые голоса, хлопки и шлепки мяча — всё напоминало, что, сколько ни прячься в темноте - реальность всё равно настигнет.

Зачастую наши проблемы бегают за нами по пятам, не желая отвязываться, пока мы не встретимся с ними лицом к лицу.

Стараясь избежать драки, Алан решил отпроситься с последнего урока, зная, что у Цакоя (как ребята называли Сослана) столько же уроков, сколько и у него. На помощь одноклассников можно не надеяться — хотя они и относились к Алану неплохо, но влезать в неприятности, тем более связанные с Цакоем, никто не станет.

Учительница истории нехотя отпустила Алана домой.

Стоило выйти на крыльцо школы, как он понял ошибку — Сос тоже догадался, что он хочет уйти пораньше, чтобы избежать расправы. Возле магазина стоял Марат — одна из «шестёрок» Цакоя. Значит, тот где-то поблизости.

Конечно, путь через магазин был не единственным. Пробраться до дома незамеченным можно и в обход: пройти школу с торца, потом за домами вдоль реки, там добраться до конца деревни, перебежать дорогу возле дома дедушки Азамата, а затем - вновь позади домов, только уже со стороны горы... Чтобы, в конце концов, перемахнуть через свой забор. Сегодня отлежаться, пока

пройдёт головная боль, а завтра уже со свежими силами что-нибудь придумать.

Стараясь идти так, чтобы Марат ничего не заметил, Алан быстро добрался до задворков школы, а оттуда побежал к дому старого Азамата. Пересёк дорогу тоже незаметно...

Только собираясь свернуть за угол, паренёк вдруг остановился, не решаясь сделать следующий шаг. Не то, чтобы он услышал или увидел что-то... Скорее, просто понял: здесь идти *нельзя*.

«А что тогда делать? Не вваливаться же к деду Азамату с просьбой приютить...»

Взгляд упал на возвышающийся над деревней Мёртвый Город.

«Почему бы и нет?! — размышлял мальчуган. — Мать думает, что я на уроках. Не так уж и долго подниматься... Обратный путь тоже много времени не займёт. Там полчаса посажу, пока Цакой с Маратом отчаются меня найти и решат, что я уже давно дома».

Приняв решение, он перебежал обратно на другую сторону дороги. За домом спустился к реке, и уже вдоль неё решил добраться до подвесного моста, чтобы затем вскарабкаться к Мёртвому Городу.

Зачастую наши проблемы бегают за нами по пятам, не желая отвязываться, пока мы не найдём в себе мужество встретить их лицо к лицу...

Почти добравшись до самого Города, парень вспомнил, что из деревни местами хорошо просматривается тропа, по которой он сейчас поднимался. Стоило обернуться, как стало ясно — отвертеться от встречи с Цакоем сегодня, видимо, не удастся. К подвесному мосту приближались три фигуры. В них легко можно узнать единственного по жизни врага с друзьями.

И вот опять надо что-то срочно решать. Лезть выше и прятаться среди скал? Во-первых, опасно. А во-вторых, там легко можно попасть в тупик. Оставался только один вариант... Хоть и более рискованный, но более надёжный.

Прибавив ходу, он как мог, быстро преодолел оставшиеся метры и забежал за одну из саклей. Эта каменная башня распо-

лагалась дальше остальных и ближе всего к обрыву, практически нависая над ним. За многовековую историю существования скалистое плато Мёртвого Города сильно уменьшилось, разъедаемое сильными ветрами и дождем. И теперь с каждым годом всё больше, сантиметр за сантиметром, осыпающаяся в реку зыбкая почва грозила унести с собой «культурное наследие Кавказа». Благодаря естественным природным механизмам, сразу за саклей образовался небольшой, вполне надёжный на вид выступ. Если спуститься на него и самоубийцей на парапете проползти чуть дальше, можно остаться незамеченным под надежным прикрытием стены.

Пришлось экономить каждую секунду. Стараясь побороть отдающий болью в висках страх, кричащий почему-то маминым голосом, что падение в пропасть хуже, чем кулаки врага, Алан держась за стенку сакли, спустился на выступ. Всё оказалось не так сложно.

Главное теперь - перебирая ногами и отвернувшись лицом к скале (чтобы, не дай Боже, не посмотреть вниз), сделать несколько шагов и уйти из поля зрения неприятеля.

Что-то посыпалось сверху. Алан рефлекторно зажмурился, но отрывать от шершавого камня руку, чтобы стряхнуть песок, не решился. Когда сверху перестало сыпать, он поднял взгляд, проверяя, нет ли опасности. Как ни странно, но на этот раз повезло. Под основанием каменного жилища почва образовала ведущую внутрь узкую нору - будто кто-то специально оставил спасительный проход, способный пропустить лишь небольшого мальчишку.

Мысли, что древний каменный фундамент может не удержать вес всего дома и развалиться, или, что рука может сорваться, когда он будет пробираться внутрь, не тревожили загнанного в угол зверька. Казалось: именно в именно этой дыре - спасение.

Внутрь! Скорее!

Схватившись за нижний пласт сланца, он подтянулся, протиснувшись между камнями. Наверняка измазавшись, Алан стал дожидаться своей участи, стараясь справиться со сбившимся дыханием и гроыханием сердца.

Наверное, прошло около пяти минут (хотя в подобной ситуации о времени говорить бессмысленно), прежде чем он услышал аккуратно-неуклюжие шаги крадущихся загонщиков. Судя по звукам, они разбрелись по Городку в тщетных попытках найти жертву. Они старались вести себя тихо. Но хруст камней под ногами массивных тел с лёгкостью выдавал присутствие Цакоя с друзьями. Алану почему-то въелась в память эта *темнота с просветами дыр полуразрушенного древнего здания и громкое перешёптывание камней под ногами*.

Какое-то время покружившись в Мёртвого Городе, несколько раз прокравшись мимо закрытой снаружи двери (чем не на шутку пугали Алана), преследователи направились вверх по склону, видимо, решив, что жертва ушла дальше...

Так и не посмеяв покинуть убежище, мальчик положил портфель на земляной, хорошо утрамбованный пол, а сверху сел сам, привалившись к стене. Мысли вертелись лишь об одном — сколько продлится эта жестокая игра в охоту на человека.

Теперь, превратившись в узника древней башни, Алан понял свою ошибку — от Цакоя быстро не отделаться, и, скорее всего, придётся торчать здесь до самого вечера. «Может, выйти? Пусть морду набьют да угомонятся... Зато домой не опоздаю, мать за сердце хвататься не будет...»

Размышляя о возможных последствиях, перебирая наихудшие варианты, он теребил шнурки на ботинках. Была у него такая привычка - когда переживал или нервничал - всегда что-то вертеть в руках. На это обратила внимание ещё Алина. И, когда он говорил, что всё в порядке, а сам нервно теребил что-нибудь в руке, с большой охотой подкалывала друга. Обычно это были карандаш или ручка. А сейчас ничего более подходящего, чем шнурки, не нашлось.

Тонкие полоски света шпагами пронзали темноту. Не так уж и темно - просто глазам нужно привыкнуть.

Сколько Алан помнил себя, на дверях саклей висели толстые амбарные замки как раз рядом с табличкой, угрожающей штрафом каждому, кто посмеет притронуться к забытым экспонатам музея Времени. Сколько себя помнил, ему всегда хотелось уз-

нать, *что* внутри. Думалось, что здесь должны обязательно валяться выбеленные черепа умерших от чумы людей, прогнившая старинная мебель и обломки глиняной посуды, а на стенах висеть мечи, щиты и стрелы. Поэтому, увидев совершенно пустую комнату, он даже расстроился. Пол такой чистый, словно его недавно подметали... И стены... Просто голые стены. Ни тебе черепков посуды, ни оружия, ни костей, ни...

Сорванец удивлённо вскинул брови — рядом лежал какой-то предмет. Вроде не камень. Первое, что подумалось - открывалка или швейцарский ножик.

Подобрав неопознанный артефакт, он почувствовал, как холодное тельце вещицы, будто стараясь насытиться, принялось жадно вбирать тепло живого тела. Кончики пальцев чувствовали исходящие от гладкой поверхности уколы льда... Затем они неожиданно прервались, а вместе с ними (О, чудо!) ушла ненасытная боль. Но времени не оставалось даже на удивление...

За стеной слышались приглушённые голоса. От них Алану снова пришлось сжаться. Не раздумывая, положил отвлекающий предмет в карман.

— ...Мог деться?! — донесся недоумённый голос. — Все же видели: он сюда шёл...

— А, может, это не он? — предположил Марат.

— А кто, блин, ещё мог сюда податься?! Только этому трусу надо было где-то спрятаться. Очкун!!! — в надежде, что преследуемый услышит, проорал Цакой, от досады громко сплюнув на землю.

«Ах, так я, видите ли, трус! Всего лишь испугался трёх амбалов...» — невесело ухмыльнулся в мыслях Алан. В темноте, затаив дыхание, он *боялся в своё удовольствие...* Боялся яростной, тупой, жестокой расправы за естественное желание уцелеть.

— Может, здесь подождём? Или у моста? Не будет же он вечно прятаться... — предложил кто-то третий.

— А если это всё же не он? — продолжил стоять на своём Марат, явно не желающий долго здесь оставаться. — Кто-нибудь из местных? Или турист? Всё может быть...

— Ну, а если не он, то всё равно, где этот призрак? Головой

думай, а не задницей! — Цакой со своими друзьями, как и со всеми кругом, говорил в привычной для себя снисходительно-хамской манере.

— Так мы будем ждать или нет?!

Немного помолчав, голос Цакой скомандовал retirоваться:

— Ещё домой возвращаться. Так что выдвигаемся. В конце концов, Алаша никуда не денется. Не сегодня, так завтра свидимся...

— Завтра выходной.

— Какая разница! Есть же и понедельник...

Несколько минут они ещё спорили, и лишь затем хруст камней начал постепенно отдаляться. Немного погодя, Алан встал посмотреть в щели, не остался ли кто в засаде... По всему было видно, что караулить его не стали. Тогда он пустился обратно — через нору на выступ, чуть-чуть проползти на опасной высоте, чтобы взобраться на плато.

Подойдя к краю спуска, он аккуратно, оставаясь незамеченным, выглянул. Обидчики как раз переходили подвесной мост. Теперь дожидаться, пока они достигнут школы - и спуститься быстрой.

Пригибаясь, мальчик подошёл к камню, как к старому приятелю. И поморщился, обнаружив грязные следы подошв. Сам он старался не пачкать чудесную глыбу.

Рубром ладони очистил валун, затем отряхнул руки, одежду, рюкзак... Но всё же без воды следы приключений с одежды стереть не удастся. А таким зачуханным домой отправляться нельзя. Сколько нужно, чтобы хорошенько почиститься?

Размышляя, Алан привалился к глыбе со стороны скал так, чтобы его силуэт не просматривался из села. Стоило коснуться спиной каменного шара, как правое бедро словно резануло острым предметом или обожгло раскалённой железякой. Машинально отпрянув и одновременно стараясь понять, что «ужалило», он осматривал идеально гладкую поверхность. Но ничего особенного так не увидел. Боль отдавала в районе правого кармана.

«Точно!» — осенило его.

Алан только сейчас вспомнил про находку. Залез в карман и извлёк испачканные землёй небольшие наручные часы с металлическим браслетом.

Часы?! Откуда?! Как в древнем строении мог очутиться вполне современный хронометр?

На циферблате отмечены всего четыре числа: римские 12, 3, 6 и 9 располагались как положено. В маленькой прорези, как раз между «III» и «VI» отображалось ещё одно число. Судя по всему, оно показывало день месяца — ноль пять.

Всего две стрелки: большая минутная и маленькая, отсчитывающая часы. Секундной не было. Поэтому визуально обнаружить, идут ли они, оказалось невозможно. Поднеся вещицу к уху, мальчик прислушался — определенно, никакого звука. Сбоку корпуса виднелся барабанчик. Алан покрутил его в надежде, что часы оживут... Но результат остался прежним. Механизм был мёртв.

Мелькнула мысль: а не выкинуть ли их? Всё равно не работают и не заводятся. Что толку? Но, подумав секунду, Алан решил оставить находку себе. Во-первых, часы ему очень понравились. Во-вторых, он нашёл их в старинном здании. И не важно, что внутрь они могли попасть через бойницу — какой-нибудь эксцентричный иностранец из санатория всего несколько дней назад взял да и закинул «своё личное время» в понравившуюся саклю. Ведь именно так поступают с монетками, бросая их в воду, чтобы вернуться к понравившемуся месту. Кстати, это и объясняло, почему они не работают: от удара. Пусть так... Главное другое — Алан нашёл их там, где должны быть скелеты и черепа, где когда-то жили люди, а сейчас властвует минувшее...

В пользу часов говорила и бесследно пропавшая головная боль. Может, это и совпадение... Но раньше подобного не было...

Водрузив часы на запястье, паренёк выдвинул кисть подальше, чтобы понять, как они смотрятся.

— Ничего... — заключил он.

Застывшие стрелки показывали шесть двадцать с чем-то: делений было мало и более точно застывшее время определить не удавалось.

Одёрнув рукав, направился вниз, стараясь идти незамеченным. Перебежал мост и спустился к реке. Второпях, но старательно протерев одежду и рюкзак, побежал домой.

Всё же решил пробираться дворами. До своего добрался без проблем. Перелез через забор и спрыгнул в огород. Осталось пройти между кустами – и дома. Весь путь мысленно молился, взывая к милости Времени. Может, Его Величество расщедрится и уйдёт не слишком далеко... Так, чтобы на очередной скандал с мамой его чуть-чуть не хватило...

Уже второй раз за день Алан порадовался везению — матери дома не было. Это удача!

Судя по висящим на стене столовой большим круглым часам, с окончания последнего урока прошёл всего час. Будь мать дома, этого срока вполне хватило бы для серьёзной взбучки. Особенно после вчерашнего.

Паренёк наскоро переоделся. Снимать часы совершенно не хотелось. Показывать их родителям тоже не следовало, по крайней мере сейчас... Поэтому выбор пал на тёплую водолазку с длинным рукавом. Затем, даже не перекусив, сел за уроки. Мать могла заявиться в любую минуту, и нужно было сделать вид, будто он дома уже давно.

Она пришла минут через сорок. Зашла в комнату, как ни в чем ни бывало. Чмокнула «трудолюбивого» сына в темя, сообщив, что пропадает у Мадониной мамы:

— У Азы сегодня день рождения. Я помогаю хозяйке на кухне. Так что буду с отцом поздно.

Поздно — не то слово. Алан знал, как могут затягиваться подобные гуляния, особенно в преддверии выходных. Что скрывать - возможность провести вечер полноправным хозяином дома очень обрадовала.

— Я за приправами забежала, — сообщила мать, после минутной возни на кухне. — У Азы закончились. Ну, пока! Может, ещё найду...

Только хлопнула дверь, Алан кинулся на кухню, запихивая в себя всё съестное без разбора. После чудесного исцеления голод сменился волчьим аппетитом.

Наевшись до отвала, ребёнок отправился в «отцовскую» комнату смотреть телевизор.

В принципе, получился чудесный пятничный вечер: сорванец кое-как доделал уроки, ещё раз перекусил, порисовал, затем ещё капельку посмотрел телевизор. Ближе к девяти заскочила очень довольная мать, сильно навеселе. Она принесла на тарелке вкуснятину: пару кусков пирога из свекольных листьев и сыра, мясо и фасолевый салат. Пошуршав на кухне, опять убежала, предварительно напомнив, чтобы не ложился поздно.

Лег он около двенадцати. Завтра выходной, поэтому можно поспать подольше...

Когда именно вернулись родители, слышно не было. Мальчик проснулся среди ночи от странного ощущения — что-то было явно не так. Но что?!

В горах луна всегда яркая. В разбавленном серебряным светом тьме очертания чёткие. Но, сколько бы он ни сканировал окрестности сонным взором, всё никак не мог понять - что не так? Наверное, потревожил остаток неприятного сна. Он повернулся набок, надеясь поскорее заснуть. Лишь подложив под голову руки, понял причину. Часы на запястье шли, отчётливо издавая звук ожившей *секундной стрелки*... Стрелки, которой не было! Тик-так-тик-так-цок-цок-тик-так... — чеканила секунды невидимка. Сев на кровать и включив настольную лампу, Алан посмотрел на циферблат — три сорок пять. На табло дней — 0 и 5, скрывшись наполовину, сместились вверх, а снизу возникли иероглифы 0 и 4.

Даже спросонья он сразу заметил нестыковку. Когда надевал браслет, стрелки показывали 6 часов, а сейчас — почти 4. Не могло пройти девять часов с 6 до 3. Одно из двух — или он во сне каким-то образом прокрутил барабан, переставив стрелки, или время на этих часах шло вспять. А, судя по четвёрке на табло дней, именно так и было.

Как ни крутил Алан рычажок, стрелки упрямо не желали подчиняться, своевольно управляя Временем.

Глава 3

СТАРЬЁВЩИК

Тишина больно давила на перепонки. Тело ныло и выпрашивало привычной почвы под ногами. Здесь даже дышалось не как обычно — застоявшийся воздух с трудом сочился в лёгкие. Сама атмосфера казалась инородной. Словно на другой планете, где гравитация, плотность и химический состав совсем иные. Цвета и краски, температура и запахи и даже ощущение смертной тоски — в общем всё.... Всё другое.

Я стоял на одном из десятков, а, может, даже и сотен перронов грандиозного вокзала. Мой поезд умаявшейся лошадкой дремал в тупике. Одиннадцать вагонов, всегда казавшиеся величавыми громадинами, сейчас напоминали разве что детскую игрушку. Тому виной — возвышающийся над путями на добрый метр и уходящий вдаль *насколько хватало глаз* асфальтовый парапет. Этот вокзал был донельзя монументален. Влево ползли бесчисленные змеи путей. Границы станции виднелись лишь вдалеке. Интересно, чем на самом деле она обрывалась — то ли серой стеной, то ли пути уходили дальше, создавая у горизонта иллюзию границы? Справа, также лишь смутным силуэтом чуть различался вход в само здание. Трёхэтажный монстр тянулся вдоль путей справа налево и, достигнув меня, убежал дальше. За огромными окнами — ничего, кроме тьмы.

И всё *это* защищал от капризов природы свод из железа и стекла. Огромная крыша (небесное отражение путей) точно так уходила в бесконечность. Она нависала жестяными пластинами над платформой и состояла из прозрачных квадратов, по-видимому, пластика или мутного стекла. Всё это массивное сооружение опиралось на стальные балки, толстыми стволами растущие из асфальта.

Сквозь искусственный небосвод проникало тусклое свечение. При долгом созерцании казалось: за стеклом не дневной свет, а

умело вмонтированные ртутные лампы. Скучные блёклые лучи окрашивали всё в пастельные тона. Я зажмурился. Глаза болели, отказываясь принимать свет иных миров.

Наверное, со стороны смотрелось странно: один среди гигантского пространства, равномерно раскромсанного путями. Совершенно один там, где должны бегать, суесться и опаздывать десятки тысяч людей; приходиться и отправляться поезда, распадаться и вновь соединяться судьбы.

Платформы усыпаны выцветшими этикетками и давленными пивными банками. Пахнет дождём и креозотом. Так или иначе - я в пункте назначения. А, значит, какая-то часть пути завершена. Возникло ясное ощущение, что связь с моим домом в одиннадцать вагонов разрывается. Я сам по себе. Теперь придётся пешком...

Как и в прошлый раз, в купе без малейших сомнений я забрал всё, что там было, зная наперёд: поезд заботится обо мне и всякая, казалось бы, ерунда, может пригодиться. Одеваясь по осенней погоде, я собирался в дорогу. Не знаю, что впереди. И это страшнее всего. Да, обязанности проводника наскучили. Но именно они создавали чувство надёжности. Спокойная, размеренная жизнь, обеспеченный хлебом быт — всё это порядком поднадоело... Но неизвестность пугала. Я всегда знал, что должен делать вот это и вот это - и тогда всё будет по-прежнему, то есть нормально. А сейчас иду неизвестно куда в поисках неизвестно чего... Своего прошлого.

С первых мгновений пребывания в Городе я чувствовал себя чужаком. В воздухе — угроза-невидимка. Страшно... Ведь я уже свыкся с мыслью, что не смогу разгадать и малой толики всех головоломок. Станный поезд и собственная амнезия казались чем-то непостижимым... Теперь же впереди ждал абсурд такого масштаба, с которыми не то что свыкнуться - представить нельзя! И что дальше?

Нет, я, конечно, мог бы остаться в своем вагоне: никто ведь не выгоняет! Мог бы... Но не буду. Просто не смогу. Даже не из страха, что всё вокруг начнёт гнить и ржаветь, как это случилось со Старцем. Нет. Он верно тогда подметил, что преподносит мне

самый дорогой подарок, что только можно вообразить — Цель. Именно она способна вытолкнуть с насиженного места, не позволяя замереть без движения в ожидании полного исчезновения или слепоты... Нужно понять, почему я оказался в этом странном мире и что было ДО... А для этого достаточно нацепить на плечо походную сумку, глубоко вздохнуть, и, затолкав поглубже ужас, решиться шагнуть на платформу! А там уже недалеко до истины...

Несомненно, я прибыл в огромный мегаполис, а не в захудалый провинциальный городишко. Вряд ли такая махина, рассчитанная на десятки тысяч людей, существует сама по себе. Воображение пририсовывало ко всем этим перронам такое же бесчисленное количество домов - обители множества людей. Люди? Так почему я здесь один? Должен же быть ещё хоть кто-нибудь!

Риск крошечного одиночества в огромном городе ужасал. Страх едкой отравой расползлся по телу, исподволь поражая разум. Сел на койку. Картины сменяли друг друга: вот, потерявшись, бесцельно брожу среди домов-гигантов, где в пустующих стенах главенствует тишина... За каждым углом — бесприютные тени... А я гонюсь за миражами, притом надеюсь вернуться к Воззалю... Ведь там, на путях — мой вечный дом.

— Хватит! — резанул по ушам внезапный крик. От неожиданности я подскочил, больно ударившись. Голос, выдернувший из водоворота отчаянья, был моим. Но губы не оставили ощущения произнесённых слов. Я слышал свой голос. Но говорил не я.

Потерев ладонями лицо, вернулся в тревожную реальность. В путь! Не начни действовать сейчас же, навсегда останешься в плену сомнений...

Надел форменную шинель, перекинул через плечо сумку, даже не проверив содержимое, и вышел, прикрыв тяжёлую дверь.

От своей платформы отправился вдоль здания налево. Именно там, вдалеке, виднелось нечто вроде входной арки. Идти пришлось дальше предполагаемого. Путь протяжностью шестьдесят три платформы (не считая моей)... Таким образом, получится сто двадцать шесть путей или двести пятьдесят рельсовых линий. И

это только в одну сторону! В направлении серой стены идти пришлось бы гораздо дольше.

Я обернулся. Передо мной - бескрайнее поле, расчерченное ровными линиями. Подпиравшие стеклянный навес балки смешиваясь, казались единым лабиринтом. Мой вагон отсюда был практически невидим. Кому и для чего понадобилось возводить такую махину?

А ещё заметил, что серая стена находится на том же расстоянии, что и была, будто шаг в шаг следовала за мной. Наверное, игра блёклого света...

Снаружи вокзал выглядел грустным (если так можно говорить о строениях). Но именно таким он и показался. Большие длинные окна, абстрактные узоры из гипсовой лепнины, серая, под стать перронам, штукатурка — мрачным его не назовешь... Скорее, именно печальное... А ещё этот искусственный небосвод, как бы рубивший здание на части...

Само собой, в воображении возник образ завершённого вокзала: тонкие шпили, летящие ввысь, букет из башен; фигуры горгулий и грифонов, каменными глазами созерцающие суету...

Я шагнул внутрь.

Там царил глубокий сумрак. Будто пасмурным, промозглым осенним днём заходишь в зашторенную комнату и почти ничего различить не можешь. Несмотря на обилие окон, в огромном зале были видны лишь общие очертания интерьера. Высокие колонны, лестницы на верхние этажи, отгороженные перилами балконы, посреди - пустой постамент... Наверное, здесь когда-то стоял памятник...

Вообще, тут со светом творилось неладное! Будто он почему-то не мог разогнать погребной мрак, несмотря на грандиозные окна. Пришлось нагнуться, чтобы рассмотреть пол. Присмотревшись, понял — это просто тёмный мрамор... Или что-то вроде монолита сланца. Несколько раз топнул ногой — звук мгновенно разбежался по углам, уносясь всё выше к своду, так же отсюда неразличимому. Помещение это, кажется, имело форму огромной башни... Свечение окон, по которым можно судить о высоте здания, нельзя было различить уже с третьего этажа. Но можно

легко представить, что оно уходит вверх на многие и многие этажи.

— Эй... — крикнул я, и тут же огромные невидимые титаны отозвались басами со всех сторон.

— Эй... эй...эй... — кружило эхо. Никогда не думал, что пустое помещение своим масштабом способно сводить с ума.

Каждый шаг давался с трудом. Но я заставил себя отправиться дальше, в одну из четырёх арок. Выбирал наугад.

Спустя полсотни шагов я оказался ещё в одном просторном зале. Он, конечно, не дотягивал до размеров только что покинутого, но и малым его также не назовёшь. Два этажа, посреди - большая люстра; вдоль стен - какие-то застеклённые будки. Судя по всему, киоски. Наверное, когда-то здесь всю продавали соки и фрукты, газеты, свежую выпечку, пиво... Я подошёл к одному из ларьков и пальцем провёл по стеклу. Так и есть — там остались полоски, а на пальцах - слой пыли. Затем сел на корточки и присматрелся: за мной тянулся шлейф следов.

Теперь ясно, *что* именно давило, *что* заставляло напрягаться и трусить. Если в старом здании у Старика всё разваливалось на части, увядало, катилось к нулю, то здесь всё замерло... Казалось: люди не убегали в панике или спешке, не спасались от неведомой угрозы, а методично собрали пожитки и отправились. Здесь царил затхлость и пыль. И даже окна не смели пропускать свет, чтобы, не дай Бог, не потревожить мрак.

Прикреплённый к стене щит со стрелками указывал направление. Почему-то в том зале я ни одного указателя не заметил. Дальше по коридору и прямо — тех. зона: камера хранения, комнаты отдыха, матери и ребёнка, туалеты... Прямо по коридору и налево — кассы, справка, начальник вокзала. Прямо и направо — выход в Город.

Немного поразмыслив, направился к кассам, надеясь найти справочную. Ведь там вполне могли оставить карту, телефонную книгу или ещё что-нибудь, что помогло бы разобраться, где я, и понять, куда двигаться дальше.

Преодолев ещё в одну арку (раза в два меньше первой), оказался в длинном коридоре. На всём протяжении слева в стене

были окна, а за ними... То же самое бескрайнее поле путей.

Даже не знаю, какое расстояние преодолел, прежде чем оказался возле развилки. Ход раздваивался прямо и направо. На потолке висели таблички-указатели, снова напоминавшие, что прямо — к кассам, а направо — выход в Город. Ещё сколько-то сотен шагов — и я у поворота. Далее коридор вёл к тех. зоне.

Свернув налево, заметил, что он чуть расширился. Хотя здесь и так спокойно могла разъехаться пара грузовиков. Это явно строил чокнутый архитектор-гигантоман.

А ещё меня удивил вид из окон. Только что я двигался вдоль проложенных слева путей. Повернув налево, обнаружил окна справа, за которыми простирались платформы, идущие также вдоль моего движения. Я постарался представить приблизительную схему вокзала. Не нужно большого ума, чтобы понять — одно из двух: или одни линии должны пересекаться с другими, или места для прибытия поездов имеют несколько ярусов. И тогда прозрачный купол вовсе не стеклянный, и это вовсе не крыша, а перекрытие между уровнями с морем ламп дневного света. Но почему я нигде не ощутил спуска или подъёма? Если вокзал устроен так, как я представил, уровень должен был подняться метров на десять. И к тому же, если платформы освещаются лампами, почему тогда ни одна не горит внутри?

Странности с моим поездом — просто детские загадки по сравнению с этим местом... И для Рая или Ада вокзал — слишком странный выбор. Остаётся только смириться с очередной головоломкой и продолжить путь.

Идти пришлось недалеко. Проход уж как-то совсем неожиданно закончился, перейдя в просторное помещение метров пяти в высоту и чётр знает сколько в длину. По бокам виднелись вросшие в стену кабинки касс — огороженные от зала стеклом десятки, сотни кабин... Снова начали представляться выстроенные в бесконечных очередях потоки людей. Я встряхнул головой, стараясь отогнать панику. Всё чрезмерное вредит. И почему я так странно реагирую на большие пространства и строения? Наверно потому, что привык к компактному миру вагона...

Окна почти во всю стену располагались у противоположной

стены. Я направился туда. Сказать, что удивился, увидев главный перрон и пути, а чуть поодаль — мой состав? Наверное, нет. Хотя стоило! Ведь, если вспомнить блуждания по вокзалу, я должен был отойти невообразимо далеко от родимого поезда. А получилось - пришёл всё туда же. Знал бы - просто выбил окно и пролез сюда. Всё равно здесь никого нет...

Недолго думая, попытался найти ручку или защёлку, чтобы открыть окно. В тот же момент в одной из стеклянных кабинок зажёгся свет. Я встал как вкопанный, не зная, что делать.

Сначала огонёк парил, медленно спускаясь. Затем застыл, дабы резко разгореться с новой силой, превратившись в керосинку. Живой огонь осветил лицо мужчины. Не шелохнувшись наблюдал я за незнакомцем, боясь спугнуть наваждение. Тот, в свою очередь, был полностью увлечен своими делами и не видел меня. Он явно собирался перекусить. Доставал из-под стола какие-то баночки, свёртки, посуду, термос — даже ни разу не глянул в мою сторону.

Когда он сотворил что-то типа бутерброда и принялся уплетать его, запивая чем-то горячим, я решил, что пора действовать. Иначе он нескоро обратит на меня внимание. Подойдя к стеклянной перегородке с переговорными дырочками, я решил ненавязчиво обратить на себя внимание. В тусклом свете лампы он поглощал всё новые и новые порции, неотрывно уставившись в какую-то книгу. Мужчина читал. Глядя на него, страшно захотелось самому осилить какой-нибудь хороший роман. Стало жалко недочитанную Рубину. Человек за стеклом был совершенно неопределённого возраста. Это, наверное, из-за длинной густой бороды, почти полностью скрывавшей морщины. На голове - тёмно-синяя фуражка; такого же цвета пиджак с погонами и эмблемой ЖД - точь-в-точь, как у меня.

— Простите... — как можно мягче, чтобы не спугнуть, сказал я. Но это себя не оправдало — от моих слов мужчина резко вскочил, опрокинув чашку с кофе и заляпал книгу. Он бешено дышал и пятился. — Извините, я просто узнать хотел... — примиряющее замотал я руками, показывая, что я не опасен.

Мужик учащённо дышал и тарачился на меня. Затем, видимо

сообразив, что к чему, и несколько раз осмотрев мою форму, выдохнул, смачно сплюнул на пол, а затем спешным, писклявым голоском недовольно выругался:

— Чёрт! Нельзя же так пугать! — тут же, словно при воспоминании об оставленном на плите молоке, его взгляд упал... Не спустился, не съехал, а именно тяжело, громко плюхнулся на книгу!

— Ну что же это! — жалобно пискнув, он кинулся к столу и подхватил промокшую книгу, усердно вытирая обложку рукавом. Но все усилия были напрасны. Кофе успело изрядно заляпать страницы. — Чёрт! Чёрт! Чёрт... — всё верещал он.

Этот странный голос совершенно не соответствовал внешности. Не то чтобы голос должен был оказаться суровым или грозным, нет... Скорее, просто нешуточным... А этот писк, даже с натяжкой, нельзя было принимать всерьёз.

В конце концов, видимо, смирившись с потерей, он обречённо кинул безнадежно испорченную книгу на сухую часть стола и принялся вытирать выжужженным из кармана платком лужу.

— Нельзя же так людей пугать! — в который раз воскликнул бородач.

— Да я и не пугал, — я старался защититься от несправедливых обвинений. — Просто извинился за беспокойство. Откуда было знать, что Вы такой нервный?

— Не нервный я! — нервно пискнул он, испепелив взглядом. — Просто гости здесь крайне редки... — Он наконец унялся и сел за стол, убитый потерей книги.

— Извините, я на самом деле не хотел Вас пугать. Так получилось.

— Да знаю я... — он тяжело вздохнул. — Только от этого не легче! Что теперь делать, а?! Столько промаялся с книгой - и вот... Почти разобрался, что да как, а тут такое... Вишь, как бывает, — он расстроено покачал головой, словно соглашаясь сам с собой.

Писклявый, несомненно, был настоящим ключом к тайне этого места, и, если его сейчас упустить (а куда он мог деться, я, по правде, не представлял, но чувствовал, что это вот-вот произойдёт и ситуацию надо исправлять), то с большинством ребусов

придётся разбираться самому.

— Когда книга подсохнет, то будет как новая, — подбадривающее улыбнулся я. Не сработало...

— А толку? — он поднял глаза, полные разочарования. — Вещи, если быть неаккуратными, легко превратить мусор. Как мою книгу, например.

— Ну почему? — удивился я. — Высохнет - и читайте. Ничего особенного — главное, что буквы можно различить.

От моих слов взгляд незнакомца стал ещё пристальнее:

— Ты не местный?

— Нет. Только что прибыл.

— Прибыл? — он несказанно удивился. — Это на чём же? Только не говори, что на поезде.

Я сдержанно кивнул, готовясь к очередному эксцессу.

— Врёшь! — оглушая, запищал бородатый и опять неожиданно сиганул из-за стола, уронив на пол термос и стул. Схватил керосинку и исчез. Я, наверное, успел бы досчитать до семидесяти, когда в дальнем углу что-то защёлкало, а потом отворилась дверь. А я её даже не заметил. Огонёк, покачиваясь, быстро приближался под топот пары ног.

Мужик подбежал к окну.

— Обалдеть можно! Это твой поезд?! Вправду настоящий?! — он чуть не танцевал от радости. Я стоял на том же месте, ожидая, пока этот псих уймётся.

— Слушай! — чуть не прокричал он мне в ухо. — Ты хоть понимаешь, что это значит?! Не зря! Всё не зря! — скачал он кузнечиком. — Я-то думал - уже всё! Каюк! А тут ты...

Как я ни старался, из его бессвязной речи почти ничего не понимал.

— Я двигаться... Двигаться начал!!!

— В Городе так устроено... — уже спокойный, он сидел на подоконнике рядом, влюблённо воззрившись на мой безголовый состав, — что единственная цель каждого — выбраться отсюда.

— Кем устроено? — спросил я, согреваясь чашкой тёплого чая, сотворённой Смотрителем Вокзала, как я назвал про себя нового

знакомого.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Просто всем известно: отсюда нужно выбраться. Это цель. Кем и почему установленная - неизвестно. Но так надо...

Я хмыкнул:

— Странно. Сначала нужно попасть в Город, чтобы затем выбираться из него... Нелогично!

— Нет, — он прихлебнул, не отрывая взгляда от окна. — Всё правильно - это как перевалочные пункты. Чтобы добраться сюда, ты, как и всякий, должен что-то понять. Понял - значит, достиг определённого уровня и можешь переходить на следующий, более высокий, где свои задачи и трудности. Чем не игра?

— Не больно ты на игрока похож...

Смотритель перевёл взгляд на меня:

— Всякое бывает. Я вот боялся, что уже никогда не смогу выбраться из Города. Поэтому и надежда утасла, и сам я потихоньку терялся. Но твоё появление всё изменило.

— И что я такого сделал? — удивился я.

— Ты? Ничего. Твоё явление — скорее не твоя заслуга, а моя. Значит, я успел разглядеть смысл книги, и скоро Вокзал наполнится до отказа.

— А что в этой книге такого?

— Пока не знаю. Если б знал, то здесь давно бы суетились тысячи человек, желая поскорее уехать или купить билеты. Прежде, чем книга была испорчена, я что-то определённо понял. Но что? Копошилось много мыслей — какая из них правильная? Вот в чём вопрос! А ты — не более, чем симптом *правильного пути!*

Я ухмыльнулся:

— Книга у тебя какая-то скоропортящаяся!

— Получишь от Старьёвщика свою подсказку - тогда и поймёшь, что к чему... — радость постепенно сползала с лица Смотрителя. Мои вопросы ему явно мешали.

— Старьёвщик?

— Да... — подтвердил он. — Это человек, помогающий найти дальнейший путь. Тебе именно к нему и нужно. Только он подскажет, куда двигаться дальше.

— То есть как выбраться из Города?

— Ага...

— И как его найти? Судя по количеству перронов, Город — настоящая громадина.

Смотритель приподнял кепку, чтобы поправить короткий бобрлик волос и снова водрузить её на место.

— Нет. Он не огромный... Он бесконечный.

— Как это? — я даже привстал.

— Скоро сам поймёшь. Выходи на улицу только тогда, когда точно будешь знать, куда хочешь попасть. Иначе, никуда не направляясь, никуда и придёшь, бесконечно блуждая по улицам.

— Я не совсем...

— Всё поймешь, выйдя из Вокзала. А так - толку объяснять? Не знаешь, куда деваться, или хотя бы что ищешь — сиди, где сидишь. Понял?! — назидательно пропищал Смотритель.

— Да.

— Ну, и ладно!

Он замолчал, опять воззрившись на мой состав.

— Так, а как Старьёвщика найти? — напомнил я.

— Ах, да... Выйдешь в Город - постоянно думай, что идёшь к Старьёвщику. Размышляй, какой он, во что одет, что за характер, представляй его взгляд. Все до мелочей!

— Ты серьёзно? — я старался понять, не шутит ли он.

— А то... Всё понял?

— Всё, — неуверенно кивнул я. — Идти, думая, что хочу попасть к Старьёвщику...

— А вот и нет! — оборвал меня Смотритель. — Не «хочешь» попасть, а «знаешь», что идёшь туда.

— А есть разница?

— Такая же, как между бесконечным блужданием и движением до пункта назначения. Просто *знай*, что идёшь к нему — вот и всё!

— Тогда мне нужно знать, какой он. Это чтоб легче было найти.

Смотритель тяжело вздохнул:

— У каждого свой благодетель. Мой Старьёвщик, скорее всего,

отличается от твоего.

— Как тогда его найти? Как я узнаю, что он — тот самый?

— Город сам приведёт к нему, если знать путь. Просто двигайся.

— Ты именно это имел в виду, когда говорил, что начал двигаться?

— Да, — улыбнулся Смотритель. — Когда я прибыл сюда...

— «Прибыл»?

— В Город каждый попадает по-своему. Кто-то — как я, пешком. Кто-то — как ты, на поезде. Другие появляются сразу. Все по-разному. Так вот, когда я сюда прибыл и наткнулся на небольшой вокзальчик вроде будки, сразу понял, что это и есть моя обитель. Поселился тут. Тогда была всего одна касса, платформа и путь. Я мечтал усовершенствовать мой дом. Изредка возникали люди, чтобы купить билет. Поезда тоже появлялись, но, скорее, как исключение. И тогда я стал мечтать об огромном здании с кучей касс, платформ и путей — о грандиозном Совершенном Вокзале. Как и все, я сплю. Каждый раз, засыпая, я знал, что проснувшись, обнаружу различные усовершенствования Вокзала. Потихоньку: то ещё один путь прибавится, то комнатка появится, какой раньше не было, то касса... Но мне всегда было мало! Я мечтал о чем-то поистине величественном, достойном моей фантазии. Честно говоря, я тогда был занят исключительно зданием, вовсе не думая о людях. Когда, в конце концов, получился вот этот монстр, до меня вдруг дошло, что ни людей, ни поездов здесь больше не будет. Я слишком был занят строительством и будущим, потеряв истинную цель — пассажиров! Представляя Вокзал, я не видел в нём людей — только стены, колонны да пути... И единственное, что я заработал — бесконечное количество платформ.

— Бесконечное? — исступлённо переспросил я.

— А ты разве не заметил вдалеке серую стену? Это из-за освещения — «иллюзия предела». На самом деле, сколько в ту сторону ни иди, всё будут пути да платформы, да крыша над головой. Классно?! Моё изобретение! Я думал, как хорошо, если бы Вокзал подстраивался под количество пассажиров — сколько пона-

добится путей, столько и будет!

— Неплохо... — я был искренне удивлен.

— А абсурд пространства, коль ты его заметил — это непоследовательность моих мечтаний. Сначала так, а потом иначе...

Всё становилось на места.

— Поняв, что переборщил, решил выбраться в Город, пытаюсь отыскать пассажиров.

— И где они?

— Кто его знает... — пожал он плечами. — Я никого не встретил, точнее, не видел.

— Все попрятались?

— Почему? А хотя... Сам потом поймёшь.

— К чему загадки?

Собеседник будто не слышал:

— Многое нужно обдумать. Поэтому... Спасибо, что появился! — улыбнулся он. — Я, конечно, понимаю, что твоё прибытие — лишь результат стечения обстоятельств. Не ты - так другой. Но как доброго вестника, благодарю тебя! Всего доброго!

— Но у меня ещё куча вопросов! — постарался возразить я.

Смотритель встал с подоконника и, протянув руку, спокойно сказал:

— Держи лапу! — он улыбнулся. — Найди Старьёвщика. Он тебе всё и объяснит. Это его обязанность, как моя — присматривать за Вокзалом, а твоя — за Поездом. Увидимся!

Пока брёл по коридору, ещё раз смог убедиться в нелогичности Вокзала. Да, в мире возможно всё. И пора бы уже перестать удивляться. Как говорил Старик, откуда я могу знать, как правильно?

«По коридору прямо до развилки. Налево — тех. зона, направо до поворота — выход в Город». Я свернул в сторону выхода.

Казалось, обратный путь был длиннее. Достигнув указателя, свернул налево. Новое ответвление оказалось совсем коротким. По ширине - приблизительно таким же. Правда, темно, хоть глаз выколи — ни одного окна. До этого, жалуясь на плохую освещённость, я даже не представлял, что впереди такой мрак. Если ещё

доведётся свидеться со Смотрителем, надо будет узнать, почему кругом такая темень и нет электричества. Только лишь я об этом подумал, как впереди замелькало белое пятно. Я неосознанно ускорил шаг, устремившись на свет.

Спустя сотню шагов я стоял перед выходом... Входом в Город. Пять огромных тяжеловесных дверей выстроились в ряд. Их рамы украшала искусная резьба, а сами они лоснились тёмным лаком. Сквозь прямоугольные стёкла внутрь проникал такой же белый люминисцентный свет. Я потянул за ручку средней двери.

Никаких ламп за ней, конечно, не оказалось...

Стоило приоткрыть створку, как в образовавшуюся щель повалила белёсая субстанция. Сам не зная, чего испугавшись, я отпрянул назад. Дверь с грохотом захлопнулась. Но клочок белого вещества вроде тумана остался на полу. Будь это обычный туман, он растворился бы сразу. Я наблюдал, как странная масса медленно таяла, пока бесследно не исчезла.

Немного подождав, решил повторить эксперимент.

Резко, насколько это возможно проделать с пятиметровой створкой, открыл дверь. Внутрь, расползаясь по полу склизким ковром, устремилось молочное желе.

Я погрузил в него ладонь. Прохладно и влажно. Придвинув руку ближе, внимательно осмотрел её — пусто.

Осмелев, зачерпнул пригоршню. Субстанция без запаха была невесомой. Только температура чуть ниже, чем в помещении. Однако вещество было намного плотней, чем обычный туман, и могло сойти за него лишь издали. Сжал ладонь в кулак — слизью сочилось сквозь пальцы. Гель был тяжелее воздуха, стекая струйкой молока.

Вернуться к Смотрителю, чтобы расспросить о странном тумане? Шут с ним! Хуже, чем есть — не будет.

Шагнув, окунулся в белый кисель. Позади хлопнула дверь...

Погрузившись целиком, я утонул в нём, словно в болоте. Сразу вспомнилось блуждание в Поле Отчаянья — тогда хотя бы небо над головой виднелось, сменяли друг друга свет и тьма, и можно было мечтать, что скоро выберусь. А в этой безбрежной мути одним отчаяньем не отделаешься...

Вытянул вперёд руку — кончики пальцев. Значит, видимость не больше полуметра. Да уж, потеряться здесь — плёвое дело. В какую сторону идти? В каком направлении?

Теперь понятно, зачем Смотрителю понадобилась крыша над перроном и почему стёкла почти не дают света — чертов туман (буду называть его пока так) не позволит солнцу осветить лишний метр.

Я сделал несколько шагов... Нерешительных, робких... Затем ещё и ещё... Идти было легко, словно я плыл в невесомости. Подошвы ступали по чему-то приятно мягкому, похожему на газон.

Сильный толчок. От неожиданности потеряв равновесие, я кубарем опрокинулся на бок, и, кажется, ободрал ладонь.

— Ой... Извините! — раздался из тумана женский голос. Вслед послышались спешно удаляющееся цоканье каблучков.

Прислушиваясь к ритмичному перестуку, в воображении я проводил незнакомку взглядом, пока не настала абсолютная тишина.

Перевёл дыхание, поднялся с земли и стал бессмысленно озираться в поисках верного направления. Кроме белой жижи, кругом ничего. Точно зная, что за спиной - Вокзал, я мог себе позволить роскошь риска. Теперь же я потерялся. Путь к отступлению отрезан. Ничего, кроме учащённого пульса. Громыхало сердце. Неведомое ужасало.

Прикинув траекторию, направился в предполагаемом направлении двери. Сейчас я не мог думать ни о загадочной девушке, ни о пункте назначения. Главное — обрести опору и перестать бояться... Потому что страх уводит от света.

Пройдя с полсотни шагов, так ни с чем и не столкнулся. Значит, иду не туда. Развернулся на сто восемьдесят и осторожно направился обратно. То же самое... Подумав, взял чуть правее, и снова мимо...

Рядом опять шаги! На этот раз я слышал тяжёлую поступь и шмыганьем носом.

— Эй! Вы меня слышите?! — позвал я неизвестного. Шаги замерли, чтобы возобновиться с новой скоростью — человек явно испугался окрика.

Присутствие рядом ещё кого-то одновременно и радовало, и пугало.

Теперь я знал, что делать. Замерев, стал прислушиваться. За спиной послышался шум. Сейчас, сконцентрировавшись, я заметил одну особенность — шаги не начинались вдалеке, то приближаясь, то удаляясь, а как бы сразу возникали рядом. Будто люди стояли неподалёку на месте, а затем резко начинали идти.

Обернувшись, заметил призрачный силуэт. Началась погоня. Я шёл, не ведая, куда и зачем. Странно, но чувствовал я себя вполне уверенно. Когда действуешь, страх исчезает.

Незаметно всё смолкло. Я тоже остановился, наострив уши.

— Что Вам надо? — раздался испуганный и от этого грубый мужской голос. Я молчал, сам не зная почему. — Зачем вы меня преследуете?!

— Э-э... Извините, — дружелюбно, как мог, начал я, стараясь не спугнуть появившуюся надежду. — Я не хотел вас напугать...

— Я спрашиваю, что Вам нужно?! — уже просто злобно проговорил голос. — В Городе у каждого свой путь, зачем Вы мешаете?

— Я... Мне... — я не совсем понимал смысл услышанного, но хотел ответить побыстрее. — Мне нужно к Старьёвщику! — наконец вспомнил я.

— И что? А я тут при чём? — грубо раздалось откуда-то прямо и чуть правее. — Идите своей дорогой - и окажетесь, где нужно. Следя за мной или за кем-то ещё, Вы к нему не попадете. Отстаньте!

Голос замолк. Звуки шагов стали удаляться.

— Подождите! — хотел я броситься в погоню, но сильный удар в лицо сбил с ног. Я вновь кубарем повалился оземь, не соображая, что происходит. Ужасная боль помрачила сознание. Лишь неприятная прохлада касающегося щеки асфальта ощущалась чем-то далёким...

«Всё это не больше, чем память и навык жить - привычки тела, — вспомнились слова Старика. — Ты помнишь холод, поэтому мёрзнешь и нуждаешься в тёплой одежде. Зная, что такое наслаждение вкусом, хочешь есть. Глаза, уши, и нос — всё это существует в твоём мире только как воспоминания...»

— И боль... Боль тоже лишь в памяти... — прошептал я. Ни избегать её, ни стараться забыть, а, наоборот — ощутить в полной мере. Лишь так я смог понять, что больно не мне, а тому, что должно быть на месте лица из плоти и крови.

Я даже не заметил момент исчезновения всякой чувствительности — острая боль утихла. Хм... Кажется, понял! Нужно точно вспомнить слова Смотрителя. «Выходи на улицу, точно зная, куда нужно. Не имея цели — сиди, где сидишь... Выйдешь в Город — постоянно думай, что идёшь к Старьёвщику... Размышляй: какой он, во что одет, какой у него характер, представляй его взгляд. Всё до мелочей... Не думай, что «хочешь» попасть к нему — просто иди».

Сопоставив это напутствие со словами прохожего-невидимки и туманом, я расставил точки над «i».. Вот уж действительно, пока не столкнёшься, не поймешь...

Я закрыл глаза, стараясь отвлечься от чьих-то смешанных с промозглой сыростью дальних голосов, рева мотора, гудков клаксона... Итак, нужно создать, придумать образ человека, зовущегося Старьёвщиком. У меня он получился невысокого роста, толстеньким, лысоватым с крючковатым носом, в коротковатых серых штанах на подтяжках, некогда белой майке, засаленной и местами в дырах от сигарет, вязаной жилетке и сланцах на босу ногу. Он хмурился, делая напускное серьёзное лицо. «Чем могу быть полезен?» — с отчетливо «богоизбранным» акцентом спросил он.

Удивившись детализированности вымышленного образа, я уверенно зашагал вперёд.

Мимо без конца проплывали тени людей, машин и домов. Сквозь туман проступал блёклый свет фонарей и какие-то неразличимые вывески... Я шёл вперёд в полном неведении... Просто шёл, зная, к кому. Если бы не силуэты и постоянно меняющийся фоновый шум, можно представить, что я не посреди «бесконечного мегаполиса», а в чистом поле — на пути ни разу не попались ни дерево, ни стена или мусорный бак, ни даже бордюр.

Я шёл по наитию... Путь пролегал через людные кварталы,

сквозь тихие переулки, широкие проспекты и маленькие улочки, где разносился собачий лай... Звуки вязли в тумане, а я верил, что их источники действительно существуют.

В который раз было страшно? Я боялся, что никогда не выберусь отсюда... Но всё же образ невысокого странного человечка в штанах на подтяжках преследовал неотступно.

Шёл, пока впереди не увидел яркое мерцание. Казалось, блеск тысяч вспышек чудесным образом развеивал плотную массу тумана. Я ускорил шаг, надеясь, что видение не исчезнет.

Надо мной нависла исполинская, усыпанная мигающими лампами вывеска. «Morrison's megamarket» — подмигивало десятками вспышек. Откуда-то из-за надписи доносилась приглушенная мелодия — лёгкий джаз: ненавязчивые, приятные перебивы. Почему-то вспомнился Старик с маленьким бумбоксом.

Судя по всему, щит магазина укреплен над воротами, яркими огнями привлекая покупателей. И я, не раздумывая, направился к Старьевщику...

Стеклянные ворота разъехались сами собой. Я шагнул внутрь. Сразу же ослепительное величие этого места обрушилось, желая заморозить и увлечь... Огромный, ярко освещенный зал увешан разноцветными плакатами. Оттуда смотрели красивые мужчины и женщины — счастливые потребители изысканной одежды, здоровой пищи и самых разнообразных артефактов. Повсюду — большие телевизоры, пестрые надписи и вывески... Воздушные шары, пальмы, цветы, фонтаны — величие от пола до потолка.

Этот зал переходил в два длинейших коридора с магазинчиками по обе стороны. И все эти невероятные пространства заполняли люди! Настоящие живые парни, девушки, женщины, старики и маленькие дети — все они неспешно прогуливались от продавца к продавцу. Кто-то нес покупки в руках, кто-то вез их в тележках... Так много народа одновременно мне ещё не доводилось встречать. Я стоял, испуганно озирался по сторонам.

Даже не знаю, что именно чувствовал — было хорошо или плохо... Казалось, мне здесь места нет. Всякий чем-то занят. Вид-

но — каждый точно знает, чего хочет, и ищет это целенаправленно. Я же вообще не понимаю ничего... Куда и зачем стремлюсь? А самое главное — почему очутился именно здесь?

Вся моя деятельность заключалась лишь в поиске неизвестно кого неизвестно для чего. А люди... Все до одного красивые, ухоженные (даже пожилые) просто светились полнотой жизни.

Я проследовал вперёд, пока не оказался у одного из магазинов. Сквозь широко открытые двери и стеклянные стены легко различался огромный выбор красивых, ярких вещей. Зашёл внутрь.

Зеркала во всю стену. Рядом крутились модники, примеряя очередной наряд. Рядом с каждым покупателем стоял один или два человека в одинаковой одежде — чёрные брюки, белая сорочка, бледно-сиреневый жилет.

— Здравствуйте, — я обернулся на приветствие. Ко мне обращалась милая девушка в форме. Она лучезарно улыбалась. — Вам что-нибудь подсказать?

— Э-э... — я замялся, даже не зная, что ответить. В голове сидел какой-то важный вопрос, который обязательно нужно задать, но я почему-то не мог его вспомнить. — Я точно... Не... Не могу...

— Пойдёмте, — она взяла меня за руку своей тёплой ладошкой и подвела к одному из зеркал. — Сейчас я Вам всё принесу, а Вы пока снимите с себя старую одежду...

Посмотрелся в зеркало — такой, как всегда. Форменная шинель мне определённо шла.

— Вот... Примерьте это... — улыбнулась девушка, протягивая джинсы и тёмно-зеленую майку с яркой надписью в стиле граффити. — Вам это должно подойти.

Приняв вещи, я приложил их сверху, представляя, как буду выглядеть.

— Здорово! — похвалила продавщица. — Теперь одевайте.

То ли показалось, то ли и в самом деле одежда преобразила меня... Даже лицо просияло!

— Спасибо... — я протянул вещи обратно.

— Что же вы?! Примеряйте! — отшатнулась от меня она.

Я покачал головой:

— Извините, я просто зашёл посмотреть. Мне нечего дать Вам взамен... — я чувствовал себя ужасно неловко. Красавица громко засмеялась.

— А ничего и не надо! Выбирайте любое и носите на здоровье... — продавщица отошла ещё на шаг.

Её слова запутали ещё сильнее. Откуда-то я знал, что в магазине нужно *покупать* товар, а не *брать даром*. К тому же вспомнились слова Старика: «Ты — Миру, Мир — тебе». Что-то здесь явно не так.

— То есть я просто могу надеть любые, какие угодно вещи, абсолютно *ничего не отдавая взамен*? — я изобразил приятное удивление.

— Совершенно верно! — обрадовалась она моей понятливости.

Я посмотрел по сторонам. Возле каждого покупателя скопилось по большой куче вещей, а перед некоторыми уже несколько стопок.

— Это правило действует не только в нашем магазине, но и во всем «Morrison's Megamarkert». Мегамагазин Моррисон заботится о своих клиентах! — с вымуштрованными интонациями искреннего участия отчеканила девица.

— Во всех лавках?

— Да... Здесь всё, что угодно — от продуктов питания до электроники. И это можно получить совершенно бесплатно! Господин Моррисон — очень щедрый человек, — и выжидающе замолчала.

— Понятно... — я протянул ей вещи, но она отшатнулась. Тогда я повесил их на длинные вешалки, заваленные одеждой. И только заметил, что её глаза оставались пустыми, словно у робота. Я спешно покинул магазин.

— Извините, — я попытался обратиться к парню — покупателю, катившему набитую до отказа тележку. Но он, казалось, не услышал меня. — Извините! — громко повторил я. С его стороны последовала та же реакция. — Ну и чёрт с тобой...

Тогда решил спросить проходившую мимо девицу.

— Извините! — но она даже не обернулась. — Эй! Да что здесь происходит?!

Я переходил от человека к человеку, но всегда был один и тот же результат — люди шли, осматриваясь по сторонам в поисках следующего магазина и вовсе не замечая меня. Когда я касался их, люди словно просыпались и испуганно шарахались от меня, как от привидения. Неужели я так и не смогу спросить, где найти Старьёвщика?! Тогда я решил ещё раз попытаться счастья с продавцами. Лишь они могли разговаривать со мной.

Зайдя в первый попавшийся киоск (как гласила надпись на входе, торгующий компьютерами и комплектующими), подошел к парню с бейджиком.

— Слушаю Вас, — улыбнулся парень

— Здравствуйте, — ответил я. — Вы не подскажете, где можно найти Старьёвщика?

Торговец недоуменно вскинул брови:

— Это что?

— Кто... — поправил я. — Это такой человек. Видимо, он продавец в одном из магазинов.

— Я не знаю. Однако у нас есть новая модель ноутбуков. Стоядерный процессор, жёсткий диск на миллион терабайт... Показать?

— Нет, спасибо. А кто может знать, где он?

— Есть также новая акустика. Интересуетесь хорошим звуком? — продолжил парень так, будто я вовсе и не задал ему вопрос.

— Всё ясно... — я развернулся и вышел.

Оставалось только самому бегать по магазинчикам, пока не наткнусь на что-нибудь напоминающее пристанище так называемого Старьёвщика.

Даже не знаю, сколько километров пришлось пронестись по этим запутанным лабиринтам торговых рядов. Чего здесь только не было! Эти необъятные просторы даже не помещались в сознании... В мегамаркете, действительно, было всё!

Несколько раз я наткнулся на входы из него с такими же дверями на фотоэлементах. И самое интересное - это действительно были именно входы, а не выходы. Немного постояв возле каждого, я заметил, что они периодически разъезжались, чтобы впустить очередного посетителя, но никого не выпускали — в том

смысле, что никто отсюда и не собирался уходить. Это показалось странным — внутри столько людей... Хоть кому-то должно надоест блуждание по рядам...

Не знаю, сколько бы ещё пришлось носиться мимо бесчисленных лавочек в поисках непонятно чего, если бы, пробегая мимо очередного киоска, я не остановился как вкопанный.

Здесь продавали (или отдавали даром) «Всё для рисования». Почему я заметил именно эту вывеску? Чем она приглянулась среди сотен других? Так толком и не разобравшись, зашёл.

Холсты, бумага, кисти, ручки, мелки, карандаши, какие-то растворители, химикаты и всякая необходимая художникам мелочёвка была представлена десятками тысяч товаров. Если краска — любой оттенок. Если кисть — любой мех и волос. Настоящий рай для профессионалов и любителей. Разбегались глаза — я почему-то страстно хотел обладать всем этим... Очень хотел!

На удивление, людей было мало. Кроме меня — всего пара посетителей, молчаливо складывающих отобранный товар в тележки, и всего одна продавщица.

— Здравствуйте, — осторожно сказал я.

— Здравствуйте, — улыбнулась смуглая брюнетка. — Чем могу помочь? Что-нибудь подобрать?

— Н-нет... Вы можете подсказать, где найти Старьёвщика?

Она покачала головой:

— К сожалению, у нас нет такого товара, но зато привезли чудесные мелки.

И на что я надеялся?!

— Ладно, спасибо. — Я развернулся, чтобы уходить, но вдруг остановился. — А хотя... У вас есть карандаши?

Она тут же просияла:

— Конечно! Цветные, простые... «Ко-хи-нор», «Конструктор»... Твёрдые, мягкие... Автоматика или обычный деревянный корпус... Пластик, железо, керамика... И даже подарочные в платине или золоте, с бриллиантовой россыпью, рубинами, изумрудом... Какой нужен?

Подумав, я ответил:

— Деревянный корпус, простой графитовый стержень, твер-

дость «НВ», 1 штука.

За долю секунды она нашла мой заказ под прилавком. Передо мной лежал заказанный карандаш.

— Сколько?

Девушка удивленно вскинула брови:

— Нет-нет, что Вы! Просто берите!

Так и не дотронувшись до карандаша, я начал рыться в сумке. После того, как я расплатился со Стариком музыкальным диском, сомнений не осталось — в сумке должно лежать что-то, что помогло бы справиться с очередным испытанием. Окружающее словно превращает меня в героя игры, создавая препятствия, но при этом обязательно давая все инструменты для их преодоления. Словно Ему, то есть Миру интересно, догадаюсь ли я, как можно выбраться из запертой комнаты с помощью *случайно* оказавшейся в углу дохлой мыши, металлического шарика и обломка зубной щетки.

— Девушка, тогда у меня просьба...

— Да?

— Можно с вами обменяться?

— Зачем? Берите просто так...

Наконец я обрёл искомое и достал толстый том Мураками:

— Вот, «Страна чудес без тормозов или Конец Света»... Хорошая книга. Я её, правда, немного не дочитал, ну да ладно...

Она заморожено воззрилась на обложку с черепом единорога.

— Очень интересный сюжет. Два мира. В одном из них небольшой городок, в другом - крупный мегаполис. Интрига, поиски, интересные герои, мистика — всё, что нужно для хорошей книги. Ну как, меняемся?

Было видно, как загорелись её глаза.

— Я могу подарить карандаш Вам, а Вы мне книгу, — неуверенно протянула она.

— *Поменять* одно на другое... — повторил я, изменив глаголы.

— Договорились?!

Я протянул ей роман. Промедлив, девушка всё же приняла его. А я подобрал с прилавка обмененный, а не подаренный карандаш.

В то же время и сама девица преобразилась. Тупой, учтивый взгляд пропал вслед за вежливой улыбкой, щёки порозовели, а я лишь довольно улыбнулся.

— До свидания, — попрощался я, собираясь уйти.

Карандаш отправился в сумку.

— Пойдите, — позвала она. Удивлённый, я всё же вернулся. — Я тут подумала... Насчёт Старьёвщика спросите у господина Моррисона. Уверена: он знает о своём гипермаркете всё.

— А где его можно найти?

— Когда выйдете отсюда, налево через четыре магазинчика увидите небольшой проход для персонала. Пойдёте туда, потом по лестнице вверх. Там сориентируетесь. Я никогда у него не была, но знаю, что его офис там. А я пошла читать. Всё равно, кто захочет, сам возьмёт нужную вещь, правильно?

— Правильно, — хмыкнул я, радуясь её преображению, и направился за кулисы.

«И на второй этаж...» — вспомнил я слова девицы. Здесь и второй этаж есть? Я посмотрел вверх — в метрах десяти надо мной висит зеркальный потолок, удваивающий и магазины, и пол... Именно потому, что он казался естественным продолжением этого мира и висит довольно высоко, я сразу его и не заметил. За зеркалом вполне мог уместиться ещё один этаж. Однако я даже представить не мог, *что* там может находиться, если здесь и так есть всё. Может, тех. зона?

СТОП!

Медленно, стараясь не спугнуть наваждение, я снова глянул вверх. Что не так? Вроде зеркальный мир полностью соответствует реальному прототипу, но с естественным искажением — право-лево, верх-низ... Но что-то есть ещё... В очередной раз удивляюсь своему таланту не видеть главного. В зеркальном потолке *люди не отражались!* В магазинах, коридорах — нигде не было видно покупателей, хотя в действительности все эти пространства были заполнены людьми с тележками. В зазеркалье *пустые тележки* катились сами по себе! Понаблюдав ещё, я заметил, что и магазины заполнены пустыми вешалками, полками и подставками — товар также не отражался.

«А я?!» — резким ударом отозвался в груди страх. Но, слава тебе, Господи, среди этой пустоты я стоял в тёмно-синей шинели с сумкой через плечо. Я — есть, другие — нет.

А может - всё иначе? Люди также видят себя, а остальных — нет? Хотя вряд ли они вообще хоть что-то видят — каждый занят исключительно подбором товаров и услуг, а взглянуть вверх просто не приходит в голову.

Как и обещала девушка, узкий, почти незаметный проход разместился между четвёртым и пятым магазинами. Ещё и вазон с цветами стоял так, что если не знать, наверняка пройдёшь мимо.

По коридору до конца, пока не оказался позади киосков. Так вот как выглядят задворки глянца: кругом - километры проводов и труб, какие-то ящики, щитки с приборами. Все эти невзрачные хитросплетения и создают блеск торгового центра.

Лестницу отыскал не сразу. Сначала бросился влево, но наткнулся на заваленный коробками проход. Тогда вернулся обратно и пошёл в другую сторону.

Здесь определённо было тесновато, особенно после просторных коридоров. На дороге постоянно что-то возникало и мешало, я всё время обо что-то спотыкался... Но, в конце концов, лестницу всё же нашёл...

Железный корпус, такие же ступени и перила — когда поднимаешься, лестница отвечает звонким стальным голосом. Это напомнило мой металлический дом...

Поднявшись, сразу понял, куда попал. Длинный стальной мост уходил к самому центру закулисья. Большой зеркальный короб, подвешенный к бескрайней ангароподобной крыше, болтался на толстых канатах похожего на подвесную дорогу механизма. Именно внутрь этой странной конструкции мне, судя по всему, и требовалось попасть.

Шагнув на мостик, я завис над пропастью. Подо мной, словно на ладони, разверзлись несусветные площади. Магазины, коридоры, люди, вещи — всё это я наблюдал с высоты дюжины метров. Будто большой аквариум или муравейник — под ногами ки-

пела жизнь... Получается, потолок сделан из одностороннего зеркала. Но зачем?!

Подбираясь к зеркальному кубу, я внимательно следил, как с другой стороны по длинному мосту ко мне приближается человек — моё отражение. Я вплотную приблизился к стене. Передразнивая, проводник тоже остановился, с вызовом глядя в глаза.

Дверь почти не выделялась. Ручка из прозрачного пластика. Всего несколько шагов назад для меня входа не существовало. Я повернул ручку, потянув дверь на себя.

Комната квадратов двадцати, широкая, просторная, почти без мебели — лишь ярко-красный диван, кресла, шкаф с книгами да громоздкий стол, за которым сидит человек. Да-да, конечно, крючковатый нос, бегающие глазки за скромными очками, майка, подтяжки — в общем, всё как грезилось. Он сидел за большим столом и, улыбаясь, следил за мной. Но я почему-то не спешил заговорить. Может, сначала требовалось привыкнуть к странной резиденции?

Из украшений — большой ковёр, а на нём стол и два громоздких кресла. Ровно посреди комнаты — открытый камин, несколько экзотического вида растений (помесь пальмы с папоротником) две абстрактные картины на стенах. Но главное — помещение совершенно прозрачно. Казалось: весь скудный интерьер парил в воздухе над торговыми залами, а островок со столом и креслами вообще казался чудом, сродни ковру-самолёту.

Кроме двери, где, не решаясь шагнуть в пустоту, застыл я, из прозрачной комнаты было ещё три выхода. Выглядело это так, словно стеклянные ручки зависли в воздухе. Сразу за ними разверзлась пропасть торговых рядов. Наверное, эти двери специально созданы для экстремалов, желающих сократить дорогу к магазинам.

— Не топчитесь в двегьи, молодой человек. Заходите, пгысасживайтесь, гьаспологайтесь, — заметно картавил господин Моррисон, не переставая лукаво улыбаться. — У меня гости нечасто. Поэтому исгьенне гьад Вас видеть.

Настороженно посмотрев вниз, на всякий случай, не отпуская

ручки, я сделал шаг, но на удивление, остался висеть в воздухе, ощущая под ногами твёрдую опору. Кристальное стекло отличалось чрезвычайной крепостью.

— Не стоит волноваться. Вниз не повалитесь... — уверил меня картавый, неизменно проглатывая «р» и изрядно коверкая слова.

Проследовав к столу, я уселся в одно из громоздких кресел. Человечек напротив тонул в бархатной обивке. На столе лежал лишь чистый лист бумаги, набор для письма и до отказа набитая окурками пепельница. Столешница сплошь усыпана сигаретным пеплом.

— Я действительно, искренне гад, что нам-таки удалось свидеться, — чарующе улыбался хозяин.

— Вы знаете, кто я? — было ощущение, что его въедливый взгляд сканирует меня, оголяя все мысли и чувства.

— О-о... Нет-нет, — завертел он головой. — Я же не Господь наш всемогущий, чтоб всё знать. Вы — человек, у которого получилось-таки добратсья до моего зеркального царства. И поверьте, для меня этого вполне достаточно. А Вы?! Вы в курсе, кто я такой? Хотя... Что я спрашиваю? Коль попали ко мне, значит в курсе...

Я кивнул. У меня сложилось впечатление, словно я, деловой человек (например, банкир), пришёл к какой-то «шишке», главе корпорации, и мы играем в бизнес-переговоры. Хотя оба уже давно знаем, кто на что способен и кто с чем отсюда уйдёт.

— Вас называют Старьёвщиком, а также господином Моррисоном, — ни капельки не сомневаясь, ответил я.

— Приятно познакомиться, — он сделал жест, будто приподнимает в мою честь шляпу, которой на его лысоватой голове, естественно, не было. — Старьёвщик — скорее, ремесло... Зовите меня Ази...

— Ази? — удивился я. Это было первое имя, которое я слышал.

— Да... Ази Моррисон — так меня когда-то звали. Теперь же всё больше Старьёвщиком.

— Я тоже рад знакомству, Ази, — хотя на самом деле не знаю, насколько это заявление соответствовало действительности. Тре-

бовалась пауза, чтобы, в общем, определиться с отношением к новому знакомому. — Хочу сразу спросить, а почему у меня нет имени?

— Имя ещё нужно заслужить! — до этого распластавшийся в кресле господин Моррисон, приподнявшись, подтянулся, взял ручку, и, изобразив на лице наивысшую степень серьёзности, проскандировал, — я горжусь своим именем и стараюсь быть его достойным!

Я удивлённо приподнял брови. И в самом деле, каким-то образом заданный Старьёвщику вопрос возник только сейчас. Лишь повстречав человека, гордо носящего имя, я вдруг осознал собственное ничтожество. Ни у меня, ни у тех, кто встречался на моём пути, имён не было. «Проводник» — разве ж это имя?! Ну, я-то ладно... У меня памяти нет. А другие - они же помнят то... Иное бытие... Почему они тогда не называли себя по имени? Ещё даже не успев толком разобраться, я услышал пояснение:

— Имена нужны лишь там, где существует определённый *постоянный* круг людей. Им же нужно тебя как-то идентифицировать. Это требуется, в первую очередь, из соображений удобства. Если каждого называть обезличенно, например «эй, ты» — всё спутается.

— А здесь разве не спутывается?

Он покачал головой. При этом его большой нос, словно вылепленный из желе, немного отставал от движений самой головы:

— Здесь, в основном, нет нужды в именах. Здесь просто-напросто нету тех, кому бы понадобилось ими пользоваться. Если Вы не обратили внимание, сюда всякий приходит один. Никто не создает ни семьи, ни дружных коллективов — *каждый сам по себе*.

Поразмыслив, я решил, что это разумно. Ни видел ни разу, чтобы хоть кто-то кого-то искал или шёл вместе. Взглянув сквозь стеклянный пол на блуждающих, я стал пристальнее рассматривать копошащиеся потоки — здесь даже дети таскали игрушки сами за собой. Никто за ними не следил и не помогал им.

— Этот Мир (как лучше объяснить)... — он ненадолго задумался, — тут — временное пристанище. Вы проходите из пункта А в

пункт Б, чтобы чему-то научиться... Так сказать, *буферная зона*, вестибюль, транзитный мирок — не более.

От его слов у меня в голове сразу возникла картина: та самая Заветная Дверь с номером, куда я должен попасть — цель.

— Бывает, конечно, что кто-то здесь остается навечно... Но это совсем другое. О них не будем. Теперь-то Вы поняли, что имена здесь — бессмысленная трата слов?

— Тогда Вам самому имя зачем?! Да ещё с такой помпой представленное?! — в голове никак не укладывалась противоречивость слов Ази.

— А ты разве ещё не понял?! — язвя улыбкой, спросил Старьёвщик. — Только чтобы напомнить — *имена - ничто!* Они остаются в Мире Живых — умирают и гниют вместе с телом и вещами. Имя — это лишь координата в пространстве. Оно нужно, чтобы показать тебе — ты останешься существовать вне зависимости от того, что станет с твоим именем или чем бы то ни было ещё, что *ты считаешь собой...*

Эти слова Старьёвщика не хотелось брать на веру.

— Имена нужны! Иначе как обращаться к другим?

— Но ты же как-то, господин «ЖД», обращаешься? По половому признаку, например... Значимых людей ты называешь по профессиональной принадлежности...

В голове сами собой всплыли образы Хранителя Старого Здания и Смотрителя Вокзала, — они, действительно, сыграли важные роли...

— Ты улавливаешь ход мыслей? Это важно... Это то, ради чего ты здесь...

Я кивнул в знак понимания и готовности слушать.

— Сначала ты - пустышка, — продолжил Ази. — Ты приходишь в Мир без статусов, без обязанностей, без имени, без прошлого — НИКЕМ. Но являясь никем — пустотой, ты всё же остаешься собой.

— Не совсем понимаю...

— Так дослушай! — в глазах Старьёвщика-Ази горел огонёк азарта. Ему явно нравилось объяснять мне «что, да как». — Твое безличие длится до тех пор, пока ты, немного придя в себя, не

начинаешь смотреть по сторонам, где у каждого есть имя и звание. Получается, что другой человек уже не пустота, а *кто-то конкретный*. Тебе, естественно, не хочется оставаться «никем». И поэтому ты решаешь *стать кем-то настоящим, стбящим* — называя себя тем, что соответствует твоему окружению. Именно так ты и забываешь, что *был уже до того, как стать кем-то!* Осмотрись прямо сейчас, подумай - и поймёшь, кем именно считаешь себя. Пусть придёт понимание, что тебя отправили в определённую среду обитания, ограниченную жизненными условиями, и именно *в соответствии с ней ты ищешь себя*. Судя по знакам отличия на форме, ты выполняешь функцию Проводника. И (бьюсь об заклад), ты уверен, что ты — Проводник!

Он извинился и аккуратно зевнул в кулак. А затем, о чём-то вспомнив, щелкнул пальцами:

— Ты не против, если я закурю?

— Мне всё равно.

— Ну и хорошо, — прикурив от зажигалки, он с удовольствием выпустил дым. Показалось, струя быстро преодолела изрядное расстояние и устремилась к крыше, не встретив никакой преграды, хотя стеклянный потолок у комнаты явно был.

— Это я сам придумал, — горделиво уверил Ази, проследив за моим взглядом. — Удобно, когда много куришь... Вроде бы и потолок есть, и дым уходит. Классно, да?

Он ещё раз продемонстрировал, как это работает. Дым и впрямь свободно уходил вверх. А вот брошенный верх бычок ударился о стекло и плюхнулся на пол, оставив заметную серенькую точку.

— Потом уберу, — махнул он рукой.

— А почему Вы говорите, что меня «отправили в определённую среду обитания»? Кто отправил?

— Это просто слова. Скорей всего и ты, и я тут исключительно благодаря нам самим. Если проще, то ты очутился здесь Проводником лишь потому, что тебе легче транспортироваться из начального пункта в конечный в роли Харона...

— Харона? — переспросил я.

— Потом объясню, — привычно отмахнулся он. — А мне, соот-

ветственно, в роли Старьёвщика. Тебе уже наверняка кто-то поведал, что *каждый из нас в отдельности создаёт свой Мир, и этот Мир в целом*. Рассказывали?! Так я знал! Иначе бы ты здесь не сидел. Мы создаем, изменяем, продвигаем этот Мир... Кто-то же придумал это... Поэтому и говорю, что нас впихнули в эти роли. Я — Старьёвщик, ты — Харон...

— А почему именно Харон? — не унимался я.

— Здесь Харон - скорее звание, чем имя. Знаком с античной мифологией? Вот и отлично. Тогда ты знаешь, что он через реку Стикс за мелкую монету переправлял души умерших...

— Но в моих вагонах вообще никого нет!

— Если ты чего-то не знаешь и не видишь — это не значит, что этого не существует! — он назидательно приподнял указательный палец и достал ещё одну сигарету. — Многое о своём Мире тебе предстоит ещё узнать.

— Вы хотите сказать, что я перевожу пассажиров, даже не догадываясь об этом?

Казалось, Моррисона это не вовсе интересовало, поэтому он и отнекивался от толковых объяснений.

— Я вообще ничего не хочу сказать. Просто опыт и догадки. Несмотря на то, что *сюда каждый приходит сам по себе и исключительно ради себя самого, по ходу следования из «А» в «Б», человек просто неизбежно соприкасается с посторонними судьбами*. Ты здесь не только для катания в поезде. Ты ещё нужен для чего-то... Выполнить свою миссию, если угодно... — Ази закашлялся. Без умолку объясняя мне прописные, на его взгляд, истины, он толком не мог покурить.

— И в чём же она?

— Забей... — пытался он отдышаться. — Не те вопросы. Твоя миссия будет выполнена сама собой - лишь стоит достичь пункта назначения. Займись своей жизнью - и автоматически принесёшь пользу другим. Запомни: *только* через самосовершенствование можно сделать Мир лучше. Я это постиг, и теперь вот кто я и где! — Его вид не давал сомневаться, насколько он гордится собой и своим положением. — У меня есть имя! А здесь не каждый может этим похвастаться — лишь избранные!

Я опять был сбит с толку, не понимая — то ли он на самом деле гордится, то ли в очередной раз хочет продемонстрировать бесполезность званий и имён.

— А почему Вас называют Старьёвщиком? — я решил перевести беседу в нужное мне русло. — Станционный Смотритель сказал, что, если я хочу отсюда выбраться, то должен найти именно Вас. Ведь Ваша задача в том и заключается, чтобы с помощью «предметов» помочь определить цель пути... Заветную Дверь.

— А-а... — заулыбался собеседник. — Всё-таки этот недотепа разгадал мою книжку. Не ждал, не ждал... Приятная новость!

Я молча дожидался, пока человек с другой стороны стола «дорадуется» и ответит.

— Всё верно, — начал Ази, наконец, пояснения, вновь посерьёзнев. — Именно ко мне тебе и нужно было. Но, прежде чем узнаешь, кто я и для чего нужен, придётся кое-что понять об устройстве Этого Мира. Иначе не увидишь смысла.

Он замолчал, а затем, упершись руками в стол, отодвинулся вместе с креслом. Слух пронизал мерзкий скрежет.

— Пойдём пройдемся по моим владениям! Кое-что покажу, — как ни в чём ни бывало, Моррисон направился к двери. Собственно говоря, ничего, кроме как следовать за ним, мне не оставалось.

На мостике звонкое цоканье подмёток усилилось. Мы спустились, прошли по узкому захламлённому коридору, и, наконец, выбрались в заполненный «покупателями» коридор.

— Давай дальше, — скомандовал он. Поравнявшись, мы неспешно стали прогуливаться между залами. Вопреки ожиданиям, он не вёл куда-то конкретно, а просто шёл рядом, вертя головой.

Я решил не торопить Ази и молчал, стараясь не обращать внимания на всеобъемлющий зеркальный потолок. Теперь я, зная, что над ним, чувствовал себя неуютно, будто под прицелом.

— Слова «антиквариат» и «ломбард» тебе знакомы? — ни с того ни с сего спросил человек.

— А?! Да, конечно.

— Ну, и что они значат? Расшифруй!

Я даже не стал размышлять:

— Ну... Антиквариат - это старые и оттого ценные вещи...

— Не «старые», а старинные и древние! — поправил он меня.

— Старьё — это ненужное.

— Ну, да! — согласился я. — А ломбард — это такой магазинчик, где люди оставляют под залог какие-то ценные предметы, и потом, если могут, выкупают их за чуть большие суммы.

— Молодец, — довольно прокартавил он. — Так вот - часто антикварная лавка совмещена с ломбардом — это как бы взаимодополняющие друг друга вещи. Чтобы получить быстрые деньги, люди закладывают что угодно: от драгоценностей и бытовой техники до фамильных реликвий. Очень выгодно...

— И что?

— А то, мой близорукий друг, что держателей такого бизнеса и называют Старьёвщиками... По понятным причинам.

Кажется, начало доходить, к чему он клонит. Ази улыбнулся, догадавшись, что я понял:

— Это не магазин... Это огромный ломбард?! — озвучил я пришедшее в голову.

Он удовлетворённо хмыкнул:

— Эх, молодежь! Всё на лету схватывает! Ты когда-нибудь видел магазины, в которых товар отдают даром? А в моем мегамаркете, если не ошибаюсь, все бесплатно — бери, что хочешь и сколько хочешь.

Я огляделся. Все до единого со стандартно тупой улыбкой проходили мимо меня, навьюченные пакетами и тележками. Все кругом набивали свои тележки, мерили, дегустировали...

— Здесь так много странностей... — задумчиво пробормотал Старьёвщик, и, повернувшись ко мне, спросил:

— Тебе, должно быть, известно, что Этот Свет - утрированное отражение Того? Ты сам думал, ЧТО это за Мир?

— Ещё бы! Конечно, думал! — воскликнул я.

— И? К какому выводу Вы, господин Железнодорожник, пришли? — он был намного ниже меня, но, даже глядя снизу вверх, этот забавный человечек в прожжённой майке и штанах на подтяжках, непрестанно щупающий хитрыми глазками пространст-

во, безбожно картавящий, неоспоримо чувствовал себя хозяином положения...

Стало неловко: ведь я мог ошибаться... Но - была-не была - всё же рискнул:

— Это потусторонний мир...

— Что это за ответ такой размытый?! Что Мир Этот «по ту сторону» Того - и кошке ясно. Но что же, всё-таки, это за место, а? Вот главный вопрос!

— Это Рай... Хотя и очень странный... — глухо, боясь показаться глупым, промямлил я.

— Не смотри на меня так, — замахал он руками. — Даже я этого не знаю наверняка. У меня просто есть своя версия — не больше и не меньше...

— И? По вашей версии, Ази, что это?

Он отвернулся, замер, затем вновь двинулся:

— Думаю — Чистилище...

— Чистилище?! — удивился я.

— Ну да... А что в этом такого? — он явно был рад эффекту, но одновременно старался не выдавать своих эмоций. — Раскинь мозгами и подумай. Люди приходят сюда, чтобы «вырасти», осознать прижизненные ошибки и тем самым очиститься. Здесь нет ни адских страданий, ни радостей Рая. Этот Мир и был создан для того, чтобы помочь решить задачи, что мы не решили, будучи живыми. При большом желании и внимании отсюда можно выбраться достаточно скоро...

— Почему же Вы ещё здесь, если всё так просто? — я не собирался проверять его «на вшивость». Для меня действительно оставалось загадкой, почему столь информированный человек до сих пор тут? Но Старьёвщик лишь отмахнулся, как от назойливой мухи.

— Не обо мне речь, — может, показалось, но Ази явно не желал отвечать, — а о тебе и твоём Мире. Если ты умный, то должен понять: здесь всё доведено до абсурда, и начать этим пользоваться. Целый мегаполис может вырасти за ночь только потому, что кому-то наскучило одиночество... Гигантские небоскрёбы пронзают шпилями небеса оттого, что какому-нибудь дураку нравится

вид на Город... Разве не глупо?! Даже есть подозрение, что этот вечный туман — тоже всего лишь чьё-то желание. Идиотизм, не правда ли?

Я не ответил, стараясь всё втиснуть в голову.

— Да, это скопище абсурда. Но точно не пекло. Я уже многое успел повидать, в том числе и настоящее Инферно... Абсурдный Ад!

— Что это значит?

— Однажды я встретил человека... Нет, он не был человеком — убийца и насильник. При жизни он успел погубить много людей. И что ты думаешь — здесь его ждали черти и сковородки? Раскалённое масло и сталь? Нет! Худшее... Хотя здесь никто никого не наказывает. Я это называю очищением.

Он на секунду замолчал. Затем, остановившись, высмотрел подходящую лавку под пальмой, чтобы сесть. Ази похлопал ладонью рядом, приглашая примоститься по соседству.

— Его наделили совестью, чувствительностью, чуткостью и постоянно, раз за разом заставляли переживать то, что он совершал при жизни... Ты понимаешь его ужас? Это был настоящий Ад для него. Поверь, горящая плоть по сравнению с болью души — сладкая вата.

А ведь интереснее всего на Этом Свете даже не это. То, что, не смотря на полный абсурд, он очень справедлив и честен. Например, любой может очиститься и уйти отсюда, когда хочет, а может и остаться навечно — решив не изменять своим порокам, низменным желаниям и страстишкам. Это хорошо и плохо одновременно. Смотря что выбрал — идти дальше или быть здесь. Решил идти до конца — очень удобно, когда *внешний мир полностью соответствует внутреннему состоянию*. А если тебе и здесь неплохо... Станешь таким же непотребством, как вот это! — он кивнул на одержимый бараклом люд. — Зомби... Отбросы... — Старьёвщик сплюнул.

— Зачем Вы так? — укоризненно покачал я головой.

— А что?! — вытаращился он удивлённо. — Ты думаешь, я несправедлив и оскорбляю понапрасну? Отнюдь! Лишь констатирую факты. Всё, что ты сейчас видишь — нежить. У людей есть

душа, а у них - нет! На её месте - желание покупать, брать, поглощать, принимать... «Мне-мне-мне-мне... Только мне! Хочу! Дайте... Дайте ещё!» — вот их суть. И это люди?!

Старьёвщик не на шутку распалился. Глаза налились злом, а лицо побагровело. Видимо, невольно я задел за живое

— Это всё, что ты сейчас видишь, как думаешь, что это?! Для чего моё сознание соорудило такую огромную конструкцию?

— Не знаю... — я понимал, что лучше помалкивать. Необходимое он скажет сам.

— Зато *я знаю!* Вся эта махина меня защищает ...

— От кого? Что здесь может угрожать?

— Телу — ничего. Зато мой разум не выдержал бы такого наплыва бесполезного отребья! Пойми: тут почти такие же законы, что и в Мире Живых! Может, именно поэтому лишь единицы осознают свою цель. Очень немногие понимают важность и суть освобождения: научиться выделять настоящее, чтобы снять шелуху и беспрепятственно двигаться дальше *Осознанным!* А большинство ничего не желают понимать, и уж тем более — делать...

Ещё в самом начале, когда я только-только появился среди тумана и у меня был лишь маленький лоточек, я понял, что не справлюсь с таким потоком *желающих получить от меня*. Мне это не по силам. Да, моя миссия здесь — подсказывать верный путь... Но какой смысл это делать, если человек сам не готов его пройти... Именно поэтому Мой Мир и выстроил вокруг такой огромный барьер в виде дармовщины. Чтобы что-то получить, ты должен что-то отдать — неважно что. И люди с мышлением «потребителя» бесконечно блуждают в лабиринтах торгового центра, меняя одно барахло на другое. Но самое главное - даже не моргнув, они с самого начала обменивают себя на вещи, превращаясь в рабов собственных желаний...

Его речь оборвалась так же неожиданно, как и началась. Он умолк, обессилено уставившись в пол.

— Ты молодец, — достав сигарету и прикурив, вновь заговорил он, — что не захотел менять себя на мусор, и поэтому сам не стал барахлом... Это большая редкость.

— Но что плохого в том, что людям нравится окружать себя комфортом и красотой? Мне нравится мой вагон, когда играет магнитофон, а на столике — красивая посуда. Люблю уют!

Я не соглашался с доводами Ази.

— Ты не понимаешь! — посмотрел он на меня. — В самих вещах нет ничего плохого. Они прекрасны и нужны. Но они должны быть добрыми друзьями, а не самоцелью!

Посмотри кругом, Харон... Разве кто-нибудь старается обрести свой путь? А ведь все они тут лишь ради беседы со мной... Но забыли об этом, искушённые хламьём! Они предали Предназначение! Сверху, из стеклянной будки, я могу наблюдать за новичками, очутившимися в этом парадизе потребителя... В магазин постоянно заходят, но добираются до меня единицы... Почему? Почему, я тебя спрашиваю, почти никто не может преодолеть этот искус?

Азии прожёл взглядом и еле слышно добавил:

— Не веришь - смотри внимательнее... Что видно?

— Люди не отражаются?

— Это ясно и так. Ты старайся смотреть одновременно и на отражение, и на реальность, пока не поймёшь!

Я сделал, как велено. Не отрываясь от зеркального потолка, смотрел во все глаза, одновременно (в надежде заметить нечто важное) периферией сканируя окрестности. Но, как ни пытался, ничего особенного не замечал. По коридорам неспешно двигались граждане с набитыми доверху тележками, а некоторые - и с двумя. Люди как люди — вертели головами в поисках нужного... Всё, как в реальности... Только в зеркалах не отражались... Лишь я и Азии опрокинулись в потолке.

— Да вроде ничего особенного, — недоуменно пожимаю плечами.

— Ты смотри... Смотри, не останавливайся, — настаивает Моррисон.

Гляжу - и оттого, что ничего не происходит, от беспорядочного движения вокруг - слипаются веки. Приходится справляться с зевотой.

А хозяин, как заклятье, бубнит:

— Не отвлекайся... Что видно? Приглядишься...

И я всмотрелся... Всё кругом стало меркнуть, пока не погрузилось во мрак.

— Ну как? — раздалось из ниоткуда.

Что я узрел? В вязкой мгле чуть заметно двигались человекообразные фигуры. Они хаотически блуждали, еле переставляя ноги, до колен погружённые в густую жижу. Фантомы чуть брели. Их не покидала надежда, что этот Ад скоро прекратится, и они обретут твёрдую почву. Но ничего подобного не происходило: призраки топтались почти на месте, стараясь идти во всех направлениях сразу.

Изничтожая себя в бесцельном скитании, они уже сами стали мороком и исподволь превращались в пугающую тьму... Контуров таяли. Каждого облепили большие чёрные личинки. Вскрыв кожу, нежить по капле высасывала из них соки. «Они так питаются!» — понял я. Из тварюшек и вытекала та самая муть, падавшая в общее месиво... Я задыхался от омерзения.

— Это Пожиратели Времени, — услышал я голос Старьёвщика. — Благодаря им и был построен этот огромный центр. Они, высасывая из людей время, выделяют своеобразное топливо, благодаря которому воображение очень быстро становится реальностью. Это и есть суть Ломбарда. *Здесь меняют время на вещи.* Добровольно - Свободу на Рабство.

— Но почему? — я не узнал свой голос. — Кому надо, чтобы люди застревали здесь навсегда? Ведь это же настоящий Ад!

— Чистилище, — ухмылялся Ази. — Раз это существует, значит, кому-то да надо... Видимо, не постигшие Цели, так и не научившиеся отделять плевила от злаков, не смогут справиться с более Высокими и Сложными задачами.

— Они здесь навсегда?

— Кто-то — да. Кто-то — нет. Здесь их держит лишь желание *получать, не отдавая.* Некоторым удаётся обнаружить этих червяков. Правда, их единицы...

— Но так нельзя! — возмущаюсь я.

— Успокойся! Не мной это придумано... Позаботься лучше о себе... Ты себя хоть видишь?

И действительно, рассматривая других, я не заметил себя. Я сидел всё на той же лавке под пальмой рядом с улыбающимся человечком. Мы были единственным светлым пятном. А кругом — шквал нечистоты...

Я решился - и резким движением вырвался из наваждения., При виде знакомого светлого зала сам собой вылетел вздох облегчения. Господин Моррисон, улыбаясь, смотрел с вызовом. Он жаждал моего возмущения. И оно не замедлило обрушится на него:

— Так нельзя! Это же люди! — орал я. Естественно, на нас никто не обратил внимания.

— Сброд... — как ни в чём ни бывало, ответил Старьёвщик. — Ты сам видел, как размениваются на тлен и суету.

— Это люди... — я обессилело поник, не желая принимать увиденное.

— Оглянись...Разве они несчастны?! У них есть всё! Что ты делаешь с вещью, когда та ломается? Именно! Выкидываешь. Беспольные люди, не выполняющие свою Миссию, не двигающиеся и не развивающиеся — утиль!

— Нет и нет! Нельзя так с живыми людьми!

— Живыми?! — смеялся Азии. Его явно забавлял мой праведный гнев. — Зомби!

— Некоторые не сразу могут осознать собственные ошибки.

— Горбатого могила исправит! — он явно дразнил меня. Казалось, человечек что-то хотел добавить, но озорной уголёк взгляда померк. Тяжко вздохнув, он покачал головой. — Слушай, Харон... Я не любитель спорить... И возиться с тобой недосуг... Просто хочу, чтобы ты кое-что понял и снял розовые очки. Только поэтому я до сих пор веду эти разговоры. Моя задача — дать направление. Вещь - подсказку. И это цена обретения Заветной Двери.

— Если нужно, «прозрев», признать других хламом, то лучше я останусь слепым, — упорствовал я.

— Ладно, первая попытка не в счёт. Дубль два... — пробубнил он. Затем одним рывком оторвался от скамьи, скомандовав:

— На старт!

— Куда?! — встревоженно спросил я.

— Пошли-пошли! Что-то покажу...

Я безмолвно последовал за ним. Всё обдумывал его слова. Кипел смертный бой здравого смысла и слепой веры.

Мы брели длинными коридорами, пока Ази не остановился.

Эта часть магазина ничем особым не отличалась: всё те же киоски и салоны. Разве что находилась на развилке четырёх проходов, а по середине помещался большой фонтан, ласкающий слух.

— Центр слишком большой. Естественно, нельзя уследить за всем. Тем более, что он постоянно «растёт» за счёт новичков. И вот это... — Моррисон указал жестом на коридор перед нами, — что-то типа аквариума, за которым я постоянно наблюдаю. Развлекаюсь... Достаточно долго я созерцаю сие, надеюсь, что в одночасье моя теория о «человеческом хламе» разобьётся вдребезги. Что хоть кто-то осознает свою никчемность и вырвется отсюда. Пошли - свожу на экскурсию...

Мы достигли киоска с дисками, кассетами и винилом. На входе красовалась вывеска «МУЗжичок» с улыбающимся парнем в наушниках. Среди стеллажей бродили люди, рассматривая названия пластинок и изучая треклисты.

— Видишь вон того, — он указал на грузного мужчину, со скучающим видом копошащегося среди дисков. — За всё время он не взял ни одного диска. Знаешь почему? Не поверишь! Он ждёт, пока певец, фанатом которого он является, не выпустит все свои альбомы. Представляешь?! Мечтает, как ОДНАЖДЫ сможет купить все его диски и погрузиться в музыкальную НИРВАНУ... Вместо того, чтобы наслаждаться постепенно и прямо сейчас, он живет будущим, надеясь, что ему *потом* будет хорошо.

— Но это же абсурд! — удивляюсь я.

— А я о чём?! Он всего-то несколько хитов этого певца и слышал! Но терпению нет конца... Дальше — круче! Пошли...

Слева от стойки продавца располагалась прикрытая занавеской дверь. Зайдя, мы попали в каморку, где находились столик, пара стульев, микроволновка и какие-то шкафы. Комната отдыха персонала - понял я. Но там мы не задержались, а прошли дальше — в дверь у противоположной стены.

— Вот, смотри, — говорит мне Старьёвщик, застыв на месте.

И я прозрел... Скверно освещённое помещение. Посреди - небольшой журнальный столик с кучей компакт-дисков и карандашей. По бокам — небольшие диваны. На одном - двое парней. Напротив — мужчина, бесстрастно внимающий плееру.

— Что это? — спрашиваю, не понимая смысла.

— Обильно потеющая парочка — молодые музыканты. А тот, что тупо слушает музыку — «типа крутой продюсер». Все они надолго тут застряли...

— Почему? — мне и в самом деле любопытно.

— Видишь ли, чтобы выбраться отсюда, каждый из них должен решить свои задачи. Но они так и не пошевелились. Который раз захожу в гости! А мальчишки переглядываются всё так же взволнованно... А продюсер всё так же непроницаем...

— А как «задачи» они должны решить?

— Тот, что с наушниками, считает себя знатоком музыки. Хотя у самого даже слуха нет. Просто от него зависит раскрутка. Сейчас он даже не слушает музыку, принесённую для прослушивания. Размышляет, как бы вьюношей позатейливее... Позаковыристе унизить, акцентировав бездарность.

А уж молодняк-то как хорош! Отдаётся на прихоть «говнюка в пиджаке»! Этот ноль и вынесет вердикт - годятся они в музыканты или нет! Довериться полному профану! Меж тем их задача — пестовать собственные таланты... Особенно это касается того, что слева.

— Почему именно его?

— Потому что он не решается создать своё, боясь критики и насмешек, а предпочитает перелицовывать уже раскрученные вещи. Вместо следования своим путем, присасывается к чужому. Я называю таких людей Хранителями Музеев...

Мне даже спрашивать не пришлось - Старьёвщик сам прочёл вопрос в моем взгляде.

— Оказавшись тут, я не сразу нашёл свой ломбардик. Мне, как и тебе, пришлось какое-то время скитаться. Я успел побывать во многих местах. Встречались разные края. Попадались интересные, а бывали и такие, о которых не скажешь ничего ...

Однажды я наткнулся на городишко всего в одну улицу. Краска со стен двух-трёхэтажных домиков облезла. На витринах вещи давно powyцветали, а продукты испортились. Дорога вся потрескалась. Из асфальта торчала трава. Казалось, все люди разом покинули это место, спасаясь от неведомой беды. Я брёл, размышляя, что здесь могло произойти. К тому времени я уже догадывался, где нахожусь. Поэтому трудно было понять, что угрожает человеку, которого нет.

Во всём городе нашлось единственное здание, в котором явно кто-то проживал. Это был небольшой двухэтажный коттедж. Словно кукольный — весь блистал красотой и чистотой. Справа от входа висела табличка: «Частная картинная галерея Алена Маерса». Ни секунды не думая, зашёл.

Внутри дом оказался еще лучезарнее, чем снаружи. Ярко, просторно, свежо... Минимум мебели и много картин на стенах. Конечно же, я залюбовался пейзажами, сюрреалистичными образами людей и животных, от которых захватывало дух. И даже не заметил, как позади меня возникла чья-то фигура.

— Как вам творчество Алена? — спросила меня пожилая ухоженная женщина. Несмотря на явно почтенный возраст, назвать её старушкой просто не поворачивался язык. — Нравится?

— Очень! — искренне признавшись, я вновь повернулся к картине.

Она довольно хмыкнула:

— Давайте проведу экскурсию.

Я с удовольствием согласился. В течение получаса довелось услышать массу великолепных историй о создании той или иной работы и о жизни автора. Анна (так звали хозяйку) оказалась чудесной рассказчицей. Уже сами картины её деда не казались столь интересными без комментариев хозяйки. Она восхваляла работы «дедушки Ала» с такой самоотдачей, что я мог только удивляться, насколько она предана его творчеству.

За период блуждания по галерее меня заинтересовала сама личность Анны. Она была великолепным оратором, держала себя, словно выступала перед огромной аудиторией. Из её уст рассказ лился весенним горным ручейком. И я начал расспрашивать

о ней самой.

Но что удивило — на каждый вопрос о себе она отвечала уклончиво или, что случалось чаще, переводила ответ в русло биографии знатного предка. В конце концов, мне это надоело, и я решил спросить напрямую:

— Анна, почему Вы не говорите о себе? Почему уходите от ответа?

Она предложила чаю. Мы тонули в креслах у изящного столика.

— Перестаньте, — махнула она рукой. — Я обыкновенная. И призвана лишь хранить этот музей...

— Нет-нет... — тогда возмутился я (Старьёвщик сделал недовольное лицо, забавно воспроизводя возмущение). — Вы удивительно рассказываете. Может быть, я изголодался по общению с людьми, но ваши рассказы просто чудесны! Вы не думали их записать?

— Конечно, думала! — на миг в её глазах занялось пламя... Но уже миг спустя их вновь заволокла пелена. — Что-то мы всё не о том. Дедушка Ал тоже хотел написать книгу...

Все мои последующие попытки узнать хоть что-то о ней попросту игнорировались. В голове стоял фильтр. Она не считала себя талантливой, а была всего лишь «хранительницей чужого успеха», вместо того чтобы создавать свой. Неверие в собственные возможности превратило её в рабыню. Причиной нахождения её в Этом Мире и основной задачей было понять это и постараться изменить. Но она решила сдаться навсегда, как и те, что в моём Центре.

Покидая её музей (точнее, музей её деда), почти у самого входа обнаружил картину, которой раньше там не было. У меня отличная память на подобные вещи, поэтому ошибки быть не могло. На полотне красовалась фигура человека, копающего себе яму. Он уже углубился по шею.

Поблагодарив Анну, я вышел на улицу. Почему-то после созерцания странной картины хотелось поскорее убраться. Немного отойдя, я обернулся. Может, показалось, но дом стал ещё более приторно кукольным. Лишь много позже дошло — сам горо-

док и этот дом выросли исключительно за счёт хозяйки, словно паразиты, питаясь её нереализованным потенциалом.

Та картина изображала её, закапывающую себя в яму самоуничтожения.

Мы вышли из подсобки и направились к магазинчику напротив. Оказалось, это был салон красоты «100\$лица».

— А это одно из моих любимых мест. Здесь вообще концентрат барышень, снабжающих мой зверинец жизненными соками. За их счёт я, можно сказать, в основном, живу и развиваюсь. Хотя с недавних пор среди посетителей хватает и мужчин.

Мы проникли внутрь. Внутри «Столица» ослепляла! Лампы обдавали лучистым светом. Кругом - зеркальный блеск. Преобладали изысканные лиловые тона. В отличие от остальных помещений, где среди полок бродило всего по несколько человек, здешний зал заполнили женщины всех возрастов. Они меняли имидж с обольстительной улыбкой; гипнотизировали отражения, «обкатывая» непривычный облик. Окраска, стрижка, макияж, маникюр... Почти все живо щебетали, отчего в зале стоял монотонный гул. Одурающее пахло лаком для волос. В очереди было и несколько мужчин.

Я удивлённо обернулся к Старьёвщику:

— Вы же сказали, здесь каждый сам по себе! А здесь не так: все общаются!

Он лишь хмыкнул:

— Ты, как и большинство, поверхностен. Хочешь выбраться отсюда - учись видеть суть. Внимательнее! — и замолчал, доверив поиск ответа мне самому.

Делать нечего! Пришлось превратиться в зрение и слух. Сначала ничего необычного не заметил, но постепенно закралась догадка. И тут до меня дошло!

Я уже находился в центре, в окружении охорашивающихся дамочек, а Старьёвщик всё так же самодовольно стоял у входа.

Тогда я прокричал:

— Да они же не слышат друг друга! Все говорят и говорят о себе, не слушая других!

Моррисон лишь кивнул в подтверждение и направился ко мне. Приходилось говорить очень громко, чтоб докричаться. Но всё равно до нас никому дела не было. Гомон всё нарастал. Когда Ази подошёл вплотную, из-за шума нельзя было различить даже собственных мыслей. Обращаясь к нему, я не слышал себя. Не выдержав, прикрыл ладонями уши. Тщетно. Рокот бил прицельно. Казалось, разрывается голова. Я перепугался не на шутку.

Я хочу... А мне пойдёт? У меня получилось? Я знала, так и знала! У меня какое-то... Я бы... я... я... я! Я! Я!!! Я!!! Я!!!

От дезертирства удержал лишь спутник. Он приложил к губам указательный палец. Уже в следующий миг я услышал... *Услышал!*

— Ш-ш-ш... Тише...— шепнул он. Адский шум смолк. Оглядевшись, я понял, что кругом трещали по-старому. Только никого не было слышно: будто клиенты, притворяясь немыми, только шевелили губами.

— Добро пожаловать в мир красоты, — улыбнулся Старьёвщик. Его голос звучал чуть иначе. Словно произносимое обрело форму, слетая с губ... И, пока добиралось до меня, немного разбухало, наполняясь тяжестью.

— Как Вы это сделали? Хотя... Можете не отвечать. Это же Ваш Мир! Значит, именно Вы устанавливаете здесь правила?

— Наконец-то понял, — хмыкнул Ази. — Я просто решил провести занятную экскурсию и сделал так, чтобы ты побывал в голове у этих красоток и красавцев, послушав их мысли. Понравилось?

Я отрицательно покачал головой.

— И я о том же! Оглохнуть можно: «Я-я-я! Мне-мне-мне!» Фу, аж тошнит. Эгоизм — это хорошо. Но ведь всё должно иметь меру, согласен? Это Их Мир... — сказал человечек и взглядом обвёл салон. — В какой-то степени это их узилище. Они не могут отсюда выбраться.

— Почему? Ведь Вы же говорили, что здесь не наказывают...

— Для них это и не кара, а единственно возможный образ жизни. Занятость только собой, точнее своей оболочкой — вот их удел. Вечное позёрство, чтобы чувствовать себя особенным... Без

внимания окружающих их будто и вовсе нет! Они будто устраивают самосожжение перед зеркалами, принося себя в жертву идолу моды. Они одновременно находятся в двух мирах — в этом и в зазеркалье, где они прелестны, где все их обожают... Они потребляют восхищение, словно топливо, на котором их сердце только и работает.

Старьевщик подошёл к одной из девиц — очаровательной пышногрудой красотке. Она сидела в углу и перелистывала глянцевого журнала.

— Смотри... — он выставил вперед указательный палец, и рывком воткнул его в грудную клетку девушки. Звук был, словно от пенопласта. Но она лишь отвлеклась от чтения, подняв стеклянный взгляд на Моррисона.

— Спокойно, моя прелесть! Смотри картиночки дальше, — сказал он приторно нежно. И она послушалась.

Меж тем Ази водил пальцем туда-сюда, расверливая дыру. Затем извлёк палец, измазанный подобием мазута. Тут же из свища ударила жижа, похожая на виденную во мгле. Сразу вспомнились жирные личинки, терзающие тела.

— Мой центр похож на огромную грядку, — не отрываясь от мерзости, пояснял хозяин. — Только с той разницей, что вместо плодов здесь плоть. Чем дольше особь «дозревает» среди барахла, тем полезнее она моим зверушкам (меня тошнило). А эти красотки — вкуснее всех! Ведь они променяли слиток жизни на мишуру престижа. Выгодный бартер, не находишь? Они навечно пригвождены к зеркалам.

Красотка, как ни в чем не бывало, углубилась в прессу. Если сказать, что было гадко, значит, не сказать ничего. Я чувствовал, как меня опутывает бессилие. Ещё чуть — и я соглашусь с теорией «беспольных людей».

— Неужели никто так и не выбрался из «зазеркалья»? — предпринял я неумелую попытку отвоевать лоскут надежды.

Он хмыкнул, как всегда, поражаясь моей наивности:

— Видишь — пожилой леди волосы красят? — он показал на ухоженную, а, точнее, расписную старушенцию, которую обрабатывала девушка. — Это одна из моих первых «клиенток». Она

здесь, чтобы «быть во всеоружии», когда встретит мужчину мечты. Ещё в юности сотворив идола, сравнивала с ним каждого встречного-поперечного. Естественно, постоянно разочаровываясь... Потому что её кумир – лишь плод воображения! Может, реальные мужики были даже лучше... Но она этого уже не узнает... Ведь постоянно было не то... Стара, но ждёт до сих пор, стараясь раскрасить развалины. Ну, что?

Я ничего не ответил - лишь побрел к «100-личному» выходу.

— Да не расстраивайся! Я здесь давно и уже привык. Значит, и ты сможешь. Все здешние когда-то допустили важный промах. Каждый чего-то хотел... И все ждали идеальных условий для начала воплощения грёз. А их всё не было. Прямо, как мужа для той бабули. Подумай! Ты добрался до меня лишь потому, что, несмотря на препоны, решил докопаться до сути. Так?! А эти... — Старьёвщик отмахнулся, — всё ждут... Отдавая мне своё время, меняя его на безделушки, на эрзац мечты!

Я сидел на парапете фонтана, а собеседник стоял напротив, без умолку толкуя об истинах. «Почему ему так важно, чтобы я признал этих людей бесполезными? Причём тут иные, если выход нужен *мне*? С собой бы справиться...»

Именно тогда начала доходить причина настойчивой неприязни Моррисона к своим «кормильцам» и стремление обратить меня в свою веру. Хм... Забавно!

— ...Готовность продать душу за вещи дошла до абсурда. Они буквально отрывают, отщипывают от своего духовного тела кусок за куском, чтобы поменять его на джинсы. Ты не находишь это пределом человеческой дури? Ведь у них, кроме желания потреблять, ничего нет! Есть телефон — нужно круче. Нашли такой - теперь ищут ещё более навороченный... Ведь это заменитель мечты! Потреблять... Потреблять... Потреблять!!!

Он весь покраснел. Глаза налились злом. Слюна брызгала во все стороны. Его напряжение было мне полезно. Пусть выдохнется, а я пока посижу с серьёзным лицом. Сделаю вид, что почти сломался.

— И Мир тут же предлагает широкий ассортимент мусора для обмена на душу и время. Никто не хочет создавать - только по-

треблять. Всё сводится к разрушению. Качество превращается в количество, простота оборачивается сложностью, мир запутывается, превращаясь в лабиринт без выхода. В бескрайний тоннель салонов и бутиков...

Настала пора идти в наступление. Старьёвщик всё заметнее сбивался, повторяясь и путаясь. Я смочил ладонь в воде фонтана и протер лицо. При этом он замолчал, видимо посчитав этот жест символом поражения. Тогда я слабым, еле слышным голосом произнес:

— Я только вот чего не могу понять... Если, как Вы утверждаете, главная задача каждого — вырваться отсюда и перейти на более высокий уровень... И уничижительно отзываетесь о застрявших здесь, почему же тогда Вы сами ещё тут? Почему до сих пор не перешли на «более высокий уровень развития»? А, Старьёвщик?! *Я уже об этом спрашивал!*

Одно удовольствие было наблюдать за его вытягивающимся от удивления лицом.

— Ну... Ну, как же? Я... Почему я ещё здесь? Э-э... Ну я же уже говогыл, — уверенность мгновенно исчезла, зато картавость и акцент непомерно возросли.

— Повторите ещё раз, пожалуйста. А то плохо доходит, — я чувствовал, что попал в самую точку.

— Ну... Должен же кто-то присматривать за этим местом!

— Это чушь! — возразил я. Мне надоело играть в кошки-мышки, и я решил идти в лобовую. — Я тебе не верю! Это место — и есть ТЫ. Так что никто тебя присматривать не просил. Ты здесь лишь потому, что сам не можешь выбраться. Разве нет?!

— Ничего подобного! Меня даже именем наградили за исполнение обязанностей Старьёвщика, — он буквально уменьшался на глазах под натиском болезненной правды. — Меня зовут Ази Моррисон.

— При чем тут имя? Сам же говорил, что оно не более, чем напоминание о его бессмысленности! Чем гордиться?

Кажется, я сломил сопротивление. Некогда гордо играющий роль хозяина положения человек сейчас выглядел довольно жалко. Сутулившийся, поникший, усталый гном...

— Ты ненавидишь этих пустышек, ибо видишь в них себя. Не знаю, что произошло с тобой, но сейчас это не даёт тебе покоя. При встрече ты пытался заставить меня поверить, будто расширение магазина происходит из-за большого количества новичков. Ложь! Всё больше и больше окружая тебя объектами ненависти — «никчемными людьми» — Твой Мир таким образом пытается показать, *что* именно нужно сделать! Но ты ничего, кроме своих мыслей, не желаешь воспринимать... Как то бабё в салоне красоты.

Тебе претит комфорт? Почему? Только не говори, что ратуешь за духовность. Это будет очередная доза ушной лапши. Ведь у тебя внутри - заноза. И вытащить её - кишка тонка.

Всё это время он смиренно выслушивал мои филиппики. Точнее, в искаженной правде... И молча уставился в пол. Я ждал его реакции под ропот фонтана.

— В Том Мире... Среди живых я родился в небольшом городке. Вернее, в селе. Кругом грязь, разруха, пыль да навоз. Такое место, где всегда чем-то заняты. Где не живут - выживают. Уже ребёнком я понимал абсурдность этого. Постоянно скучал и хотел чего-то иного. Ежедневная помощь родителям съедала почти всё время.

Однажды, лет в одиннадцать, я сильно захворал. Матери ничего не оставалось делать, как везти меня в отстоящий километр на сто город. Ранее я никогда не бывал там. С прибытием в больницу подтвердились худшие опасения. Срочно требовалась сложная операция, возможная только в столице. Меня сразу же туда и отправили. А это ещё около двухсот километров. Перед отъездом слышал, как эскулапы делали ставки, довезут меня или нет. Пять к трём, что доставят лишь тело. Один из медиков, ставивший против моей жизни, ехал со мной и периодически проверял свои шансы. Как же я разочаровал его, оставшись в живых!

В Большом Городе меня сразу же оперировали. Всё прошло успешно. Уже через две недели можно было выписываться. Мать приезжала по выходным: жить в столице для нас было непозволительной роскошью. Перед отъездом мы бродили по городу. В какой-то степени это всё и определило.

Я всегда с упоением смотрел по телевизору передачи об иных городах и странах, путешествиях и шоу-бизнесе. Созерцая шик, гигантские дома, интересную жизнь, даже не мог представить, насколько это впечатлит в реальности. Теоретически я знал о силе денег. Но убедиться воочию было гораздо важнее. Я буквально и нутром, и кожей ощутил всевластие злата. Именно тогда я и возжаждал сокровищ Большого Города.

Домой возвращался, проклиная несправедливость. Уезжать не хотелось. Но, так или иначе, матери ничего не сказал. По приезде отец скупно поздравил меня с выздоровлением и велел переодеваться для чистки хлева. Я решил, что не буду таким, как он.

В день совершеннолетия я сам себе сделал главный в жизни подарок — сбежал в Большой Город. Не буду рассказывать, где и как я скитался, стараюсь сначала выжить, а затем и жить достойно. Пережито слишком много. Главное - искал возможность обогатиться. И она появилась к годам двадцати пяти. Можно сказать, случайно.

Я тогда жил в комнатухе с соседом. И почти уже потерял надежду, смирившись с убожеством. Сосед любил рисовать. Так себе. А если честно, то никак. Он писал маслом, подражая знаменитому экспрессионисту. И хронически пытался выставиться или хотя бы продать свою мазню. Но всегда безуспешно.

Как-то, крепко напившись, мы поспорили, что всё зависит не от таланта как такового, а от умения продавать. Честно говоря, тогда я так не считал. Просто вредничал и злил художника.

Короче, в итоге поспорили на какую-то ничтожную сумму, что я смогу толкнуть за столько-то его картину. Счастливица была выбрана считалочкой. «Белка прыгала, скакала и на ветку не попала...» — знаешь такую? Картина попалась, наверное, самая дерьмовая — наляпанное лишь бы как пятна на кислотном желтом фоне. Он назвал её «Энергия жизни». А по мне, так это был «Понос чахоточника».

Короче, в течение двух недель я спихнул её знакомому богатею за приличный кусок зелени. Сосед, конечно же, не отдал проигранное. Но, ничего страшного — комиссионные от продажи уродской картины с лихвой покрыли долг. Так я понял две вещи,

кардинально изменившие мою жизнь:

А. На искусстве можно нехило зарабатывать.

Б. Успех зависит не от таланта творца, а от его (или в данном случае моего) умения продавать.

Менее, чем за полгода я приобрёл квартиру и машину. Ещё через два я уже жил в собственном доме и назывался арт-агентом. Мечта одиннадцатилетнего деревенского паренька осуществилась. Я смог познать вкус дающего абсолютную свободу богатства. Но, вопреки ожиданиям, оно не принесло счастья... Соприкасаясь с искусством, я понял, как мне казалось, сущность человеческой природы. С одной стороны, приходилось использовать это знание, чтобы делать денежки. С другой — оно вызывало блевоту.

Когда ко мне приходили художники с просьбой о раскрутке, я никогда не смотрел на их картины, чтобы решить с кем сотрудничать, а с кем нет. Я общался с самими «рисовальщиками», выбирая по принципу, чтоб знал много анекдотов, сам был забавным и любил погулять. Что он рисует, как и чем — не имело значения. Мир назовёт искусством то, что признают знатоки. А на художественную элиту влиять я умел. Кого «лизнуть», кому налить покрепче, кому красотку подставить... Вот и секрет создания гения. 15% от продажи каждой картины шли мне. По сути, я мог без зазрения совести использовать деньги вместо салфеток.

Честно говоря, даже если волей случая приходилось продвигать истинный талант, я понимал, что он достаточно быстро выродиться в клише для мазни на потребу. Прославившись, творцы часто начинают оглядываться на заработки и голос толпы, пытаются быть «мейн стримом», а поэтому теряют нечто важное — себя!

Помнишь, я говорил, что мир движется от качества к количеству? Именно это я и имел в виду. Настоящее творение всегда создаётся для себя. Причём неважно — музыка это, литература или изобразительное искусство. На продажу выходит ширпотреб. Года пролетали, словно недели — счастья не было. Всё моё «творчество» сводилось к конвейерной продаже новых великих брендов. Любое дерьмо, подсунутое профанам, было нарасхват. Меня

не покидало чувство собственного непотребства. И это несмотря на свободный доступ к вещам, странам и женщинам. Где-то я возненавидел своё могущество и столь вожделенное богатство. Стал спиваться... Но всё поменялось, когда я встретил Пророка.

— Пророка? — переспросил я.

— Да, — кивнул Старьёвщик. — Так он себя называл...

Один знакомый знаток искусства был ярким противником связи творчества с бизнесом. Из тех, кто считают истинным художником непременно нищего, голодного и оборванного. Пытаясь произвести впечатление на этого, с позволения сказать, ценителя, я пригласил его как-то в Макдональдс. И для пущего эффекта решил заехать по пути не на навороченной машине, а на автобусе. К тому времени я уже напрочь забыл, что такое общественный транспорт.

Вместе мы направились на остановку. Переполненный автобус явился минут через пять. Еле втиснулись. Но коллега, судя по всему, был и впрямь доволен. Наверное, это было что-то вроде аттракциона.

Всё произошло, когда мы подъезжали к нужному месту. Пора было потихоньку пробираться к выходу. На очередной остановке двери открылись. Вышло довольно много людей. Зашёл лишь один. Хотя тогда я даже человеком его бы не назвал — грязный бомж в отрепье, смердящий гремучей смесью испражнений, грязного тела и алкоголя. Он был пьян и еле стоял на ногах. Пару секунд — и весь автобус наполнился жуткой вонью. Ещё несколько людей сошло, не рискнув терпеть этот смрад. А большинство расплозлось в разные стороны — кто в конец, а кто в голову автобуса. Середина, где стояла эта скотина, оказалась полностью пуста. Люди кое-как теснились по краям, не желая связываться с пьяным бродягой.

Увидев реакцию, он обозлился и затеял ссору. Пассажиры пожимались в стены - подальше от психа.

Отбуянив, он вдруг заткнулся, уцепившись за поручень. В ту же секунду автобус сотряс сильнейший удар. Раздался оглушительный скрежет гнущегося металла и звон выбитых стекол. Люди кричали в ужасе, не понимая, что происходит. Я сильно ушиб

голову и повредил палец о чьё-то лицо. Уйма народа копошилась в этом аду.

Немного погодя я понял, что автобус попал в аварию. Кто-то уже успел открыть дверь, кто-то постарался выбраться в разбитое окно. Мне повезло оказаться на улице в числе первых. Спрыгнув на асфальт, я шлепнулся ничком с жуткой болью — оказывается, нога тоже повреждена. Стал оглядываться, стараясь найти знакомого, но видно его нигде не было. Зато я увидел нечто иное...

Злосчастный бомж, слегка прихрамывая, удалялся с места происшествия. Подумалось, что он просто не хочет сталкиваться с полицией, ожидаемой с минуты на минуту. Но когда он обернулся, я смог видеть его глаза. Совершенно трезвый, уверенный взгляд не бродячей собаки, но хозяина жизни. Он шёл, словно усталый труженик — домой.

С автобусом столкнулась фура. Он практически сложился пополам — середина была превращена в лепешку. Погиб водитель фуры. Пассажиры отделались синяками, несколькими переломами да всеобщим переполохом. Ничто в сравнении с тем, что случилось бы, не напугай людей бродяга. Я даже боюсь думать, сколько бы погибло!

Прошла неделя, а я всё помнил его взгляд. Под каким бы углом я ни думал о происшествии, всё равно казалось, что бомж заранее знал о предстоящей аварии и хотел уберечь людей от неминуемой смерти. Но как такое может быть?!

В конце концов, не имея больше сил терзаться догадками, я нанял частного детектива с целью найти удивительного люмпена. Не поверишь, но это оказалось намного сложнее, чем предполагалось. Поиски заняли около трёх лет, не говоря об огромных тратах. Найти таинственного спасителя стал моей идэ фикс.

После тщательного расследования выяснилось, что свидетельств подобных случаев по всему свету тьма. Везде одно и то же: незнакомец в последний момент делал так, чтобы в неминуемой катастрофе пострадало как можно меньше людей. Чаще всего таких вот спасителей называли Пророками. Считалось, что они, наблюдая за человеком или предметом, могут увидеть несколько ближайших минут или даже часов. Случайно встречая

на своем пути приближающуюся беду, они всеми силами стараются её отклонить. Эта информация меня обрадовала, полностью подтверждая верность догадок.

Встреча с провидцем произошла в кафе соседнего города. Мой детектив выследил его, а я разыграл спектакль, случайную вроде встречу. Он сидел в уголке и кушал. Как сейчас помню — закусывал водку украинским борщом. Его освещала лишь тусклая лампа. Шёлковые обои и особая атмосфера говорили, что это место — не из дешёвых.

— Извините, мы с Вами нигде не встречались? — осведомился я скромно. Это был совсем не тот бродяга, что спас мою и десятков других жизней. Спутанная грязная борода исчезла. Измождённое лицо стало холёным. Вместо рванины — ношенный, но добротный серый костюм. Он поднял на меня те самые прозорливые очи.

— Не паясничайте... Садитесь и расспрашивайте — молвил он и вновь увлёкся горячим.

Повинуясь, я напрямую выложил всё. Это и был момент обретения Учителя.

— И чему же он Вас научил? — спросил я Старьёвщика.

— Всему... В-первую очередь, отношению к деньгам. Даже тогда было понятно, что амбивалентное отношение ко всемогущим бумажкам мешало жить.

Поначалу я неосознанно пытался поступить с ним так же, как с любим, которого не понимал или считал ниже себя — то есть купить. Я предложил ему покровительство и спонсорство. Под личиной благодарности за спасение жизни скрывалось желание заполучить его с потрохами и сделать зависимым от себя. Мой замысел был мгновенно раскушен.

— Что Вам нужно? — спросил я его. — Я могу обеспечить, что пожелаете. У меня есть всё! Ну, что Вам надо? Только скажите!

— У тебя всё есть? — лукаво спросил Пророк.

— Да!

— Что у тебя есть, помимо красивого тела? Кроме денег, машины и дома? Вряд ли ты располагаешь необходимым именно мне...

Честно говоря, я несколько опешил, даже не представляя, что ещё может быть нужно.

— Можешь ли ты дать покой? А радость творчества? Уверенность? Нет? Тогда что предлагаешь вообще?

Я лишь нечто невразумительно промямлил, а он продолжил атаку...

— Зачем машина, если я буду вести её и грустить? Зачем дом, если там страшно? Зачем красивое тело, если оно испещрено болезнями? Ты хочешь дать деньги... Но что за польза человеку, если он «приобретёт весь мир, а душу свою потеряет»? А?! Скажи...

Буквально за несколько минут, пока он говорил, мой мир, что зиждился на фундаменте кумирслужения золоту, рухнул, став щепотью праха. Я был уничтожен... Ведь только что человек легко отказался от всего, что я считал истинными ценностями.

Чтобы понять подлинный смысл бытия, как и суть денег, нужно время. Пророк учил обращаться с жизнью.

— Например? — я действительно заинтересовался.

— Например, те же деньги. Как и всё в мире, они имеют две «стороны монеты». Первая — потребительская. За деньги можно приобрести всякий товар. Для этого они и созданы. Но доступность любых благ не гарантирует счастья. Только потребляя, ты теряешь внутри себя Творца. А ведь именно для этого мы и пришли в этот мир. Жильё, техника, еда и удовольствия — всё это не заменит счастья творчества, а это уже вторая миссия денег — созидающая. Они именно для того и даны, чтобы с их помощью мы могли создавать, улучшать... Голодранцем ты можешь нарисовать углём на асфальте. Богачом — создать школу художников или галерею. *«Великие деньги — служители великих Идей»*. Поверь, когда ты попробуешь тратить, чтобы отдавать и создавать, а не только ради потребления — почувствуешь именно неведомый дотоле внутренний покой. С помощью денег мы выкупаем место в этой жизни - так же, как в вагоне поезда. Выкупаем время для созидания. Но, к сожалению, большинство этого не понимают. Покупают и покупают... В надежде, что очередным приобретением окажется счастье...

Он открыл мне глаза. Я возненавидел это безмозглое отребье. Но и здесь они меня преследуют... Словно этот сброд — моё проклятье...

Не в силах слушать, я грубо перебил Старьёвщика:

— Причём тут другие?! «Они-они... Они — такие, они — сякие...» Сколько можно искать грязь в других? Займись, наконец, собой! Ты сидишь в своём Стеклянном Замке и с мазохистским удовольствием наблюдаешь, *как другие топчутся на месте*, меняют своё естество на шмотки и ехидничаешь: «Ага! Я так и знал, что вы пустышки!» Посмотри на себя! Ведь Пророк именно этому и хотел тебя научить — управлять своими деньгами и своей жизнью, а не осуждать других. Начни творить вместо хулы! Хватит обманываться! Главное - итог! Ты ведь не понимаешь, *как можно принимать людей такими «никчемными»?* Трус! Пока ты из страха встречи со своими проблемами занимаешься чужими, так и будешь сидеть тут!

Лишь умолкнув, я понял, что Моррисон уже давно не слушает, уйдя в себя. Наверное, ему порядком досталось... Я перешёл на другую сторону фонтана, оставив Ази одного. Честно сказать, мне и самому нужен тайм-аут... Его история о Пророке - знак. Подсказка!

Почувствовав на плече руку, от неожиданности я вздрогнул. Казалось, бизнесмен остался прежним, но что-то неумовимо переменялось во взгляде.

— Ты же сюда за подсказкой пришёл? Хотел узнать дальнейший путь, так? — допытывался он.

Погружённый в пучины дум, я не сразу его понял.

— Вставай да пойдём! Надо спешить!

Его речь менялась. Обычно Старьёвщик тщательно взвешивал слова и потому говорил складно. А сейчас они сбивались в короткие рваные фразы.

Но я не стал ни о чём спрашивать. Лишь последовал за ним, стараясь не отставать. Ази быстро семенил, увлекая вглубь гигантского лабиринта. Я не сразу понял, что он ведёт меня к своему кабинету. Вот мы прошли киоск для художников, где я выменял книгу на карандаш. Далее - узкий коридор, стальная лест-

нища и мост. Потолок бесстрастно свидетельствовал — я и Старьёвщик приближаемся к «Зеркальному Замку».

У самого входа он обернулся и, улыбаясь без тени насмешки, молвил:

— Будь почётным гостем!

Вошли. Снова удивился ощущению «зависания» над безбрежным мегамаркетом. Благодаря прозрачным односторонним зеркалам можно разглядеть, как скопище торговых точек простирается насколько хватает глаз.

— Присаживайся, — сказал Старьёвщик непривычно учтиво.

— Нет, я постою, — упёрся я.

— Так не пойдёт. Нужно, чтобы ты сидел.

Несмотря на лёгкую опасливость, я всё же подчинился. Ещё трудно понять и принять этого нового Моррисона.

Он подбежал к одной из прозрачных стен, к которой прикреплена стеклянная ручка (такая же, как на входной двери). Аккуратно взялся и потянул на себя. Но, вопреки ожиданиям, за прозрачной дверью не разверзлась пропасть торговых рядов... Я даже подумал, что он собирается спрыгнуть... Но, конечно, этого не произошло.

Так и не уловил, как в открывшемся проёме возникла дверь в иное помещение. Мотнул головой, пытаюсь избавиться от морока... Тщетно. Старьёвщик же, пока я приходил в себя, исчез в проёме. Для обзора была доступна лишь малая часть каморки — кусок кровати, большой белый ковёр да этажерка. Не так просто оказалось одновременно держать всё в голове — и вид на беспредельный муравейник, и портал в потайную комнату...

Стараясь найти разумное объяснение, решил, что стены оклеены обоями-обманками. В надежде развеять иллюзию обернулся ещё на две другие прозрачные двери. Их наличие выдавали лишь парящие стеклянные ручки. Присмотревшись, вынужден был констатировать абсолютную реальность стен. В итоге смирился с привычным абсурдом.

Ази вышел из комнаты, толкая перед собой большое зеркало на колёсиках в тяжёловесной резной раме.

— Это ещё что? — удивлённо осведомился я.

— Зеркало, — как ни в чём не бывало, добродушно пояснил Моррисон.

— А для чего?

— Ну, как же... Преображаться будем! — довольно хихикнув, сказал он и водрузил агрегат напротив меня.

Сначала Старьёвщик направился к открытой двери, чтобы резким движением захлопнуть её. И лишь затем приблизился к той, что справа от меня. Повозившись с ручкой, всё же отворил прозрачную дверь. Что там, было не разобрать из-за темноты. Делец удерживал в руках нечто, прикрытое тёмной тканью.

— Что это?! — я напрягся в предчувствии подвоха.

— Не узнаёшь старых знакомых? — и сдёрнул ткань.

Обуяли тошнота и страх. В недрах трёхлитрового баллона бесновалась и скользила по стеклу одна из личинок, паразитировавших на сумеречных пилигримах.

— Пожиратели Времени собственной персоной, — словно добрую знакомую, представил он тварь.

— Убери! — не на шутку перепугавшись, заорал я.

— Тише-тише... Так надо...

— Убери! — не успокаиваюсь я. Отвращение сильнее разумных доводов и слабых попыток успокоить меня.

— Помнишь, я вспомнил слова Пророка, что у всего есть две стороны: белое и чёрное, добро и зло, потребление и созидание... У этого создания тоже две сущности. Оно не только пожирает время, но и материализует грёзы. Хочешь скорее обрести себя и выбраться отсюда - доверься мне. Конечно, можешь и сам попробовать — верных путей всегда несколько... Но не факт, что та дорога короче. Ну, унялся? Просто расслабься... Эта создание — не червь, а метафора, созданная кем-то, чтобы его суть была понятней.

Несмотря на ужас, я всё же верил себя этому человеку:

— Что нужно?

— Пока поудобнее сядь в кресле, утони в нём и закрой глаза...

Я так и поступил.

— Сейчас я коснусь твоего лица. Не пугайся, — спокойный голос Старьёвщика убаюкивал.

Моих губ коснулась склизкая дрянь... Я догадывался, что это за мерзость, но не хотел себе признаваться.

— Облизывай рот! — скомандовал он. — Не теряй ни капли...

Пришлось слизывать терпкую субстанцию с губ. Но она продолжала прибывать. Давясь, я глотал, а в голове всплывали ски-тальцы, месящие ногами тьму. Катилась тошнотворная волна.

— Спокойно!!! — орал Моррисон.

Лишь закончилось зелье, дико разболелась голова.

— Можешь открывать глаза.

Я очнулся. От света и обилия информации муки только усилились.

— Это что-то значит, — сказал он. Его руки были будто в саже. Пустой баллон - на столе. Твари нигде нет.

— Чернила, выделяемые «пожирателями», актуализируют желания, мечты и так далее. Ты правильно подметил, здесь головная боль не нужна. Значит, это что-то важное из твоего прошлого, которое ты обязан отыскать. Итак... — он вытер руки о костюм, выпачкав его. — Теперь смотри в зеркало.

Там отражался я собственной персоной, измотанный и грязноликий. Весь вид говорил, каково мне. Боль неистовствовала, вонзаясь в висок раскалённой иглой. Она была повсюду. Змеясь по венам, проникая в каждую клетку... Я буквально слышал, как сердце гроыхает кузнечным молотом, транспортируя коктейль из крови и опасного яда. Не хотелось терпеть это, но заставить замолчать сердце означало гибель. Смерть?!

Ничего не оставалось, кроме как слушать ритм близкого краха. Тук-тук... Тик-тук... Тик-так... Я полностью исчез, растворившись в биении жизни.

Из спокойствия и пустоты выдернули настойчивые шлепки по лицу. Пришлось открыть глаза. Старьёвщик куда-то указал взглядом и произнёс одними губами:

— Смотри!

На кисти левой руки, застегнутая на ремешок, держалась диковинная вещица типа браслета, но странного вида. В центре помещался округлый сплюснутый камень со стеклянной крышечкой. Внутри различалась белая поверхность с четырьмя чёрными

цифрами, двумя стрелками и квадратным отверстием. Там маячили чёрные же два поля.

— Что это? — спросил я Моррисона, не имея сил оторвать глаз от чудесного агрегата.

Он ухмыльнулся:

— Часы. По ним узнают время.

— «Время»?

— Тебе многое нужно узнать. Например, почему не болит голова.

И в самом деле, боль ушла!

— Время — такая штука... Даже не знаю, как объяснить... Понимаешь смысл следующих понятий — будущее, прошлое, недавно, давно, скоро, потом, позже, минута, час, мгновение?

Я недоуменно посмотрел на Ази.

— Каких понятий?

— Названных только что... Ну-ка... Повтори, что я сейчас скажу. Готов? Итак... Завтра, вчера, скоро...

— Ты просто шевелишь губами, Азии. Звука нет.

— Понятно. Всё, связанное со временем, ты не воспринимаешь. Я бы тебе рад помочь с этим разобраться, — Старьёвщик посмотрел вдаль. — Но боюсь, нет у меня этого самого времени. Непонятно...

Я проследил за его взглядом. Почудилось: ничего особенного не происходит. Присмотревшись внимательно, понял — *видна граница коридоров!* Это значило лишь одно: магазин сжимался.

— Но почему? — я пытался понять, что происходит. — Ты говорил, что Центр увеличивается, а не наоборот.

— Сам виноват! — победоносно огрызнулся хозяин. — Нечего было столько болтать! Доигрался, что и до меня дошло! Пора двигаться дальше. Сваливаем!

Он совсем невежливо подталкивал меня к выходу.

— Подожди! Что мне с этим делать? — запротестовал я, указывая на кисть.

— Часы — подсказка. Это важная часть твоего прошлого. Дело за тобой — узнай, что они значат...

— Я думал, ты всё объяснишь!

— Откуда я могу хоть что-то про тебя знать? Разберёшься с хронометром — докопаешься до себя. Доверься Миру - он приведёт, куда нужно. В путь! Ещё вопросы?

— Да. Всего один...

— Ну?! — Старьёвщик нервно оглядывался: стены неотвратимо наступали.

— Пусть вот эта дверь ведёт в Центр, эта — в комнату, эта — в темноту, откуда Вы принесли Пожирателя Времени. А куда ведёт вон та? — Я указал на четвёртую. Единственную, не открытую при мне.

Улыбка Азии сделалась блаженно ватной.

— Это моя Заветная Дверь, в которую я когда-нибудь войду... И благодаря тебе это произойдёт совсем скоро. Раньше я не мог её открыть. Сейчас всё изменится. Поэтому и тороплю тебя. Вместе со мной исчезнет и Центр. А что будет с тобой — неизвестно. Пора!

Он буквально вытолкнул меня.

— Всё будет хорошо. Ты смыслённый.

В ответ я лишь махнул рукой и пошёл, цокая по стальному мосту.

— Эй, Харон! — позвал он. Когда я обернулся, Старьёвщик бросил короткое «спасибо».

Спуск. Границы мегамаркета совсем рядом. Найти выход не составило труда. Внизу - ещё сюрприз: ни в холле, ни в магазинах никого не было. Умолкла музыка. Погасли лампы. В фонтанах заснула вода. Всё замерло.

Я шёл по совершенно пустому помещению с чувством, будто двигаюсь против правил, нарушая хрупкое равновесие затишья.

Всмотрелся в циферблат. Две стрелки замерли на месте — неподвижные, как и всё кругом.

Делать нечего - нужно идти дальше. Искать выход в непроглядном тумане.

Глава III

ДЕВУШКА В КРАСНОМ

В предвкушении выходных даже сон необычный — более сладкий, насыщенный яркими красками и покоем. Далёкие миры вперемешку со сказочными персонажами заполняют голову мальчика яркой фатасмагорией. Стоит открыть глаза — и все они перекачуют на бумагу, начиная новый день парнишки с карандаша... Что лучше? Не как в будни, когда даже самому тяжело признавать необходимость нового дня. А выходные — два дня свободы от школьной тоски и жестоких ровесников.

Оставляя глаза закрытыми, Алан взбил подушку, надеясь ещё понежиться. Хотя знал, что это пустое. Валяйся слишком долго — роль будильника исполнит мама. Выходные всегда загружены делами по хозяйству. А главное — помощь отцу со стадом... Но обязанности — пустяки! Главное — уроки сделаны заранее. Значит, времени на рисование будет больше. После обеда должна прийти Алина — поболтать, обсудить прочитанное. Девчужку смело можно было назвать его музой. Сам он читать не любил. Зато подруга, «тоннами» поглощая книги, всегда рассказывала кучу историй. Из них в глубинах души и формировались цельные образы. Со временем они перекачевывали на бумагу. Так и получалось нечто вроде общего дела. Она дарила мнимые миры. Мальчуган их изображал. Алина всегда искренне восхищалась талантом друга. А он её похвалу не принимал всерьёз, считая лишь данью вежливости.

Сколько Алан себя помнил, они были вместе. Всегда много смеялись, подшучивая над окружающими, над кем можно и кем нельзя. Жаловались друг другу или хвастались достижениями... Могли проводить сколько угодно времени вместе, совершенно не уставая. В селении такая дружба между мальчиком и девочкой традиционно не приветствовалась. Осуждались любые близкие отношения между будущим воином и непорочной девой. Но в

случае «сладкой парочки» все уже давно считали их определившимися в своём выборе супругами. Поэтому особо не противились и не попрекали. Паренька такой порядок вещей вполне устраивал - лишь бы не навязывали свои дурацкие устои. Несмотря на зависть (многие парни даже и мечтать не могли о дружбе с девочками) и постоянные подначки большинства одноклассников, Алан не представлял свою маленькую ограниченную школой и заботами жизнь без Алины и её историй. Подруга и её рассказы неразрывно сливались в единое целое. Без этого не будет рисунков. А без рисунков нет смысла просыпаться по утрам. Вот и выходит, что без Алины нет жизни. Наивная логика, но так оно и было.

Алан перевернулся. Вспоминались сновидения. Их было несколько. И все - с причудливым сюжетом, словно кино... Но ярче всех — тот, где он пытается переубедить сельчан посмотреть в окна с другой стороны вагона. Только в этот раз почему-то он был в форме проводника. А потом сидел на крыше вагона посреди спокойного океана, созерцая закат. Удивительный сон! И почему поезд?

После следовал сон с часами... СОН?!

Он поднял руку, чтобы осмотреть запястье — те же самые часы сидели как влитые, хотя ещё вчера болтались. Разве может браслет за ночь сам подтянуться? Но самое главное — стрелки ожили и начали отсчитывать минуты, но почему-то *в обратном порядке!* Что это значит?

Кажется, Алан припоминал, как прошлой ночью на разгадку тайны «неправильных часов» потратил уйму времени, но так ничего и не понял. Сейчас тоже ничего нового в голову не пришло. Потом можно будет спросить у кого-нибудь сведущего, как это возможно.

На всякий случай, он попробовал ещё немного повозиться с ремешком. Но, как и раньше, расстегнуть его так и не получилось. Сдавшись, мальчик выдохнул и одним рывком вскочил с кровати. Впереди - два благословенных дня без школы...

— А я уже собиралась идти будить тебя. Давай быстро ешь и собирайся к отцу, — приказала мать, выкладывая со сковородки

завтрак. — Придѣшь - будут картофчины готовы¹.

И, действительно, в большом ведре варилась картошка.

— Отлично! — обрадовался Алан. Не боясь, можно отдавать руку на отсечение, что ничего вкуснее маминых пирогов на свете не существует.

— Сегодня Алина придѣт? — спросила мать.

— Вроде должна, — проговорил Алан, стараясь ответить внятно. Не так-то просто разговаривать с набитым ртом. — Может, после обеда.

— Жаль... Если б раньше, с пирогами помогла бы. Надо учиться - скоро, как-никак, хозяйкой быть.

Хотя мать и стояла к нему спиной, он наверняка знал, что она ехидно улыбается. Мама часто разными способами намекала ему о желании видеть Алину в невестках. Мальчик эти разговоры терпеть не мог.

— Мам, перестань!

— А что?! — мать повернулась к нему, изображая самый невинный взгляд. — Думай — не думай, а пару годков пролетит — не успеешь опомниться, как молодую жену в дом приведѣшь. Время-то подходит.

— Кстати... — отчасти решив переменить тему, отчасти на самом деле из желания узнать, Алан спросил: — А часы могут идти назад?

— Это как? — не поняла мать.

— Когда стрелки против часовой движутся.

— Ты хоть сам понимаешь, что говоришь?! «Часовые стрелки против часовой» — глупости! А чего ты спрашиваешь?

На секунду Алан замялся, размышляя, стоит ли говорить матери о часах. Решив, что вреда не будет, он закатал рукав на левой руке и показал их маме. Она мигом схватила его за запястье, пристально всмотрелась в циферблат, а затем грозно спросила:

— Откуда они у тебя?

— Нашёл...

— Где?!

¹ Картофчин — традиционный осетинский пирог с картошкой

— А где можно что-то подобное у нас найти? Конечно, у дороги возле магазина, — соврал Алан. — Наверное, кто-то из иностранцев, проезжая мимо, потерял... Или туристы.

— Точно нашёл?! — мать всё не могла поверить в везучесть сына.

— Точно-точно!... — уже сожалея о раскрытых картах, Алан стал прятать их под рукавом. — Только они поломаны. Назад идут.

— Покажи...

Мать ещё раз крепко схватила его за руку и замерла на какое-то время, стараясь уловить почти незаметное движение минутной стрелки.

— Хм-м... И в самом деле назад. Удивительно! Может, о камень ударились, когда падали, вот и сместилось что-нибудь?

Немного постояв в задумчивости, мать вновь приступила к натиранию сыра.

— Только отцу не говори о часах. Он рассердиться может и выкинуть их, — порекомендовала она. — Надо же, обратно идут. Удивительно!

До пастбища приходилось подыматься вверх по склону не меньше сорока минут — почти на самую вершину. Затем обойти холм слева — это ещё где-то минут двадцать. Чем ближе зима, тем дальше пастбище от дома. За весну и лето овцы успевают подчистую «выесть» весь склон. И с каждым днём приходится уводить их всё дальше от села. Травянистые пастбища в горах — редкость. Поэтому покрытые скудной растительностью холмы уже многие века поделены между селениями. Пастбища деревни Алана находились на северном склоне Зелёной горы. Южный принадлежал уже другой деревне. Той, где жил Цакой.

Веками сложилось, что травы овцам хватало ровно с весны по осень. Не больше и не меньше. Причём из-за небольших размеров участок может прокормить только определённое поголовье. Если превысить общее количество овец хотя бы на десяток, то корма могло не хватить.

Из-за таких ограничений издревле статус семьи в деревне зависел от количества баранов. Отара семьи старосты больше всех.

Остальные — приблизительно одинаково. В зависимости от заслуг перед селом, семье могут «подарить» право на ещё одно животное. Так, например, семье одноклассницы, за то, что она прославилась именем деревни победой в музыкальном конкурсе в Городе, разрешили увеличить количество овец на целых три.

Бараны — это достаток: мясо, сыр, молоко, шерсть, то есть товар. Чем больше овец, тем больше товара, а значит и денег. Где больше денег, там и семья многочисленнее.

Так и получается, что самая большая ценность в этом мире камней и ветров из-за своей редкости — это обычная трава, летом идущая на корм стаду, а ближе к осени — ещё и на запасы сена.

Предки воевали за пастбища. Разгорались настоящие войны за цветущие, живые клочки земли. Сёла уничтожали друг друга ради лишнего метра и возможности выкормить ещё одну овцу. Чем больше у селения земли, тем более населённым оно было. В сравнении с остальными, деревня Алана была средней.

Конечно же, времена сейчас уже не те и никто друг друга за землю не резал. Поэтому численность стад оставалась приблизительно одинаковой. Прирост если и был, то незначительный. Исторически сложившаяся вражда между сёлами в современном мире превратилась в соперничество между учениками. Школа осталась единственным местом столкновения представителей сразу нескольких деревень.

По местным меркам, семья Алана считалась бедной. Не потому что дом или сад их был меньше, чем у других — такие же. Дело было в числе баранов. Скота хватало лишь на пять человек — всего ничего: два прародителя, два родителя да ребёнок. Семья Алана жила сносно лишь из-за ранней смерти родителей отца — бабушки и деда. Иначе бы жили в нужде. А приведи он ещё и жену, вообще пришлось бы нищенствовать. Хоть бери в руки меч да стрелы и иди войной на соседнюю деревню.

Мальчуган никогда не понимал и не любил эти устои со множеством ограничений, диктующие, как жить: кто плохой, а кто хороший; кто должен быть богат, а кто беден. Алан не понимал, почему, если его прадед совершил какую-то глупость, за что его

семью лишили большей части овец, он сам должен пожизненно ощущать последствия чьего-то проступка. Хотелось отвечать лишь за себя и свои поступки, но так почему-то не получалось. Мать вечно требовала оглядки на мнение соседей. «Всегда думай о последствиях! Если люди думают о тебе хорошо, то и у тебя все будет складно, — постоянно повторяла она, когда сорванец чудил. — Твой прадед наделал делов — до сих пор расхлебываем. Хочешь, чтобы и тебя дети не любили? Меня не жалеешь, подумай о потомках!»

Притом никогда не разглашалось, что ужасного натворил пращур. С самого детства Алан чувствовал табу — запрет на любую попытку узнать о промахе предка. Странно это — упоминать-то упоминали, причем часто, а что именно случилось — говорить нельзя.

«Я за твоего отца вышла только по большой любви. Меня же в его семью отдавать не хотели. Говорили, зачем тебе нищий? А я никого не слушала - люблю и всё! И плевать было, что предок его натворил...» — иногда мечтательно вспоминала мать.

Сын ненавидел, когда она так говорила.

— Так, а что он «натворил»? — как-то спросил он, несмотря на негласный запрет.

Мать *так на него посмотрела*, что Алану тут же захотелось проглотить собственный язык. Чем глубже родители пытались похоронить тайну прошлого, тем больше ему хотелось найти отгадку.

Показавшееся впереди стадо вернуло его к реальности. Ещё издали Алан понял, что сегодня отцу он не помощник. Молодой барашек брыкался на дереве, привязанный вниз головой к толстой ветке. Видимо, приближалось очередное празднество. Чаще всего овец резали по какому-то поводу. В деревне всегда скучно и нечего делать, кроме как день напролёт работать, а по вечерам собираться за большим столом очередного гостеприимного хозяина, чтобы пировать. Подобные застолья случались часто, если не сказать постоянно. Гости приносили с собой какие-нибудь блюда, а хозяин резал овцу. Мясо невинноубиенной затем вари-

лось в большом чугунном жбане.

Сам Алан был не против такого распорядка. В вечера посиделок его родители покидали дом и не появлялись допоздна. А, бывало и по два дня кряду. Это было настоящее счастье...

Задние ноги барашка накрепко перевязаны толстой веревкой. Чтобы не пугать стадо расправой над сородичем, пастухи занялись этим в сторонке.

Увидев главное блюдо праздника, Алан будто наткнулся на невидимую стену. Он знал, *что сейчас последует* за жалобным бляньем. Справившись с тошнотой, мальчик стал приближаться к отцу и еще паре «колдующих» над жертвой пастухов. В руках отец держал большой отточенный нож. Алан старался идти как можно медленнее, стараясь оттянуть момент встречи с обыденной жестокостью.

Заметив приближающуюся фигуру, мужчины что-то сказали стоящему спиной отцу. Тот обернулся. Отец махнул рукой (той самой, в которой был нож), мол, «поторопись». Но Алан, даже если бы захотел, не смог бы ускорить шаг — ноги сами готовы были унести его подальше от этого места. Всё время бедный ягнёнок брыкался, извиваясь на веревке, и громко блял. От этих звуков становилось еще хуже.

Когда ребёнок подошел к мужчинам, словно замороженный, наблюдая за страданиями живой твари, отец, как всегда в спокойном приказном тоне, сказал:

— Ближе подойди, не укусит...

Пастухи за его спиной непонятно чему ухмыльнулись. Сколько бы ему ни приходилось видеть обыденное убийство, он всё не мог к этому привыкнуть. И каждый раз, словно впервые, его лицо зеленело, а содержимое желудка просилось наружу. Все в деревни знали о его жалости и подсмеивались.

Когда он подошёл вплотную к отцу, тот лишь молча протянул ему нож. Алан отшатнулся.

— Возьми... — угрожающе прошипел отец. — Как ты станешь отвечающим за свою семью мужчиной, если даже прокормить ее не сможешь? Сегодня *ты* разделаешь его...

Отец смотрел на сына холодно. На лице не было тепла, словно

он разговаривал с камнем, а не с собственным сыном. Алан вообще не помнил, чтобы отец хоть когда-нибудь улыбался.

Вместо ответа он замотал головой. Мальчик хорошо знал, чем это чревато, и наказание последовало незамедлительно. Когда в культуре строго настрого запрещено старшим говорить «нет», пощечина возразившему сыну не воспринимается как нечто ненормальное.

Ударяя, отец не пожалел силы, вложив в пощечину всё своё презрение к слабости недостойного чада.

— Будешь чашу держать... Натик, дай ему чашу.

Один из пастухов протянул Алану глубокую глиняную чашу, в которую собирается кровь жертвы.

Барашек забился еще сильнее, явно чувствуя скорую гибель.

Околдованный, впавший в транс Алан застыл на месте: звуки, краски, движения смешались в кучу. И даже мысли увязли в кровавой жиже. Он перестал ощущать себя живым. В тело вселилось странное ленивое создание, не желающее и пальцем пошевелить и оттуда управляло им.

Рук коснулось что-то гладкое и прохладное. Рефлекторно Алан сжал пальцы и лишь затем посмотрел — оказывается дядя Натик, папин друг, впихнул ему в руки большую глиняную чашу.

— Подойди ближе... — словно издалека, с другой планеты слышался голос отца. Алан шагнул вперёд, не видя, куда идёт. Что-то стукнуло. Понадобилось истратить последние силы, чтобы сконцентрировать взгляд. Когда цветные, непонятной формы мазки прояснились, наконец обретя форму, он смог увидеть на расстоянии вытянутой руки брыкающуюся овцу. Видимо это он, извиваясь на веревке, задел ребёнка.

Отец в несколько привычных движений подошёл к жертве, схватив за рога, и лишь на мгновение острием ножа коснулся шеи. Тотчас из раны густой струей полилась бордовая, почти чёрная кровь...

— Чашу подставляй! — орал отец.

Алан сделал, как ему велели... Только руки тряслись, и, казалось, совсем не могли держать глиняную миску, ставшую вдруг непосильным грузом. Кровь текла куда угодно, только не в посу-

дину. Руки мгновенно, как перчатками, обтянуло вязкой жидкостью — жизнью барашка. Алан даже не стремился ровно держать чашу, да если бы и захотел, то не смог. Мальчик смотрел на свои руки, окропленные украденной жизнью... Мир снова расплывался цветными пятнами.

Его сильно толкнули в бок. Так, что он отлетел в сторону на несколько метров. Тут же тело показало свое отношение к человеческой подлости и смерти. Оно вывернувшись наизнанку. Спазмы сжимали желудок, даже когда внутри было пусто... Ещё какое-то время Алан, не шевелясь, лежал на холодной земле, пока мир вокруг не перестал вертеться и можно было свободно дышать.

Смертные судороги уже прекратились. Ныне покойный баран больше не конвульсировал, зависнув в нескольких метрах над землёй. Милое, безобидное живое существо стало мёртвой тушей. Куском мяса к столу. Ещё чуть - и отец начнёт порошить.

— Можешь идти домой, — сказал отец, даже не обернувшись. — Всё равно ты ни на что не годен...

Стараясь не касаться грязными руками одежды, Алан встал и быстрым шагом направился обратно, сбегая подальше от отцовского презрения и жестокости.

У подвесного моста, ведущего в Мёртвый Город, мальчик спустился к реке. Нужно как можно скорее очистить руки и лицо. Конечно же, он знал, насколько может быть опасен бурлящий поток. В деревне постоянно рассказывали истории, как дикая вода уносила с собой скот и людские жизни, осмелившиеся коснуться её. Но другого выбора всё равно нет — не оставлять же на руках запекшуюся кровь и блевоту.

В смешанный с песком поток воды с рук Алана падали красные капли. Течение мгновенно уносило следы убийства. Тщательно вымыв руки и обтерев лицо, мальчик перебрался через мост и направился вверх, к саклям Мёртвого Города. Сегодня можно будет сидеть сколь угодно, не боясь родительского гнева.

Подобные разногласия с отцом были постоянными. Родитель прекрасно знал, на что способен его сын, а что ему претит. Но всё равно пытался переделать Алана, не считаясь ни с чем. Разум

мальчика затмила всепоглощающая обида. Он мог позволить себе признаться, что отец таким образом пытается польстить себе. Но когда чувства немного утихали, сын вновь «вспоминал», что «воспитательные моменты» вроде сегодняшнего, не более, чем странная забота родителя о своем чаде. «Отец хочет, чтобы я научился всему необходимому и был приспособлен к жизни. Он хочет, чтобы я стал настоящим воином!» — позволял он сам себя убедить.

Культ предков, уже многие века царящий в горах, обязывал почитать пращуров, храбро защищавших от нашествия чужеземцев, голода и мора. «Мужчина должен быть воином!» — с самого детства внушали мальчишкам. Кумиром был образ настоящего отца семейства в доспехах, с кинжалом в руке и колчаном за спиной. «Мужчина не жалуется! Мужчина не просит, а требует! Мужчина не чувствует, а действует!» — это был символ веры. Сколько Алан помнил себя, он всё время сравнивал отражение в зеркале с образом того самого мужчины-воина. Но всё никак не мог понять — почему он не считает зазорным и попросить, и признаться в своих чувствах? Не понимал, почему это считалось позорной слабостью? Из-за противоречия между слышимым и чувствуемым внутри постоянно шла битва между «как надо» и «как хочется». Победа была переменной.

Может, именно в том, что среди руин удавалось представить себя в образе истинного воина, достойного предков, и кроется загадка притяжения Мёртвого Города.

Тропинка круто уходила вверх. Получалось, что, перейдя подвесной мост, начинаешь сразу подниматься, так что виднеются лишь кромки двух ближних башен. А затем тропа неожиданно обрывается, превращаясь в большое ровное плато — фундамент для саклей.

Погруженный в мысли об отце, Алан и не заметил, как пришёл. Всё, как всегда... Разве что девушка, сидящая на белом «жертвенном» камне, совсем не вписывалась в пейзаж. Её вечернее алое платье колыхалось под порывами ледяного ветра — вечного горного скорохода. Она сидела, обняв руками ноги и уткнувшись лбом в колени, так что за огненно-рыжей копной волос

нельзя было разглядеть лица. Конечно же, платье не могло полностью защитить хрупкое тело от порывов ветра, потому что плечи были оголены, а ступни - босы.

Как эта девушка могла попасть сюда и откуда она вообще взялась — было загадкой. На миг померещилось, что незнакомка могла явиться из этого идеально гладкого белого валуна, на деле оказавшегося гигантским коконом. Родилась, чтобы мгновенно замёрзнуть под порывом ледяного шквала.

Отринув мысль уйти без проблем, парнишка медленно, боясь напугать, приближался к ней. Под ногами шуршал щебень. Рыжая, вздрогнув, подняла голову. Открылось заплаканное лицо. Он растерянно застыл на месте.

Девушка в красном отёрла лицо и произнесла:

— Уай зис стоун уорм? — и голос, и она сама сильно дрожали.

— Ай донт ноу... — медленно проговорил он. — Ит вос олвэйс...
Аз ай рэмэмбэ майсэлф.

— Ит'с стрэйндж...² — протянула она блёклым голосом, и вновь заняла прежнюю позу, уткнувшись лбом в колени.

Алан, вовсе оторопев, решил приблизиться.

— Вам холодно? — продолжил он по-английски.

— А ты как думаешь? — пробубнила она, не шевелясь.

Парнишка тотчас снял куртку и накинул ей на плечи. На нём остался свитер. Даже сквозь толстую вязку чувствовались уколы студёного ветра. Каково же было ей?

— Вы из санатория?

Она вновь с явной неохотой оторвала голову от колен и посмотрела на него:

— Откуда?

— Ну, из санатория для иностранцев?

— Он называется «Красный Замок». Да, я оттуда... — она пристально глядела в глаза мальчика, будто стараясь прочесть, что

² - Why this stone warm? (Почему этот камень теплый?)

- I don't know... It was always... As I remember myself (Я не знаю... Так было всегда... Сколько я себя помню.)

- It's strange... (Это странно...)

ему, собственно, нужно.

— Так может, лучше вернуться?

— Может... — казалось, до неё с трудом доходит смысл происходящего.

— Тогда я помогу! — предложил Алан.

Но иностранка лишь пожалала плечами. Расшнуровав тяжёлые ботинки, он снял их, чтобы обуть её. Кое-где на ступнях виднелись свежие порезы, судя по всему, оставленные камнями при подъёме. Девушка безучастно наблюдала за тем, как неизвестный парень, словно на куклу, пытается натянуть на неё свою обувь — поднял ногу, просунул в ботинок, зашнуровал. Справившись с одним, то же самое повторил со вторым ботинком.

Помог подняться. Незнакомка оторвалась от камня нехотя, словно вместе с теплом древний алтарь питал её тело жизнью. Застегнув на ней куртку и взяв под руку, мальчуган повел её к «Красному Замку».

За всю дорогу она сказала лишь одну фразу:

— Н-да... Не рассчитала с погодой... — чтобы затем вновь замолчать.

Приближаясь к санаторию, Алан пытался придумать, как можно сообщить о своей окоченевшей спутнице. Ведь, чтобы связаться с кем-нибудь из «Красного Замка», для начала нужно как-то проникнуть на территорию, преодолев огромный кирпичный забор. Но тревожился он напрасно. Лишь только пара приблизилась к запретному для сельчан месту, огромные ворота отъехали в сторону. Возникла группа людей. Некоторые из них кинулись навстречу. Паренёк испугался, что именно его обвинят в случившемся. Но не кидать же беззащитную иностранку прямо на землю.... Всё обошлось...

Подбежавшие мужчины, словно пустую сумку, подхватили девушку и унесли внутрь. Казалось, они вообще не замечали Алана, перебрасываясь короткими фразами:

— Куртку придержи...

— Давай живо к врачу...

Среди деловитой суеты он чувствовал себя призраком-невидимкой. Мужчины поднесли девушку к остальным людям, а

было их человек десять. И те сразу же окружили её. Теперь за мельтешением спин он мог видеть лишь клочок красного платья да огненную прядь. Все оживлённо переговаривались. Но о чём именно – не разобрать. Голоса сливались в общий гам. Помимо английского, звучали и другие языки.

Мальчик стоял, дожидаясь развязки, и не решался приблизиться к забору. А о том, чтобы уйти, вообще не могло быть и речи. На девушке всё ещё оставались его куртка и башмаки. Объяснить родителям, куда на самом деле подевались вещи, было равносильно подписанию смертного приговора. Особенно после сегодняшнего инцидента с отцом. Так что, кроме как ждать, ничего не оставалось.

Сердце вновь ёкнуло, когда спустя минуту всё скопище встревоженных чужаков вместе со спасённой незнакомкой спешно стали двигаться к большому зданию в глубине территории. Страх остаться разутым подкреплялся холодом. Ноги и тело успели окончательно замерзнуть. Но его опасениям не суждено было сбыться. От общей группы маленькой белой точкой отделился некто. Добравшись до ворот, прежде чем выйти, он зачем-то внимательно посмотрел по сторонам и только затем махнул рукой Алану, чтобы тот подошёл ближе.

Мальчуган приблизился к высокому худощавому человеку в нелепой белой шубе и такого же цвета шапке-ушанке. Когда паренёк остановился метрах в трёх от человека, тот спросил на ломаном русском с сильным акцентом:

— Тебя как зовут?

— Алán, — послушно ответил мальчик.

Мужчина почему-то сразу заулыбался и сделал жест руками, расставив их широко в стороны, будто собирался обниматься:

— Удъэвитэлно-о! Мой лучший друг дэтсва тожэ звался Алан. Просто-о удъэвитэлно-о!

Алан ничего не ответил, даже не зная, как реагировать на это. Он вообще сейчас плохо соображал, зная лишь, что хочет забрать свои вещи да поскорее оказаться дома и улетать мамины пироги.

— Пойдэм сэ мной, — спокойно проговорил мужчина, и, раз-

вернувшись на сто восемьдесят градусов, направился в ту же сторону, куда унесли девушку, видимо даже не сомневаясь, что мальчик последует за ним.

Хотя тело трясло то ли от холода, то ли от неведомого доселе смещения чувств страха, любопытства и волнения, Алан, не задумываясь, последовал незнакомцем.

Заходя в большие ворота, трудно было не заметить множество направленных в разные стороны видеокамер. Теперь стало очевидным, как внутри узнали об их приближении. И правда, Алан только сейчас вспомнил, как слышал от кого-то из школы, что ближе, чем на тридцать метров, к санаторию не подойти. Сразу откуда ни возьмись появляется когда один, а когда и несколько охранников и прогоняют любопытных «оборванцев» на нужное расстояние.

Лишь стоило шагнуть внутрь, как ворота сами начали закрываться. Справа виднелся небольшой домик. «Видимо, охрана», — решил Алан.

Мужчина шёл впереди, и Алан мог беспрепятственно рассматривать внутреннее устройство этого загадочного места. Большая территория покрыта короткой травой, тропинки из разноцветных кирпичиков огорожены ухоженными кустарниками и множеством деревьев со вплетёнными в кроны лампами фонарных столбов — искусно созданная роща для неспешных прогулок. Везде расставлены пустующие лавочки; виднеются какие-то постройки типа беседок; есть зона с гимнастическими снарядами, качели. Весь огромный двор завален громоздкими безделушками «для красоты»: арками, странными скульптурами да кружевными урнами. Кажется, всё разбросано и нагромождено лишь бы как. Но, если не придирается, а просто гулять, наслаждаясь наилучшим горным воздухом, оказывается, что всё здесь гармонично дополняет друг друга. До этого момента Алан никогда в жизни не видел подобной красоты, и не подозревая, что рай на земле можно создать руками искусного дизайнера.

Будто почуяв восхищение, идущий впереди, не останавливаясь, обернулся и, мимолетно глянув на Алана, спросил:

— Нр'явица? — чтобы, не дождавшись ответа, опять уста-

виться вперёд.

Мальчик не знал, нужно отвечать или нет. Но, на всякий случай, негромко сказал, что здесь очень безмятежно.

— А я-а управляю всей этой красотой, — похвастался мужчина на ушанке. На это Алан решил промолчать...

В «Красный Замок» они вошли через центральный вход. «Управляющий всей этой красотой» больше не оборачивался, ведя паренька по лестницам и коридорам. Алан начал думать, что мужчина и вовсе забыл про него и теперь просто шёл по делам. Чего-то особенного из убранства коридоров, залов и переходов, которыми они бесконечно долго брели, не запомнилось. Раньше он часто, валяясь в кровати, задавал себе вопрос: «Как-во внутри санатория?» Мнилось: большие комнаты заставлены дивной резной мебелью, везде цветные гобелены и полотна, статуи и вазы с цветами украшают будни иностранцев. Так оно и оказалось. Пока мальчик шёл за управляющим, его путь сопровождало нагромождение каких-то (наверняка, ужасно дорогих и изысканных) предметов интерьера: ярких обоев, занавесок, тюля и другой мишуры, слившейся в единый комок смутных образов. Мечтая, он свято верил — если судьба смилостивится над ним и позволит побывать внутри этого здания, то наверняка он станет свидетелем мгновений жизни наивысшего света. Сейчас же ему всё было безразлично. Он просто следовал за провожатым...

Задумавшись о своём и даже особо не глядя по сторонам, он чуть не налетел на шедшего впереди, когда тот неожиданно остановился. Мужчина обернулся, посмотрев на Алана так, словно не ожидал его увидеть.

«Ты ещё здесь?» — казалось, вот-вот спросит хозяин санатория. Но вместо этого сказал (всё на том же кошмарном русском) ломая до неузнаваемости знакомые с детства слова:

— Пака нэ рэши-им чьто да ка-ак, поси-ди, подожди, оукей? А йа пака подума-аю, чьто дэлат буддем.

Алан не понял, где ему посидеть и чего, собственно, ждать. Ответы нашлись сами. За спиной мужчины обнаружилась большая дверь. Распахнув её, он обнаружил огромный, заставленный сто-

лами и стульями зал.

— Скоро-о оу-бэд, п-этому скоро-о бюджет много-о людэй. Вибэ-ри стоул гдэ-нибуд в угль-у и жди-и мэна. Как виясну всо, придут-у зэ табой. Даффай... — сказал он, помогая Алану протиснуться внутрь.

Просторный зал очень напоминал весеннюю поляну. Только вместо цветов её усыпали круглые столики, лепящие белоснежными скатертями. Пока что, кроме небольших вазочек с тремя розами — красной, белой и жёлтой, на столах ничего не было и обеда не превещало.

«Уже время обеда! А сколько именно?» — Алан автоматически поднял левую руку и закатал рукав, желая глянуть на часы. Движение получилось таким естественным, будто он всю жизнь с самого рождения носил эти часы, периодически поглядывая на них. Но, как и раньше, механизм работал неисправно, отматывая время вспять. На циферблате дней красовалась «тройка».

Алан наугад прошёл к одному из столиков и уселся. Только сейчас почувствовал, как дрожит от пережитого тело. Ему вдруг захотелось оказаться в своей кровати под толстым ватным одеялом, накрыться с головой и лежать в темноте, ни о чём особо не думая. Но этого не будет. В действительности, больше похожей на сказку, он сидит в месте, что мог видеть разве что по телевизору и в мечтах, исступлённо любуясь тремя дивными цветами.

«Розы... А я ведь никогда их вживую не видел. Хотя и много рисовал, представляя их запах именно таким...» — Алан неожиданно осознал, что, пока шёл сюда, боялся глядеть по сторонам... И страшится до сих пор, будто увиденное навсегда перевернёт его тихий мир и обратной дороги уже не будет. Огромное напряжение во всём теле говорило о страхе раз и навсегда влюбиться в царящие здесь лоск и достаток, тем самым поселив в сердце неутолимое желание успеха...

С усилием он заставил себя осмотреться. Не просто провести глазами слева направо, а действительно тщательно выделить *взглядом художника* каждую деталь, расчлняя увиденное на отдельные образы, подробно разглядывая их и вновь соединяя. Мир вокруг мгновенно преобразился и скука отступила, будто и

не было её секунду назад.

Огромная люстра еле заметно подрагивала хрустальными сережками, что радугой перемигивались в свете ламп. Зал оказался идеально круглым. Посреди возвышался небольшой помост — сцена с чёрным роялем. Алан сидел у стены. Прямо над ним нависал, козырьком огибая зал, балкон с расположенными на нём столиками. Во всём — от обоев до перил — преобладали оттенки слоновой кости.

Возле его столика на стене крепилось хрустальное бра в том же стиле, что и люстра. Почему-то показалось, что дизайнер страстно любил своё дело и эту любовь сумел вложить в своё детище.

Озираясь прямо за спиной Алан, наткнулся на картину. Из-за бессилия люстры достаточно осветить пространство под балконом, он не мог толком разглядеть изображение. Пришлось встать и зажечь светильник. Лучи мгновенно выхватили из полумрака искусно выполненную карандашную графику. Изображен был парень в непромокаемом комбинезоне с капюшоном. Обеими руками он опирался на сложенный зонт, словно на трость, и явно кого-то ждал. Вокруг истерил ливень, а юноша стоял спокойно, погружённый в себя и совершенно не обращал внимание на водяное буйство.

Мальчик не мог не восхититься мастером, искусно владеющим техникой карандашного рисунка. Он пока и мечтать не мог рисовать ТАК! Чтобы казалось, будто картина вот-вот оживёт... Изображение подписано большими красивыми буквами «D.A.».

— Наверное, тоже иностранец... — подумал вслух.

В нескольких метрах Алан обнаружил на стене ещё один прямоугольник. И подошёл к нему. Эта пастель также была подписана «D.A.».

Оглядевшись, он заметил, что по периметру зала между бра развешаны картины. Он зажигал один светильник за другим, желая не упустить ни малейшей черточки. Казалось, он вечно может рассматривать эти рисунки, лишь мечтая о сотворении подобных чудес. Перебираясь от рисунка к рисунку, парнишка и не заметил, как перед ним возникла уже зажжённая лампа и тот

самый парень с зонтиком. Оказывается, он уже успел обойти большой зал по кругу... Хотел было расстроиться, но не успел — его отвлекли.

Спасённая им девица сидела рядом за столиком, неотрывно на него глядя. Её тело ныне согревал тёплый серый свитер с длинным воротником. Похожий на те, что вязали из овечьей шерсти в деревне. Рыжие, явно только что вымытые волосы спрятаны за воротник, словно они тоже продрогли и теперь надеялись согреться. Перед ней лежал его куртка.

— Судя по всему, картины понравились? — то ли спросила, то ли констатировала она, подчеркивая свой безупречный английский.

— Очень... — признался Алан, продолжая стоять.

Иностранка перевела взгляд на рисунок с парнем, недолго осматривала его, затем - вновь на Алана, будто хотела найти в них сходство.

— Как тебе «Красный Замок»?

Алан пожал плечами:

— Я толком-то и не рассмотрел...

Она хмыкнула и показала ему на стул напротив.

— Я с тобой согласна — нагромодили всего... Взгляд теряется — ничего не запомнишь.

— Угу... — кивнул Алан, продолжая стоять.

— Да сядь ты уже... Неудобно же на тебя снизу вверх смотреть!

Алан нерешительно уселся напротив и опять уставился на розы. Появилось чувство падения в бездну.

— Откуда ты так хорошо знаешь английский? — спросила иностранка. Может, Алану показалось, а, может, и в самом деле, она старалась как можно чётче и правильнее выговаривать слова, словно желая показать идеальное произношение.

— У нас почти все дети в деревне могут... — посмотрев на девушку, Алан увидел на её лице искреннее удивление, поэтому поспешил объяснить. — В нашей деревенской школе очень хороший учитель иностранного языка. Даже полным бестолочам может втолковать, что да как. А мне вдобавок и языки легко даются... Вот.

Она глядела внимательно, пристально, словно пытаюсь уловить некий скрытый смысл. Но затем выражение лица изменилось. Видимо, она что-то решила.

— Удивительно! — улыбнулась рыжая. — Если честно, я всегда думала, что здесь обитают настоящие дикари, уж точно не владеющие несколькими языками. Тебя как зовут, варвар?

Алану почему-то понравилось то, как она к нему обратилась.

— Алán...

— Алán? — проговорила она его имя на английский лад, сделав ударение на первый «а». — И имя у тебя наше? Здорово!

— Нет-нет... — замотал он головой. — А-лán — ударение на вторую «а». Это не ваше имя. Аланами звались мои предки, жившие здесь веками. У нас это одно из самых популярных имен. Что-то вроде Джона для англичан.

Она несколько раз пыталась произнести знакомое имя на новый лад. Но привычка брала свое и каждый раз она запинаясь. В конце концов, оставив бесплодные попытки, она попросила разрешения называть, как ей удобнее.

— Алán, так Алán. Мне так тоже нравится, — согласился он.

— А меня Мари зовут. Мари Уилсон. Будем знакомы.

Алан видел, что она старается быть приветливой и милой. И у неё хорошо получалось. Но Мари это явно давалось не так легко.

— Послушай... — начал он. — Я просто помог тебе добраться сюда. Не знаю, правда, зачем тебе нужно было совершать этот глупый поступок... Но это твоё дело... Я сделал, что сделал — и не надо пересиливать себя, чтобы отблагодарить меня своей приветливостью. Всё в порядке... Мне ничего не нужно.

Рыжая застыла, как если бы какие-то слова примёрзли к губам и теперь она искала их внутри себя, в то время, когда они снаружи. Мари медленно выдохнула и разом вся обмякла, лишившись сил. Опершись головой о спинку стула, стала смотреть в пустой потолок. Алан молча созерцал розы.

— Спасибо... — почти шёпотом проговорила она через какое-то время, так и не пошевелившись. — Дважды спасибо... За то, что сюда притащил меня, почти замёрзшую дуру. И ещё за то, что ничего не требуешь. Я так устала — наверняка ещё бы чуть - и

опять натворила бы дел. Спасибо.

Юнец лишь кивнул, как всегда, толком не зная, как принимать благодарность и похвалу. Позади что-то громыхнуло. Он обернулся — в зал входили парни в одинаковых белых пиджаках и чёрных рубашках. Все, как один, несли подносы с посудой.

— Ты голоден? — спросила Мари.

Прислушавшись к себе, Алан понял, что безумно хочет есть!

— ...Хотя зачем я спрашиваю?! Составишь компанию. Сегодня должна быть местная кухня. Интересно, что вы тут едите?

Официанты выполняли свою работу стремительно и умело. За считанные минуты сервировали все столы, включая тот, за которым сидели они, и уже орудовали на балконе.

Было удивительно и странно, неловко и даже жутковато просто сидеть, когда перед ним суетилось столько людей! Видимо он даже изменился в лице, потому что Мари спросила:

— Что, непривычно, когда о тебе заботятся?

Он кивнул:

— Да... Чувствую себя не в своей тарелке.

— Я тоже не сразу привыкла, когда другие ухаживают... И даже долгое время этого избегала. Но потом поняла: если хочу быть богатой, надо научиться допускать в свою жизнь атрибуты роскоши - иначе ничего не выйдет...

— Почему? — Алан не совсем понял, что имелось в виду.

— Потому что быть богатым — это не значит пользоваться самым лучшим, как все думают. В первую очередь, это значит *иметь возможность тратить время исключительно на те занятия, на которые хочешь*. Не хочу готовить — иду в ресторан; не хочу учиться водить — нанимаю шофера. Понимаешь? А для этого нужно принять и понять, что позволить заботиться о себе — это не излишество, а норма. Пока ты будешь здесь себя неуютно чувствовать, ты не сможешь этим пользоваться.

— И что, ты разбогатела, только когда это поняла?

— Отчасти... — кивнула Мари.

В зал уже начали заходить люди и неспешно занимать столики. Мужчины и женщины, кто в красивых вечерних платьях и костюмах, а кто в самой обычной одежде без излишеств, а кое-

кто даже в спортивных костюмах... Маленькие и большие, худые и толстые, разных национальностей и рас.

Мальчику казалось, что он попал в сказочную страну. И, наверняка, паялился сейчас на чернокожих так же, как паялился бы на эльфов или гоблинов, встретить он их случайно в горах...

— Не так откровенно... — засмеялась Мари. — А то точно, как дикарь.

Мальчик перевёл взгляд на неё. Но, как ни старался, глаза сами перепрыгивали на огромного шарообразного мужчину с чёрной, как смоль, кожей, сидевшего через два столика. Короткий бобрик седых волос делал негра еще удивительнее.

Чтобы переключиться, Алан начал рассматривать собеседницу внимательнее: ведь раньше это было невозможно. На вид - лет двадцать пять (хотя он плохо разбирался в возрасте европейцев). Среди пламенно-рыжих волос проскальзывали светлые пряди. Конопатая. Чуть курносая. От глаз исходит сияние, как если бы улыбка шла изнутри. О красоте судить сложно, но её внешность сильно притягивала. Хотя это могло быть и простое любопытство.

— Так ты богатая? — решил Алан продолжить начатую тему — уж что-что, а молчать он не собирался, стремясь как можно больше узнать о закрытой от него жизни. Когда ещё подвернется другой шанс?

— Если в плане денег, то да, богата. Но сама предпочитаю называть себя *свободной*...

— «Свободной»? При чём тут свобода? — он был буквально в восторге от предвкушения совершенно нового для него вида разговора. Он вдруг точно понял, как ему не хватало всегда таких вот небытовых бесед!

— Очень даже при чём! Не знаю, для кого как, а лично для меня *свобода* — это возможность воплотить любую идею. Именно для этого и нужны деньги, а не для «шмоточничества». Я это презираю. Не смотри удивлённо. Столкнёшься с этим в любом городе. Не знаю, как у тебя в деревне... Уверена, что по-другому... А у нас в Лондоне дела так и обстоят. Ты понял, что я имею в виду?

Алан пожал плечами:

— Кажется, да. Если я, например, захочу открыть картинную галерею, то не смогу этого сделать, потому что у меня нет средств. И именно этим моя свобода и ограничена.

— Именно! Ты беден ровно настолько, сколько не можешь создать. Вот так... Многие, имея миллионы, остаются нищими, потому что тратят себя не на то.

Они замолчали. То ли раздумывая, кто над сказанным, кто над услышанным, то ли потому что принесли еду — два с пылу с жару пирога, овечий сыр, сосуд с козьим молоком, сметану с чесноком и острым зеленым перцем, а ещё - вареную баранину и кинзу.

Даже от запаха мяса его затошнило. В голове всплыли картины кровавой расправы над беззащитной тварью. А на руках будто снова появилась кровь и блевота. Справившись с собой, Алан взял кусок пирога и начал без особого энтузиазма жевать. Голод куда-то делся, будто его и не было. Со сцены в центре зала полилась приятная спокойная музыка. Джентльмен в смокинге за роялем нежно перебирал клавиши.

— Покажешь, как правильно ваши блюда есть? — попросила Мари.

— А как их есть... Просто мясо лучше с ткемале или вот с этим соусом — цахтон. Пироги - вместо хлеба... Сыр очень солёный. Поэтому он нарезается тоненькими кусочками. Зелени побольше бери... Ага, и вместе их... Ну как?

Она тщательно пережевывала провизию, будто дегустируя редкое вино...

— Еда варваров... Но обалденно вкусно! А ты чего не ешь?

Алан сжевал лишь кусок пирога и немного сыра. Больше не лезло.

— Не хочется. Спасибо.

Намного интереснее было глядеть по сторонам. Смотреть на одежду и лица чужаков, на их поведение. Он впитывал окружающее, стараясь запомнить всё. Голову дурманила дымка, мешающая трезво мыслить. Но от неё по телу расползалась приятная истома. От чего-то беспричинно было просто хорошо. Алан

вдруг обратил внимание, что чувствует себя здесь непринужденно и легко — так, как дома даже и помыслить было нельзя... Каждый тут сам по себе - и одновременно со всеми. Хотелось быть своим... И у него это получалось!

— Мне здесь нравится, — вдруг сказал он зачем-то.

Она улыбнулась:

— Повёлся на лоск? Понимаю...

— Дело не в богатстве, — замотал он головой. — Просто здесь чувствую себя собой. Мне, скорее, нравится царящая в зале атмосфера признания непохожести людей. Или это только кажется?

Мари сделала глоток из стакана.

— Нет, не кажется. Это большой плюс, когда каждый думает о себе, но в то же время поступает, учитывая других.

Немного подумав, Алан согласился, что именно это для него и важно.

— А у тебя разве не так? Разве нет такой... Свободы? — спросила иностранка.

Алан даже засмеялся. Только смех этот больше схож с плачем, чем с весельем:

— Что ты! Когда каждый норовит влезть в жизнь другого и научить, как правильно? Когда из-за «старший-младший» вообще никак не учитываются желания последних? Когда никого не волнует, что ты хочешь... О какой свободе может идти речь?!

— Н-да... Неприятно, — она почувствовала, что задела за живое.

— Да, здесь красиво. Но я восхищаюсь не столько красотой, сколько свободой от ненужных, давно устаревших традиций... Тем, что здесь никто никому не указ! Каждый занят собой. Манит меня не богатство, как можно подумать. Ведь уверен: и в семьях богатых наверняка могут диктовать условия, не считаясь с чувствами и желаниями...

Когда Алан перестал говорить, зло уткнувшись в тарелку, Мари, видимо, желая ободрить «дикаря», сказала:

— Уверена: твой мир не так плох...

На что мальчик лишь хмыкнул, стараясь скрыть подступивший к горлу ком:

— Что ты знаешь о моем мире? — тяжкий вздох сам вырвался на свободу. — Понимаешь... Каждый день приходится созерцать, как мать, словно живой труп, передвигается по дому, исполняя свои обязанности. Её взгляд с каждым годом всё больше блекнет и скоро, наверное, погаснет насовсем. Она живёт ради меня. И, кажется, если не станет меня, она тоже исчезнет. Но я так не хочу! Хочу, чтобы она была счастлива и жила для себя! Вот такая свобода в моём мире.

— А отец? — спросила девушка.

— А что отец?! Он живёт, словно в анабиозе, в полусне... Без эмоций. Постоянно чем-то недоволен. Ворчит и злится, обвиняя всех. Перестаёт брюзжать лишь перед телевизором. Я часто спрашиваю себя, вправду ли есть у меня отец? Или это просто приложение к телевизору?

Родители даже не общаются. Она просто готовит ему, а он просто что-то делает по дому. Зачем они друг другу вообще нужны? И самое ужасное - я к этому тоже иду. Кажется, этот уклад жизни, который я ненавижу, выложен предо мной каменной тропой. И свернуть с неё мне не позволят. Или я живу, как они, или... Не живу никак.

— Почему? Неужели иного не дано?

Алан, не сдержавшись, вновь ухмыльнулся, зная, что она не поймёт:

— А какие ещё варианты? Путь только один...

— Ты ошибаешься! — Мари резко встала. — Пойдём.

И она пошла к центру. Взбудораженные громкими возгласами, соседи с интересом наблюдали за ними. Алан чувствовал себя ужасно неловко, ловя любопытные взгляды.

— Постой, Мари...

Но она даже не обернулась. Подойдя к небольшому круглому возвышению, служащему сценой для рояля, Мари сказала что-то музыканту. Говорила она на ухо и поэтому мальчик не знал, что происходит. Он стоял, не решаясь подняться.

Мужчина в смокинге встал и, спустившись с помоста в зал, сел на один из ближних стульев.

Мари заняла место за роялем.

— Выборов безграничное множество... А ты видишь лишь один, — сказала она, а затем коснулась клавиш.

За обедом люди тихо беседовали, создавая лёгкий гул. Сейчас же, стоило инструменту издать звуки, на зал опустилась абсолютная тишина. Казалось, люди перестали дышать, только бы не спугнуть чудо, что должно вот-вот родиться... И родилось.

Когда Мари начала играть, Алан почувствовал, как его тело стало тяжёлым, стало клониться вниз, пока окончательно не распласталось по полу... Осталась стоять лишь оголённая душа. Вслед за мелодией она становилась всё невесомее, пока не растворилась в воздухе. На миг мальчик престал существовать, чтобы возродиться абсолютно чистым в ярком ореоле льющейся мелодии.

Он уже не просто слушал музыку. Она зарождалась внутри него...

Когда неожиданно дивные звуки оборвались, Алан вместе с ними рухнул на землю, с ещё большей силой вновь ощутив и тяжесть своего тела, и грубость собственных чувств, неспособных сполна принять дар небес.

Ещё секунда — и зал наполнился благодарным громом аплодисментов.

— Мисс Уилсон, Вы чудо! Спасибо! Здорово... — кричали отовсюду. Но она никак не реагировала на слушателей, а, посмотрев на Алана, кивнула ему. Но парнишка не мог ответить и вовсе перестав управлять своим телом. Тогда она взяла его за руку и повела обратно к столу. Алан послушно плёлся следом. На протяжении всего пути ей не переставали говорить что-то одобрительно-восхищённое.

Когда они уселись и внимание к ним иссякло, Мари спокойно стала повествовать:

— Далеко отсюда есть огромный город туманов, где я - живу — Лондон. Там я родилась и выросла. Отец и мать держали небольшой магазинчик-ломбард. В этом плане они были людьми немного сумасшедшими, и работу свою любили, обменивая безделушки на деньги. Как сейчас помню наш дом на окраине, вечно заваленный какими-то диковинными штуками. Они казались

необычайно красивыми из-за своей таинственности. У нас всегда пахло вековой пылью. До сих пор обожаю этот запах. Я бы не сказала, что у нас была крепкая, дружная семья. Скорее, родители были сами по себе... Без меня. Когда мне исполнилось двенадцать, они исчезли...

— Как это «исчезли»?

— Просто. Для меня это до сих пор загадка. Полицейские причислили их к сбежавшим сектантам. Это наши соседи, считающие родителей не от мира сего, решили за них, что и как. Я-то точно знаю, ни в какой секте они не состояли.

— А что с ними?

Мари грустно покачала головой:

— Если бы я знала... Это не даёт покоя до сих пор. Хотя сколько уже прошло... Не верю, что родители бросили меня! Ведь они были не теми, кто бросает и предаёт. Ушли на работу и не вернулись... В ломбарде замок был закрыт изнутри. То есть они вошли, а выйти не смогли. *Есть вход, а выхода нет.* Полицейский сказал, что это фокус такой. Типа, они перед уходом мистики решили побольше подпустить... Думаю, полиция так оправдывала собственную несостоятельность. Что с ними, не знаю... Да и не это главное.

— А что же тогда?

— То, что я осталась совсем одна. Родных не было. А таких друзей у родителей, кто готов был бы удочерить чужого ребёнка, не оказалось. Естественно, меня отправили в приют... Я не буду рассказывать о тех лишениях и трудностях... Просто скажу — было тяжело. Порой просто не хотелось жить. Я всё больше склонялась к мысли, что будущего нет... Существовало лишь прекрасное прошлое до двенадцати лет, отвратительное настоящее, а дальше — только пустота... И нет выбора, как у тебя сейчас.

Все изменилось в шестнадцать. Я спряталась в туалете приюта — курила, сидя на подоконнике. Зашли несколько старших девочек. Им вот-вот должно было исполниться восемнадцать, и они смогли бы уже отправиться в большой мир. Я даже вида не подавала, что сижу здесь. Они тоже меня проигнорировали. Умывались, наводили марафет и непринужденно болтали о будущем. Я сна-

чала не хотела слушать их болтовню. Но как-то само собой заинтересовалась разговором. И, понимаешь... Я услышала, наверное, впервые в жизни, я *по-настоящему услышала* и увидела их разговор как бы со стороны. Они описывали будущее. Мечтали. Рассуждали. Девочки свободно могли делиться сокровенным, потому что, во-первых, знали — я абсолютная одиночка и никому ничего не скажу. Во-вторых, каждая максимум через месяц уедет и мы больше не встретимся.

Я увидела их жизнь, словно свою. Большинство их рассуждений очень походили на мои собственные...

— И что же такого они говорили?

— Вроде обычные вещи. О том, что, став самостоятельными, устроятся на непыльную высокооплачиваемую работёнку, встретят идеальных парней, нарожают им детей, обзаведутся домом и машиной и будут счастливы... Но при этом во всех их рассуждениях сквозило бесстрашие. Они знали: случись что - им кто-нибудь да поможет! Они *научились быть несчастными* и знают, как извлекать выгоду из беды. Использовать горе как инструмент!

В их словах я узнала собственные мысли. Когда потеряла родителей, все вокруг стали говорить, что я осталась без любви, заботы, тепла... Что я обездоленная и лишена чего-то важного, без чего нельзя быть нормальной, а, значит, счастливой. И меня жалели. Со временем я сама себя научилась жалеть за то, что неполноценна и неспособна добиться чего-то, стать счастливой.

Вместо того, чтобы дать поддержку и уверенность, своим сочувствием мне словно оторвали ноги, вместо них приделав костыли. Из-за всего этого я ничего не хотела от жизни.

Я видела перед собой рабынь, готовых довольствоваться жалкими объедками пиршества жизни. Кое-какая работа, кое-какой муж, кое-какие дети, дом, жизнь, и я сама кое-какая... Нет уж! Я решила, что смогу получить ровно столько, сколько нужно именно мне.

В первую очередь, я спросила себя, кем хочу стать в идеале? Какой жизнью жить? В каком доме? Признание окружающих? Какое дело жизни выбрать? Я начала мечтать, и на бумаге все эти

вопросы превратились в прекрасную цель. Затруднение вызвал лишь последний вопрос. Я не знала, в чём именно хочу добиться успеха? Что выбрать делом жизни? Немного подумав, решила, что, уж если чем и заниматься, то только тем, что нравится. Покопавшись в прошлом, я извлекла интерес к музыке, особенно к фортепьяно. До этого я никогда даже клавиши не нажала, но решив, что *интерес — путь к страстному увлечению и знак верного пути*, попросила у спонсоров приюта синтезатор...

Это и был другой выбор, результат которого ты только что слышал и можешь увидеть, оглядевшись. Кстати, через день-два (ещё не решила) уезжаю домой, а оттуда — в мировое турне. Меня ждут лучшие площадки мира... Даже не верится, что это та девочка без родителей, которой никто не давал выбора! Я была в рабстве, пока не поняла, что никто не имеет права давать или забирать у меня выбор. *Только я сама разрешаю себе быть кем-то или никем*. Тот выбор, что тогда делала я, сейчас предстоит сделать тебе.

— Но ты же талантлива... — неуверенно протянул Алан.

Она тяжело вздохнула:

— Послушай... Ты, конечно, можешь сейчас начать искать причины, почему у меня получилось что-то, а у тебя не получится. Все эти «но» ты создаёшь сам, не решаясь увидеть тысячи выходов. Дверь не одна... И я не поверю, что ты не талантлив. Я видела уйму людей и точно уяснила: нет бездарных. Есть лишь те, кто не решается отдаться любимому делу и поэтому занимается не своим. Вот, например, что ты больше всего любишь?

Алану и доли секунды хватило, чтобы понять, о чём речь. Он повернулся к висевшему на стене рисунку. Парень, всё так же, не обращая внимания на жуткий ливень, кого-то терпеливо ждал...

— Рисовать, — сказал он совсем тихо. — Но это не зна...

— Стоп! — Мари выставила вперед ладонь. — У меня будет просьба. Сможешь завтра принести рисунки?

— Не знаю...

— Я просто хочу посмотреть. Правда... А там решай сам, — она нежно улыбнулась. — Ты мне интересен, а это бывает редко. Причем сначала был интересным дикарём, а теперь по-другому...

По-настоящему.

Она встала из-за стола:

— Пойду прилягу. Знобит. Не могу согреться. Сам понимаешь - ледяной ветер не способствует хорошему самочувствию. Решишься показать свои рисунки, приходи завтра к воротам. Тебя пропустят.

Подойдя к нему, Мари провела ладонью по волосам, словно забрав его мысли, чтобы унести их с собой.

Когда девушка ушла, Алан посидел за столом ещё немного, наблюдая за людьми и слушая музыку. Он, словно засасывающий корабль водоворот, впитывал атмосферу абсолютной свободы. Время играло странные шутки, то замедляясь, то вновь ускоряя ход. Иной мир... Определённо, он посетил иной мир.

Подошёл официант, спросил, будет ли гость кофе или чай с десертом. Алан ответил, что будет кофе. Официант спросил, какое.

— А какое есть?

Молодой парень в униформе стал перечислять:

— Эспрессо, по-турецки, по-мексикански, капучино, латте, мокачино, с коньяком, лавацца, лунго... — с лёгкостью жонглируя незнакомыми мальчику словами.

— А Вам что больше нравится? — наконец сдался Алан.

— Мне?! — искренне удивился парень. Казалось, только сейчас он увидел в Алане не клиента, а странно одетого парня лет шестнадцати. — Что я люблю?

— Да, что Вы любите? — а ещё Алан умудрился наслаждаться тем, что разговаривает на чужом языке, а *его понимают*.

— Мне больше всего «Доктор Пеппер» по душе. Правда, это вовсе не кофе...

— Всё равно несите. Спасибо.

Официант кивнул и направился к другому, ещё не обслуженному столику.

Всё же это был удивительный мир, И по-настоящему близкий. Дело было не в комфорте, статусе, значимости и деньгах, как решила Мари... Всё это Алан просто не мог толком прочувствовать

и оценить. Он ощущал удивительное спокойствие и веру в хорошее. Здесь напрочь отсутствовали серые краски, заполонившие его село.

Официант принёс заказ. Напиток оказался не просто чудесным - восхитительным. Странный букет — и не кола, и не вишня... На десерт подали какую-то непонятную, похожую на творожную пасту, субстанцию в стеклянной вазочке на длинной ножке. Само по себе это нельзя было назвать вкусным, но в сочетании с банкой «Доктора Пеппера» оно становилась самым удивительным из всех когда-либо пробованных блюд.

Он подвинул стул и уселся спиной к залу, так чтобы было удобнее разглядывать понравившуюся картину. На ней карандашный персонаж никак не хотел раскрывать зонт, под дождевиком укрываясь от карандашных капель. Прихлебывая из банки, Алан с наслаждением смотрел на изображение. Если бы не размашистая подпись в левом нижнем углу, наверное, можно было бы услышать звуки низвергающейся воды и биение сердца юноши.

Тёплой нежностью таяла музыка. Напиток бередил тело, а картина — душу. Время стало...

Вспомнив о нём, паренёк бросил взгляд на часы, стараясь уловить малейшее движение, но тщетно... Вторя ощущениям, минутная стрелка упрямо не желала двигаться...

«Доломались...», — подумал Алан, почему-то даже не расстроившись. Больше не боясь показаться чужим, Алан с удовольствием смял банку «Доктора Пеппера» в алюминиевый блинчик.

— Могу я убрать? — спросил тот же самый метрдотель.

Алан вздрогнул от неожиданности — сейчас в его мире хватало места лишь для рисунка, фортепьянной музыки и напитка со странным десертом. Мальчуган почему-то виновато протянул остатки смятой тары.

— Может, ещё что-нибудь хотите? — спросил официант.

Его искренняя вежливость восхищала Алана, и вызывала желание платить тем же.

— Нет-нет, спасибо... Я сыт, — поблагодарил мальчик, отдавая парню посуду.

Когда тот уже повернулся, чтобы уйти, Алан остановил его вопросом:

— Извините... А вы не знаете, кто это нарисовал?

Парень, проследив за взглядом Алана, всмотрелся в рисунок, немного прищурившись, постоял так несколько секунд, а затем, сказав лишь «одну минутку», удалился из зала. Честно говоря, мальчуган совершенно не понял, что всё это значило. Но гадать совершенно не хотелось. И он дальше продолжил созерцать (по-другому это состояние не назовёшь) висевшее на стене изображение.

«Кого он ждёт? Почему так спокоен? Почему не раскроет зонт, чтобы укрыться? Кто его вообще заставил выйти на улицу в такую погоду?» — вопросы всё прибывали. Красота всегда оставляет больше вопросов, чем ответов. Она вообще создана, чтобы создавать вопросы.

— Кажется, он ждёт мать... Пришёл на остановку, встречая её. Ведь мама уехала без зонта. Как в мультике про Тоторо... — раздался из-за спины знакомый голос.

— Мистер «управляющий всей этой красотой», — улыбнулся совсем уже осмелевший Алан, поприветствовав «старого знакомого» по-английски. Снежного цвета шапка и шуба словно растаяли, обнажив строгий чёрный костюм.

— Зови меня Джим... Джим Морли. А ты Алан, правильно?

Тот кивнул. Мужчина на правах хозяина уселся рядом.

— Кельнер сказал менеджеру, что один из гостей интересуется авторством расположенных в малом зале картин. Так как менеджер ничего об этом не знает, вопрос адресовали мне. Я удивился, кто заинтересовался работами «Йес-Мастера»...

— Что за «Ес-мастер»? — не понял Алан.

— Я его так называю из-за подписи. Ведь слово «йес», звучит по-русски именно как «ДА». Поэтому «Yes-Master». Странная подпись, не находишь? Будто в ней кроется глубокий смысл, что от меня постоянно ускользает. Когда я смотрю на его работы, кажется, художник через них отвечает кому-то на давно поставленные вопросы...

— Так Вы не знаете, кто их автор?

Мистер Морли покачал головой:

— Увы! И, боюсь, никто не знает... Это один из тех случаев, когда картина является воплощением чистого искусства — без вмешательства личности автора.

— То есть?

— Ты сам в живописи хоть немного разбираешься? Ну, там известных мастеров знаешь? Их основные картины?

— Кроме Да Винчи — нет.

Собеседник Алана на секунду замялся, видимо решая, как донести сложную информацию простым языком, затем продолжил:

— Вот, например, из ваших — Казимир Малевич. Знаешь такого? «Чёрный квадрат»... Слышал? Хорошо. Лично я считаю его достижения в искусстве сомнительными. Жил-был напористый человек, умеющий влиять на людей и ходить по головам. Выбил-ся в люди... Нарисовал нечто — вот тебе и великий художник. Понимаешь, в большинстве случаев успеха добивается не само произведение, а личность автора. Редко когда чистый талант сам по себе пробивает дорогу. Чаще как раз наоборот. Именно поэтому гениальное находит почитателя только после смерти автора. Это значит его *работа*, а не *его* работа имеет ценность. Большинство людей, следуя стадному инстинкту, даже не задумываются о качестве произведения, так как за них уже решили, что человек, создавший это — великий мастер. А на самом деле *великих мастеров не бывает, бывают великие произведения*, которые могут просто висеть на стене и радовать глаз без всяких авторитетов. Так что, хочешь, чтобы твой труд стал великим - сам стань великим... — засмеялся Джим и встал из-за стола. — Может показаться, что я пришёл к тебе исключительно ради чтения «лекции» по искусству, но это не так... Я дал указание, чтобы мне сообщили, когда ты соберёшься уходить — хотел лично тебя поблагодарить. — Он на секунду умолк, чтобы затем произнести. — Алан, спасибо тебе огромное за спасение моей гостыи — мисс Уилсон. Пропади она в горах, у меня были бы огромные неприятности.

— Что Вы... — замялся Алан.

— Хочу тебя отблагодарить, правда, не знаю как... — и замолчал, ожидая, что скажет мальчик.

Алан хотел отмахнуться, мол «мне ничего не нужно, у меня всё есть», но затем решил, что не стоит отвергать предоставленный судьбой шанс.

— Я... Я хотел иногда, хотя бы по выходным приходить сюда и слушать музыку... Здесь так хорошо.

Мистер Морли протяжно кивнул, словно поклонился:

— Спасибо тебе. Это лучший отзыв о моей работе. И с удовольствием приглашаю Вас, молодой человек, ко мне в гости каждый раз, как пожелаете.

Алан не поверил ушам.

— Приходи завтра,— сказал Джим. — У нас к роялю присоединится скрипка. Думаю, тебе понравится. Тем более, что я хочу сделать тебе небольшой подарок. Да и мисс Уилсон явно будет рада твоему приходу.

— Да, мы уже договорились встретиться.

— Вот и отлично! Тогда до завтра, — и протянул мальчику руку, которую Алан с радостью пожал.

Дорога домой заняла намного больше времени, чем обычно. Пришлось обходить через холм — ещё не хватало, чтобы кто-нибудь заметил, как мальчик шёл со стороны «Красного Замка». Шёл?! Нет... Вернее, медленно плыл невесомым облаком над землей, парил в воздухе, не касаясь ногами каменистой тропы.

Судя по выражению лица матери, отец успел побывать дома и рассказать об отпрыске и какой из него растёт «мужчина». Несложно догадаться, что мать была огорчена больше реакцией мужа, чем поведением сына.

— Мы вечером — в гости, — сказала она. — А тебе лучше денёк отцу на глаза не показываться. Посиди в комнате...

Алан даже обрадовался: ведь целый день его никто не будет трогать... И завтра наступит быстрее.

— Кстати, к тебе Алина заходила. Долго ждала.

— Блин! Как я мог забыть?! Мы же договаривались...

— Вот-вот, — укоризненно покачала она головой. — И она, по моему, сильно обиделась. Пока мне помогала, даже виду не по-

дала. Но я-то чувствую, что расстроилась, бедняжка!

— Жалко... — поник Алан.

— Ничего, простит. Когда женщины любят, всегда прощают.

— Мама!

— А что? — как ни в чем не бывало, пожалала она плечами.

Закрывшись в комнате, остаток вечера Алан посвятил рисованию. Его, как всегда, прорывало, стоило лишь коснуться грифелем листа. Правда, в этот раз всё было немного по-другому. Небольшой рисунок казался более завершённым и гармоничным, нежели обычно...

Юный художник с удовольствием рассматривал своё детище. Словно и не он, а кто-то другой завершил его минуту назад. Одинокий силуэт человека на крыше поезда на фоне заката... В голове возникали десятки вопросов: «Возможно ли такое? Почему фигура одинока? А что он слышит? Ему хорошо или плохо?» — и так без конца. Сегодня мальчик засыпал по-настоящему счастливым. Угасающий огонёк жизни разгорался с новой силой. Он думал о «Красном Замке», о свободных людях, живущих там... Вспоминал Мари... В воображении она сидела рядом и нашёптывала, что он сам способен выбрать свой путь. Затем англичанка стала снимать с себя то самое полуразорванное алое платье...

Дикое желание мешало уснуть. Алан, как мог, отгонял от себя «грязные мысли, недостойные чистого образа Мари». Но, в конце концов, сдался и сделал в воображении всё, что хотел.

Спустя минуту он крепко спал...

Как он узнал о наступившем утре? Просто сон был настолько зыбок, что мог раствориться в солнечных лучах от любого постороннего шороха. Поэтому мальчик боялся даже лишней раз шелохнуться, и, не дай Боже, спугнуть предвкушение счастья.

Снившаяся комната была и его и не его одновременно. Те же стены. Тот же стол и шкаф. Тот же ковёр на полу. Только вот смотрелись они не обыденно, а более празднично, что ли. Будто их покрыли слоем лака. Точно! В маленькой, забитой старьём каморке откуда-то возникла та самая субстанция, что тонким драгоценным слоем была рассыпана по всему «Красному Замку»... И дышать сразу стало проще.

Хорошее в этот приятный сон ворвалось позже. Сквозь приоткрытую дверь, шурша алым платьем, похожим на розу, проникла Мари. Чтобы не скрипеть половицами, она кралась на носочках. Девушка была невесома. В пару шагов достигнув кровати, рыжая зависла над спящим и с милой улыбкой прошептала: «Алан, просыпайся... Вот соня...» Правда, почему-то по-русски.

Затем она села на краешек кровати и взяла его за руку. Лицо светилось, а через ладонь к Алану переходило все её тепло. Затем сон стал меркнуть, пока совсем не растворился в темноте закрытых глаз. Только вот тепло от прикосновения осталось...

Лишь стоило открыть глаза, как улыбающийся лик Мари сменился на хмурое лицо Алины. По выражению глаз можно было решить, что подруга съела что-то очень невкусное и собирается за это плюнуть на него. Не Мари, а именно Алина зачем-то сидела на кровати, держа его за кисть. Алан рывком отдернул руку и сел, по шею закутавшись в одеяло.

Алина часто приходила, пока он спал. Однако, в отличие от этого раза, она обычно дожидалась, пока мальчик проснётся, не принужденно болтая о чем-то на кухне с его матерью. Или же, если у неё было мало времени, просила, чтобы его разбудили.

— Ты что тут делаешь? — недовольно спросил Алан.

— И тебе доброе утро... — съязвила она.

Он хотел было ответить тем же, но передумал. Алину нельзя причислить к обидчивым. Но уж, если она надулась, то наверняка есть причина.

— Ты чего сегодня такая бука? Что-то случилось?

— Дурак или прикидываешься?! — она встала и прошла к его столу, где лежал новый рисунок — парень всё так же наслаждался закатом на крыше поезда.

Только тут до Алана дошла причина её обиды.

— Долго вчера ждала?

Подруга ничего не ответила, лишь сидела, отвернувшись к окну и рассматривая его рисунок.

— Извини. Я совсем забыл.

Она развернулась и беззлобно посмотрела на него. Скорее, с любопытством.

— Забыл? Это как? Что могло заставить забыть тебя о нашей встрече? Ты же всегда ждёшь моих рассказов?!

Да, правда. Для Алана её истории были сродни чистому воздуху. Они возбуждали воображение и порождали безудержное желание творить. Часто выходные для него являлись не более, чем периодом её рассказов. Он не мыслил жизни без её странной манеры говорить за героев с различными интонациями. Специально для Алана подруга разыгрывала настоящие спектакли одного актёра. Хотя с каждым разом Алан всё больше убеждался — она это делает не столько для друга, сколько для себя. Сюжет помогал ей влезть в шкуру героя, тем самым, испытав неведомые доселе чувства. Наверное, от повествования она получала столько же удовольствия, сколько Алан — от звука грифеля, шуршащего по бумаге.

Каждый раз, когда приходила Алина, чтобы поведать ему о прочитанном, она выходила в центр его комнаты, клала перед собой очередную книгу, открывала её на первой странице и, пробежав глазами первые строки, говорила:

— Итак, действие романа происходит в...

Начинала всегда тихо и робко... Но вместе с развитием сюжета его подруга куда-то исчезала, а на её месте появлялись эмоциональные, яркие герои, обнажающие перед ним шпаги или управляющие космическими кораблями...

Алан искренне восхищался её умением *так* пересказывать. Он был истовым почитателем её таланта. А она так же искренне интересовалась созданными им иллюстрациями. Если очередная история смогла захватить, мальчик неизменно делал целую серию замечательных рисунков. Друзья свободно раскрывались друг перед другом. И это было важно. Они прятали своё творчество от окружающих — ведь оно было частью их юных душ... И, если бы они не секретничали, их было бы легко ранить. Подростки сообщали защищали свои творения от непонимания и насмешек враждебного серого мира.

— Я, честно говоря, не представляю, что могло произойти, чтобы у тебя из головы вылетела наша встреча. Ты же неделю напролёт пытался из меня выудить, о чём я буду рассказывать.

Пришельцев встретил? Или на Марсе побывал?

Обида чуть улеглась, и теперь ей можно всё рассказать:

— Считай, что угадала! Почти пришельцы... И почти с красной планеты... Знаешь, как на самом деле санаторий для иностранцев называется?

— Который дальше в горах? — зачем-то спросила Алина, хотя наверняка поняла, о чём речь.

— Да, тот самый...

— И как?

— «Красный Замок»!

— И причём тут это? — спросила девчужка. Но тут её глаза стали округляться, а лицо удивленно вытянулось. Она явно поняла.

Алан самодовольно улыбнулся:

— Вот именно!

— Ты что, там был... Внутри?! — недоверчиво сощурилась подруга.

— Не веришь?

— Какая разница, — отмахнулась она. — Я спрашиваю, как ты там оказался?

— Это долгая история... — он явно тянул момент триумфа.

— А я пока никуда и не спешу... Сегодня ты рассказчик. Давай, начинай! — настаивала Алина.

— Как скажешь, — улыбнулся Алан. — Всё началось с того, что вчера в раздевалке спортзала ко мне пристал Сос...

Всё повествование заняло без малого два часа. Но зато туда вошло всё, начиная со стычки с Цакоем: и погоня в Мёртвом Городе, и обнаружение странных часов, и удивительный алый оазис. Он смог поведать о совершенно ином воздухе в стенах санатория; о свободных людях, что могут наслаждаться прекрасной музыкой; о картинах, которыми любят.

— До сих пор не верится, что это так близко! Помнишь, ты как-то рассказывала о звёздных вратах, через которые можно попасть в параллельный мир? Так вот, эти врата существуют. Правда, их хорошо охраняют...

Она слушала внимательно, не шевелясь и не спрашивая, хотя

обычно выведывала всё до мелочей. Но всё изменилось, стоило начать рассказ о Мари. Алина сразу оживилась, расспрашивая всё в подробностях — от внешности и возраста до характера и возможных недостатков... Когда подруга стала спрашивать о непонятных вещах, которых Алан просто не мог знать, он насторожился. Ему начало казаться, что Алинин интерес к Мари подозрителен.

— Не бери близко к сердцу... — в конце концов, сказала Алина. — Ты смог увидеть прекрасную, но чужую жизнь. Смог побывать там, где никому из деревни не удалось и вряд ли удастся. Ты должен поблагодарить судьбу за... Хорошую экскурсию и продолжать жить в реальности. Начав сравнивать то, что у тебя есть, с тем, что мог бы иметь — будешь несчастен. Поэтому прими это как мимолётное приключение и забудь!

Алана прямо передёрнуло: «Как забыть?! Мимолётное приключение»? Прекрасная, но чужая жизнь!? Она всё не так поняла! Это здесь я словно на экскурсии. Это здесь ужасная и чужая жизнь!»

— С какой стати забывать?! — чуть грубее, чем следовало, спросил он. — Во-первых, хозяин «Красного Замка» разрешил приходить и слушать музыку, когда захочу...

— С чего это он так расщедрился? То и близко местным подходить нельзя, то, пожалуйста: «Приходи, гостем будешь!» В её голосе явно звучало недоверие.

— Не знаю. Наверное, за то, что Мари помог...

— А во-вторых?

— Что «во-вторых»? — не понял он.

— Ты сказал «во-первых», значит, и «во-вторых» должно быть.

— Ах, да... А, во-вторых, Мари позвала меня сегодня к себе, попросила мои рисунки принести.

— И ты понесёшь?!

— А как же! — уверенно сказал Алан, а про себя подумал: «Даже если ноги переломают, на брюхе поползу...»

— Ты же до этого никому не показывал свои работы - только мне. А тут какая-то незнакомка - и ты уже готов, несмотря ни на

что, ей отдать всего себя?

Алан уже открыл рот, чтобы резко ответить. Но, почувствовав, что не всё так просто, решил промолчать. Он никогда до этого не видел в Алине столько сарказма, недоверия и злости.... Наоборот, считал её зачастую слишком мягкой и искренней, а тут такое... С чего бы это?

— Я рассказал, потому что только с тобой могу делиться всем... Зная, что ты на моей стороне: всё поймёшь, подскажешь, если что...

— И что я тебе обязана за твою открытость? — огрызнулась она.

— Подожди, дослушай... — Алан глубоко вздохнул и продолжил. — Я с тобой поделился очень важным. Рассказал о чуде, хоть и мимолетном. Оно внезапно ворвалось в мою жизнь и дало почувствовать себя кем-то большим, чем просто куском дерьма, над которым издеваются в школе...

— Ты никогда им не был! — буркнула Алина.

— Неважно, как ты меня воспринимаешь! Главное — кто я для себя! В санатории встретились единомышленники, с которыми у меня есть общие интересы. Там по-настоящему ценят то, чем я владею. А сам я никогда этим не дорожил. Они верят не в меня, а в человека. Они дали понять: у каждого для счастья есть всё. Только вместо радости за меня и вместе со мной, ты почему-то, наоборот, злишься и стараешься отобрать радость. Почему? Не понимаю...

Алина, всё это время молча сидевшая на стуле и глядевшая куда-то мимо, наконец, перевела тяжёлый взгляд, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Послушай... — она встала и пересела к нему на кровать. Алан явно напрягся. Её близость была обычной. Но сегодня почему-то смущала его. — Я понимаю, что этот поход был для тебя важным. До сих пор никогда не доводилось видеть тебя таким... Но это и опасно. Спустись на землю. Э-эй, я здесь... И ты здесь... А они там! У нас разные миры и дороги тоже разные. Тебе шестнадцать. Ты учишься в школе. И даже в город не сможешь уехать, потому что никто из нашей деревни, кроме семьи старосты, не в

состоянии содержать детей в городе. Уэйк ап! Проснись! Или думаешь, что богатенькие иностранцы примут тебя с распростертыми объятьями? Ты для них чужак...

— Но там я не чувствовал себя чужаком. В том-то и дело! — возразил он.

— Какая разница?! Главное — реалии. Алан! Ты же знаешь: я всегда с тобой! Но в этот раз, кажется, ты перегнул палку. Мечтай, но делай это с оглядкой на реальность.

— Настоящая жизнь там, а не здесь!

— Алан... Здесь люди, которые тебя любят, — она подвинулась к нему и протянула руку, дотронувшись ладонью до щеки. Мальчик оцепенел. — Всё в порядке. Всё хорошо.

— Ты чего, Алин? — если б мог, вжался бы в стену. Ещё ни разу он не видел в её взгляде любовь. — Прекращай прикалываться!

— Придурок! — выругалась она и побежала из комнаты вон.

Ему понадобилось какое-то время, чтобы опомниться.

Алан решил пойти в санаторий часам к трём. Как раз после обеда. Во-первых, он успеет примелькаться матери, сделать все дела по дому и, освободившись, со спокойной душой сказать, что идёт в гости к Тамику. Он специально устроил эту псевдодружбу с ним, чтобы по необходимости оправдывать исчезновения походами в гости или совместными прогулками, которых в действительности не было. Маме Тамерлан нравился, поэтому она с удовольствием отпускала сына к нему надолго, ни о чём не беспокоясь. Но и Тамику за то, что он не отрицал дружбы, а где надо - и привирал, приходилось периодически платить скудными вкусностями, что можно было купить в магазинчике. Но свобода, хоть и временная, того стоила.

Во-вторых, в «Красном Замке» как раз закончится обед и Мари, скорее всего, будет свободна. Он безумно хотел вернуться туда, но и навязываться — нет уж. Алан и в обычной жизни боялся быть лишним. А что уж говорить про таких важных людей, как Мари и Джим!

Одевшись, застелил кровать и вышел из комнаты.

— Доброе утро, — поздоровался с привычно шаманящей за плитой матерью.

Вместо приветствия она, обернувшись, поцеловала его в щеку, чтобы затем вновь вернуться к очагу.

— Что уже с Алиной не поделили? Вылетела пулей из комнаты, — мать кинула через плечо лукавый взгляд. — Небось, приставал? Ничего, дело молодое...

Мать засмеялась. Достала тарелку. Положила еду.

— Вот, со вчерашнего дня осталось. Хотя тебя на празднике и не было... Много твоих одноклассников с родителями пришли. И Тамик тоже...

Алан налил в чашку молока.

— Я с ним сегодня как раз встретиться должен...

— А разве они не едут в соседнюю деревню к швее? У них же свадьба на носу — старшая сестра и так в девках засиделась. Ей уже двадцать два! Ещё год - и мужа вообще не найти...

— Мы с Тамиком договорились. Он не поедет, — Алан напрягся, понимая, что может быть разоблачён. — Они ведь и без него справятся с выбором наряда.

— Только ты сначала с тюками сена разберись. Если не сделаешь - отец разозлится. И так уже до предела затянули.

— Хорошо... Я ближе к двум пойду, — предупредил он.

— Смотри сам.

До двух время тянулось безумно долго. И это было ужасно. Секундная стрелка, неподвижно замершая на часах, казалось, корнями приросла к самому центру сердца и уже оттуда превратила его жизнь в вековые скалы — холодные и неподвластные времени. А он, наоборот, жаждал поскорее приблизить столь желанный час встречи... С ней.

Пока Алан перетаскал часть соломы в хлев, пока прибирался в комнате, пока сбегал к Тамикю предупредить, чтоб тот не высывался и если что — «прикрыл», пока выбирал лучшие рисунки...

Изо всего списка последнее, пожалуй, было приятнее всего. Он рассматривал кипы своих работ, пока не выбрал всего семь, в том числе и вчерашний. Паренёк аккуратно сложил их, чтобы не смять, поместив между чистыми альбомными листами. Затем выбрал лучшую одежду: тёплые спортивные штаны, зимние

кроссовки, свитер с воротником поверх водолазки и пуховую куртку.

Увидев сына с альбомом подмышкой, мать ничего не заподозрила, просто спросив:

— Чего это ты разоделся?

— Вдруг Алину встречу - извиняться придётся... Надо быть во всеоружии, — соврал мальчик.

Мать похвалила, поцеловала и потрепала по голове, словно малыша. Хотя Алан был с ней ростом. Почему-то в этот раз он даже не испытал раздражения, как обычно... Видимо, понимал, что оставляет мать со всеми её странностями в этом мире, а сам уходит в иной, из которого это можно простить.

Ворота сразу же отъехали в сторону, гостеприимно приглашая войти. Переступив черту входа, Алан обнаружил стоящего у стены охранника — одного из тех, что вчера понесли Мари к зданию. Он сдержанно кивнул, поздоровавшись с Аланом, и на хорошем русском сказал, что мисс Мари и мистер Джим Морли предупреждены о его приходе и что следует пройти в малый зал.

— Где я был вчера?!

— Не могу знать, — ответил охранник. — Если нужна помощь, могу попросить кого-нибудь из коридорных проводить.

Алан более-менее помнил вчерашний путь. К тому же решил идти не спеша, подробно рассматривая обстановку. Прошлый раз такой возможности не было. Хотелось наверстать упущенное.

Он пошёл по направлению к «Красному замку», наслаждаясь предвкушением встречи. Добравшись до основного строения, поднялся по широким ступеням и прошел внутрь.

Там оказалось несколько человек (явно гости) и персонал за высокой стойкой. Иностранцы негромко расспрашивали служащих, выделяющихся малиновыми жилетами с надписью «Ред Касл». Когда за спиной Алана негромко хлопнула входная дверь, все обернулись, скользнув мимолетными взглядами, чтобы спустя секунду вернуться к своим делам. Здесь никому не было до него дела! «Как чудесно, когда каждый занят только собой!» — думал Алан.

Как-то Тимур Сергеевич рассказывал о психологии и приво-

дил примеры исследований, объясняя, зачем они нужны обычным людям. Учитель говорил, что для человека жизненно важно испытывать эмоции и жить в обстановке, где проявляют большую эмоциональность. В качестве примера он привёл результаты серии экспериментов, где участники проявляли к семенам те или иные эмоции, наблюдая за их ростом. Лучше всего росли те, которым выражали положительные эмоции, намного хуже - те, на которые ругались, а семена, на которые никто не обращал внимания, не проросли вовсе.

Но сейчас Алан бы поспорил, ох как поспорил бы и с Тимуром и с самими учёными! Они и не представляют, как здорово, когда ты сам по себе! Только лишь парнишка об этом подумал, как один из служащих вышел из-за стойки и направился к нему.

— Здравствуйте! Я проведу Вас в зал.

— Да нет, что Вы! Не стоит. Я сам, — замахал руками мальчик.

— Меня попросили помочь Вам не заблудиться, — коридорный дал понять, что и сегодня хорошенько рассмотреть «Замок» изнутри не получится. — Пойдёмте.

И повёл бесконечными лабиринтами, заполненными диковинными декорациями. Казалось, их путь совсем иной, нежели вчера. Всё, открытое взору, было неведомо. Какие-то новые статуи, картины, цветы, ткани... Без проводника он точно бы не нашёл нужное направление, заплутав, как привидение.

— Извините, — обратился Алан к провожатому. — Вы уверены, что мы идём в зал с фортепьяно? Мне сказали, что меня будут ждать именно там.

Служащий повернул голову, не сбавляя хода.

— Есть сомнения? — вместо ответа спросил коридорный.

Алан старался понять, почему человек так странно среагировал на его вопрос? Чувствовался какой-то подвох. Но в чём именно, понять не мог. Если бы служащий ответил: «Да, это та самая дорога», или наоборот, «Нет, способов попасть в зал много и, наверное, Вас вели другим путем». А то: «Есть сомнения?»

— Просто я, кажется, вчера ничего этого на пути не встречал. Вот этой статуи точно не было. Я бы запомнил...

Служащий довольно улыбнулся:

— Мне приятно, что Вы столь внимательны и смогли заметить изюминку «Красного Замка»...

— «Изыюминку»? — Алан всё не мог взять в толк, что имеется в виду.

— Вы когда-нибудь были в других отелях или санаториях? — спросил он, но, не став дожидаться ответа, продолжил. — Если были, то, должно быть, заметили, что традиционно они имеют просторный холл и интуитивно понятное расположение комнат. В других местах, чтобы объяснить вновь прибывшему, где находится его номер, достаточно указать направление: «Вверх по лестнице, там налево, прямо по коридору вторая дверь». В «Красном Замке» так не получится. Центральный холл маленький, и от него расходятся двери во всех четырёх направлениях. Множество коридоров и лестничных пролётов, то пересекающихся, то тупиковых, больше походит на лабиринт, чем на отель. Номера тоже разбросаны. Двести пятнадцатый граничит с четыреста седьмым, а за ним идет тридцать первый... — озвучивал он номера табличек, мимо которых проходили.

— Да уж! Попробуй не заплутай! — согласился Алан.

— И это с учётом, что не только номера комнат меняются, но и сама обстановка коридоров!

— То есть?

— Ровно в полночь служащие начинают перестановку. Коридоры здесь неслучайно узкие и заставлены изысками. Столики, картины, цветы, статуи, занавески, бра и люстры — всё это можно снять и перенести в другое место. И даже обои — это куски материи, подвешенные к специальным креплениям. На смену обстановку во всем «Замке» уходит всего час. Поэтому-то заблудиться здесь очень просто.

— Но зачем это? — Алан вправду не мог понять.

Служащий пожал плечами:

— На мой взгляд, это тоже слишком хлопотно и дорого. Господину Директору приходится платить много лишних денег. Представь, какую армию персонала нужно содержать, чтобы обслуживать санаторий, такие вот перестановки и нас, коридорных... Но, как ни странно, оно себя оправдывает! Нашим посто-

яльцам (в основном - очень богатым) по душе ежедневно видеть обновлённые коридоры. Я часто слышу восхищённые отзывы, когда человек выходит из своего номера, смотрит, в первую очередь, на табличку с цифрами, а затем оглядывает неузнаваемый коридор. Это приводит в восторг.

Алан задумался. Несмотря на абсурдность, сама идея восхищала и забавляла одновременно... Он почувствовал позыв рисовать, как всегда при столкновении с необычным.

— Люди зачастую не в состоянии найти дорогу в спортзал, сауну или в кинотеатр и вернуться обратно в номер. Для этого здесь работают коридорные. Такие, как я. Нас просят пройти в такой-то номер. Вызывают специальной кнопкой, и мы отводим человека, куда нужно.

— А как Вы не путаетесь? — недоумевал Алан.

— Мы заучиваем расположение всех комнат, лестниц и коридоров наизусть. Сейчас я веду Вас, ориентируясь не на обстановку, потому что, как известно, это бесполезно, а на собственную память. Повернув направо, мы и окажемся в Зале с фортепьяно, как Вы его назвали...

И впрямь, стоило повернуть, как перед Аланом оказались знакомые двери, из-за которых лилась музыка. Он знал, что играет Мари.

— Я Вас покину... — сказал коридорный и, кивнув, оставил Алана наедине с трепещущим сердцем.

«Не стоять же мне здесь вечно! Мари ждёт...»

Он толкнул дверь и оказался внутри «зала из слоновой кости».

Кроме Мари и его самого, никого нет. Она играет, слегка покачиваясь, словно в трансе. Глаза закрыты. Она не замечает Алана. Как и в прошлый раз, его охватывает мистический трепет перед звуками, рождёнными пальцами Мари. Кружится голова. Воздух превращается в жидкость и медленно стекает внутрь, постепенно заполняя лёгкие.

Кажется, будто он видит ослепительно-яркий луч света, спускающийся с неба, пронизывающий Мари насквозь и проходящий сквозь её плечи, руки и пальцы... Вытекая дивной мелодией...

Вдруг музыка обрывается и Мари, уронив голову на клавиши,

начинает рыдать. Алан в растерянности. Только что он добрался до самых небес, как вдруг тяжёлый груз заставляет его разбиться о землю. «Почему она плачет? Ведь не может же это совершенство быть недовольным своей игрой!» Какое-то время Алан молча наблюдает. Но затем, наконец, решается и подходит. Мари всё так же всхлипывает, уткнувшись лицом в руки. Мальчик как можно нежней касается её плеча. Это заставляет её вернуться в реальность.

Опухшее от слёз лицо. Покрасневшие глаза. Девушка вытирает пальцами размазавшуюся тушь и без всякого выражения смотрит на Алана. Затем замечает рисунки в его руке.

— Пошли... — Мари встаёт, берёт его за руку и ведёт из зала. — Не хочу быть здесь.

Послушно следуя за ней, Алан сжимает её теплую, чуть влажную ладонь. Лишь выйдя, он понимает, что коридорного, чтобы указать путь, нигде нет.

— Куда мы? — спрашивает Алан.

— В номер сто шестьдесят семь — сегодня. Вчера — в номер триста двадцать один. Позавчера... Уже забыла, — неумело скрывающая недавние слёзы, протянула Мари. — Идём ко мне.

— А как ты дорогу найдёшь?

Она улыбается:

— Тебе уже объяснили уникальность «Красного Замка»? И хорошо. Найти я могу. Мне, конечно, понадобится чуть больше времени, чем коридорным. Но я и без них неплохо справлюсь...

— Но как? По мне — тут чёрт ногу сломит!

Мари какое-то время молчит, видимо, подбирая нужные слова.

— У каждого угла... — наконец нарушает она тишину, — воздух движется по-своему. И я слышу его движение. Запомнив звуки, можно найти верный путь.

Алан не просит разъяснений, хотя многое туманно. Например, шутит она или говорит всерьёз. По дороге замечает, что, подходя к очередному повороту или лестничному пролёту, Мари чуть сбавляет шаг, затем неуверенно поворачивает или идёт прямо.

— Если не можешь слышать звуки, издаваемые переливами

воздуха, настоящим музыкантом стать не получится, — зачем-то пояснила она.

— Понятно...

Им навстречу постоянно попадались люди, идущие в сопровождении коридорных. Никто не обращал внимания на провожатых, словно они всего лишь какие-то устройства, помогающие обрести верный путь. Также довольно часто встречались интуристы без сопровождения. Некоторые быстро проносились мимо номеров, словно знали точный маршрут. Другие больше походили на блуждающих призраков — бесцельно слонялись от комнаты к комнате, внимательно всматриваясь в очередные цифры на дверях.

— Постояльцы здесь очень любят играть в прятки. Словно дети носятся по коридорам, стараясь случайно столкнуться с теми, кого ищут. Им это занятие вообще не надоедает. Так можно днями напролёт разыскивать кого-нибудь. А некоторые предпочитают вообще не пользоваться услугами коридорных, блуждая в поисках своего номера. Почему-то люди очень любят теряться, особенно когда знают, что это безопасно.

— Странное место, — проговорил Алан.

— Не то слово, — согласилась рыжая. — Но эта странность и привлекает. Именно поэтому, насколько мне известно, чтобы попасть сюда на две недели, приходится ждать по нескольку лет. Такая огромная очередь... Так! Нам, кажется, сюда...

Англичанка прошла прямо по коридору, оставив позади пять дверей, а затем вынула из кармашка пластиковую карточку, с помощью которой, проведя по специальному устройству, открыла дверь.

— Сегодня это комната сто шестьдесят семь. Добро пожаловать...

Её апартаменты оказались вовсе не комнатой, а целым номером. Просторным, уютным, по-домашнему тёплым. В мире Алана все вещи давно изжили свой век, потускнели, отсырели и были готовы в любой момент рассыпаться в прах. Здесь же всё сверкало новизной и жизнью. Огромное количество каких-то ярких, явно приятных на ощупь ковров, подушек, гладких и шершавых;

больших и маленьких статуэток. Все это хотелось потрогать, осмотреть... Но одновременно даже страшно дышать...

Дочь Альбиона разместилась на просторном диване. Алан же встал в дверях, не решаясь переступить порог.

— Помнишь, что я говорила? Богатство не будет окружать тебя, пока ты не позволишь ему поселиться внутри. Позволь себе иметь лучшее!

Алан кивнул, снял кроссовки, скинул с плеч куртку и прошёл к Мари... Ковер, по которому он ступал, был настолько мягок, что к нему хотелось припасть лицом, а не ступать ногами.

Когда он присел рядом с ней, англичанка спросила, хочет ли он что-нибудь выпить.

— Нет, спасибо, — вежливо отказался мальчик.

— Ну, смотри сам, — она встала и прошла к небольшой барной стойке, расположенной в углу комнаты, зазвенела стаканами, что-то налила. И всё же принесла два больших бокала с ярко-оранжевой жидкостью.

— Отвёртка, — пояснила она и поставила их на маленький столик. — Показывай... — кивнула она на листы, что Алана держал в руках.

Он протянул ей рисунки. Мари внимательно рассматривала каждый. То приближала, чтобы разглядеть мелкие детали, то отдаляла, желая понять, как они будут смотреться издалека. Чтобы изучить его работы, ушло намного больше времени, чем можно ожидать. Так внимательно его художеством ещё никто не интересовался. И хуже всего, что всё это происходило в тишине... Гнетущей тишине. Алан вдруг обратил внимание, что его ладони мокрые от пота.

В конце концов, Мари разложила рисунки на столике вокруг бокалов.

— Мне ли не знать цену признания! — нарушила она молчание, глядя то на Алана, то на рисунки. — Я его добивалась упорным трудом, преодолевая огромные расстояния и делая неимоверные усилия. И вот я на вершине славы, откуда хорошо видно, что девяносто девять процентов усилий тщетны. Я растрчивала себя впустую. Только лишь потому, что сама не могла признать

свой талант. Могу поспорить: ты сейчас сидишь на иголках, дожидаясь моего вердикта: похвалы или унижения. Ты превратил меня в судью, от которого зависит, хороший ты художник или бездарь... Я это знаю, потому что сама делала так же. Как только я поняла, что самое главное — это самокритика, что *только я сама* определяю пределы своего таланта и мастерства, ко мне пришла слава. Когда я признала себя, признали меня и другие. Я не буду говорить, понравились ли мне твои рисунки, а спрошу тебя. Нравится ли тебе рисовать?

— Больше всего на свете! — послушно ответил Алан.

— А результат?

После раздумий он ответил:

— Не всегда. Но в большей степени хочется любоваться результатами своей работы. Из этих рисунков мне нравятся все. Я ими горжусь...

— Ты хороший художник? — спросила Мари.

На этот раз Алан знал наверняка:

— Да. Я много не знаю, но у меня есть талант и стремление его совершенствовать.

Мари удовлетворённо улыбнулась:

— И я так считаю... Мне постоянно приходится сталкиваться с искусством во многих его проявлениях, и я уже давно научилась отличать фарс от настоящего. Так вот, ты — настоящий. Твои работы хочется разгадывать.

Алан заулыбался. Увидев это, девушка поспешила добавить:

— Только, пожалуйста, не сливайся со своими рисунками. Не считай, что они — это ты, ты — это они. Так легче будет принимать правдивую критику.

Мари встала, сделав всего один глоток из бокала.

— Пошли. Я хочу сделать тебе подарок за то, что помог мне вчера выбраться из гор... — и взяв его за руку, повела в другую комнату.

Там, кроме книжного шкафа во всю стену, огромной кровати и ковра, ничего не было. Она взяла с одной из полок большой лист бумаги А3, прикрепленный к планшету, пенал из ткани и протянула это парнишке.

Он чувствовал себя полным идиотом, уставившись на её подарки, словно видел такие вещи впервые.

— Спасибо, — протянул Алан, хотя не понимал, за что благодарит.

— Нет-нет... — покачала она головой и вышла из комнаты. Спустя минуту в воздухе закружилась приятная мелодия.

— Я хочу, чтобы ты меня нарисовал... — вернувшись с бокалами, сказала Мари. Один она поставила на ковёр, а другой оставила у себя, усевшись на кровать. — Пожалуйста. Это важно. Я этого очень хочу.

В той комнате она успела переодеться в голубую мужскую рубашку. Она доходила до середины бедер, а ноги оставались почти нагими. Для Алана, который за всю жизнь и декольте ни разу не видел, это было всё равно, что раздеться.

Мари улыбнулась, оглядев себя:

— Нравится? Специально попросила принести, чтобы я на рисунке получилась посимпатичней... Чего молчишь?

У Алана спёрло дыхание, во рту пересохло, а мысли начали сумбурно сталкиваться.

— Ты очень красивая в этом, — еле выдавил он.

— Вот и отлично! — обрадовалась Мари. — Тогда я сяду, чтобы получилось хорошо. В 3/4 пойдёт? Вот так...

— Да, хорошо... — Алан устроился на полу, вытянув перед собой планшет, так чтобы Мари, не дай Бог, не заметила некоторые шокирующие его самого реакции собственного тела. — Только во время рисования молчи, хорошо?

— Договорились... — она показала жестом, как застегивает губы на замок.

Алан глубоко вздохнул, стараясь вернуть способность мыслить, прикрыл глаза и замер. Его окружала лишь темнота и музыка из гостиной. Очнувшись, он сразу коснулся заранее выбранным великолепно отточенным карандашом шершавой бумаги... В ту же секунду его будто пронзил разряд электричества. И весь сгусток ощущений постепенно оказался на кончике грифеля. Парень сделал огромное усилие, чтобы заставить руку сделать хоть чёрточку... Всё! После этого не требовалось хоть какого-

то сознательного участия — рука сама оставляла короткие штрихи, чертила линии и ставила точки... Нужно было лишь смотреть на Мари, а затем на бумагу, удивляясь, как исподволь рождается её образ. Всё это длилось секунды. Казалось...

Когда карандаш и планшет с листом рухнули на ковёр, Мари ожила.

— Я посмотрю?! — спросила она, но, не дожидаясь разрешения, взяла бумагу.

Алан залпом выпил стоявший рядом напиток.

— Сколько времени прошло? — спросил он по-русски, зная, что Мари поймёт. Нужно следить, чтобы попасть домой вовремя.

— Больше часа. Но точно сказать не могу... А разве твои часы не работают? — она неотрывно рассматривала свой портрет, в необычной интерпретации художника. — Какая я... Оказывается... Красивая.

Алан лёг спиной на ковёр. Хотелось спать.

Девушка положила рисунок на кровать, а сама вышла из комнаты, прихватив пустые бокалы, чтобы прийти с новой порцией дурманящего напитка. Алан принял от неё коктейль, чувствуя, как по телу медленно расползается ватная истома, сладкое опьянение прекрасной Мари... Медленной музыкой... Роскошью свободы... Творчеством... Жизнью вообще.

«Вот оно, счастье?» — спрашивал он себя.

— Научи рисовать... — попросила Мари. — Только я хочу раскрашивать свои ощущения яркими красками: гуашью или маслом...

Она лежала на ковре напротив в каком-то полуметре от него. Алан чувствовал аромат её лилейной кожи.

— Я не умею рисовать кистью, — с сожалением признался Парень. Больше всего на свете он хотел бы отдать Мари хоть что-нибудь в благодарность за её уроки, за мудрые слова и веру в него.

Она улыбнулась:

— Давай учиться вместе...

Девушка поднялась, прошла к шкафу и достала оттуда несколько кисточек, банки с гуашью и пластиковый стакан с водой.

Алан ещё не совсем понимал...

Мари дала ему кисточку:

— Выбери цвет.

Алан из двенадцати выбрал алый. Энергия желания и счастья распирала, разрывала его изнутри. Мари расстегнула ещё две верхние пуговицы и, оголив плечо, попросила:

— Рисуй...

Он коснулся красной кистью её шеи. Англичанка вздрогнула, отдаваясь чувствам. Тело мгновенно покрыли «мурашки». Алан вел кистью, оставляя линию от шеи к плечам. Он прикусил губу, чтобы сдержать порыв возбуждения.

Время от времени он очищал кисть, чтобы смочить её другим цветом. Алан не понимал себя, рисуя наплывающие образы.

Когда Мари легла на пол, расстегнув рубашку, Алан впервые смог увидеть грудь женщины. Кисть сама вела к ней, прокладывая неведомую, запретную до того тропу... Дорогу страсти, желания и любви... В этот миг он не владел собой, полностью отдавшись страсти.

Потом настала очередь Алана стать холстом. Мари помогла снять с него рубашку, штаны... Теперь они не ограничивались кисточками, рисуя пальцами и ладонями. Прежде, чем закрасить часть кожи, они покрывали её поцелуями, после чего на этом месте возникали цветы, образы людей и целых миров. Вокруг всё было залито смешавшейся краской... Алан думал, что сойдёт с ума. Мари притянула его к себе, помогая сблизиться...

Страх, неуверенность, бессилие, пустота... Уверенность, мощь, жажда... Смешались в тот самый миг и стали гармонией. Сейчас он был всем — и злом, и добром, и тьмой, и светом. Он был собой...

Когда Алан вышел из ванной и, преодолев гостиную, вернулся в спальню, то обнаружил Мари за ноутбуком, всё так же нагую, лежащую животом на кровати. Он перешагнул через разбросанные по измазанному ковру краски, стараясь не наступить на яркие пятна. Лишь только он улёгся, Мари закрыла ноутбук и положила его на полку, чтобы не мешал.

— Ведь это у тебя впервые? — спросила она, влюблённо глядя

на него. Алан наслаждался прикосновениями. Казалось, гладкость её кожи никогда не надоест.

— Да... У нас девушка не может заниматься сексом до свадьбы... Иначе будет опозорена и не выйдет замуж.

Мари хмыкнула:

— Так серьёзно? Прямо средневековье...

— Ну, конечно, бывало, что парень с девушкой начинали спать вместе до свадьбы... Но парня потом вынуждали жениться...

— А если не согласится? — удивилась Мари.

— Его с позором изгоняли из деревни, из дома. Все переставали с ним общаться...

— Короче, пока не женишься, радости секса не познать, — подвела она черту. — А если женишься, а в постели она тебе не подходит?

Алан посмотрел недоумевающе :

— Как это «не подходит»? Такое разве бывает?

— Конечно, бывает! Сплошь и рядом, — засмеялась она. — Ты ведь совсем ничего о сексе не знаешь? Придётся просвещать... Хотя, как ты уже понял, я не против научить тебя тому, что сама знаю, — улыбнулась англичанка.

— Как мужчина и женщина могут не подойти друг другу в постели?

— Да элементарно! Хотя бы по запаху. Может быть с человеком и весело, и легко в общении, но запах секса полностью неприятен — с этим тяжело ужиться. Да и вообще очень редко бывает, чтобы получалось всё гладко, как у нас с тобой. Это скорее даже исключение, чем правило...

— Тебе не понравилось? — испугано спросил Алан.

— Я не это имела в виду. Если бы ты читал книжки и смотрел побольше фильмов, то у тебя наверняка сформировался образ, как должно всё произойти: красивые тела сливаются. Он твёрд. Она влажна и горяча. Оргазм одновременно. Bravo! На бис! И больше всего на свете ты бы страшился быть неидеальным любовником. Это выглядело бы так: ты сразу начинаешь себя контролировать, а значит, нервничать. «Крепость» смягчается. Я, не чувствуя твоё напряжение, думаю, что дело во мне, и тоже со-

вершенно не получаю удовольствия — короче, идеальный секс трещит по швам. Наверняка у нас всё здорово получилось только лишь потому, что ты даже понятия не имеешь, как оно должно было произойти...

Какое-то время Алан обдумывал её слова.

— Ты говоришь о мужской неудаче?

Она отрицательно качает головой:

— Я говорю о мужской норме. Телам двух разных людей нужно привыкнуть... Подстроиться друг под друга. И пока этого не случится, провалы нормальны и естественны. И, даже наоборот, они помогают показать и мужчине, и женщине, что они обоюдно неидеальны.

— Для меня всё это слишком сложно и запутано. Я просто делал интуитивно, что хотел...

Мари засмеялась.

— Вот и молодчина, — похвалила она Алана, игриво потрепав его по голове, но он отстранился.

— Подожди, я не договорил. Я делал то, что хотел... А хотел я выразить свою любовь. Показать или сказать, что люблю тебя...

— Стоп-стоп-стоп! — на этот раз настала очередь Мари отстраниться от Алана, от всего сердца пламенно ораторствовавшего. — Перестань!

— Но почему? — он не понимал её реакции.

— О какой любви ты говоришь?

— О той, что чувствую к тебе...

Мари сползла на край кровати и сидела в раздумьях, подбирая правильные слова:

— Алан, пойми, ты совсем молод...

— Молод?! Я ненамного младше тебя. Семь лет?! Разве это разница?

— Дело не в возрасте. Никогда не смотри на прожитые годы. Некоторые понимают в шестнадцать то, что многие и в шестьдесят не способны понять. Я не имела в виду возраст.

— А что?

— Пойми и постарайся не обижаться. Хотя... Поступай, как хочешь. Почему я должна искажать свою правду ради кого бы то ни

было?! Вот что я думаю... В молодости мы принимаем секс за любовь, а любовь за секс. Потому что не с чем сравнивать, потому что не умеем разграничивать одно с другим. Откуда ты знаешь, что испытываешь ко мне любовь, если до этого даже не встречался с подобием этого чувства?

— Знаю, потому что чувствую!

— Откуда, я тебя спрашиваю? Тебе со мной хорошо. Ты наслаждаешься моим равным отношением к тебе, моим признанием твоего таланта — вот и наслаждайся... Просто.

— Я не... — попытался он вставить слово, но возмущенная Мари стояла у кровати, гневно пытаясь объяснить.

— Любить может только взрослый... Тот, кто сам полностью способен справиться со своей жизнью, со всеми проблемами, что сваливаются на него... Взрослый — значит самостоятельный, НЕ-ЗА-ВИ-СИ-МЫЙ от других. Как ты можешь быть независимым, требуя похвалы за любимую работу? Взрослый — значит реализующий свой потенциал. Ты же, могу поспорить, прячешь свои рисунки под шкаф или в стол, никому не показывая. Ты — взрослый человек?! Нет! Как ты можешь любить по-настоящему?

Алан молчал, испуганно уставившись в белое одеяло.

— Тем более, ты знаешь меня всего второй день. Любовь не рождается, она создаётся — долго и упорно выспевает в сердцах, живущих бок обок. Понимаешь?

— Откуда ты можешь всё это знать наверняка? — сквозь зубы процедил Алан.

— Откуда?! Да потому что я сама раба любви. Потому что я сама не умею любить по-настоящему, а только зависеть. Потому что я бесконечно, мучительно страдаю, словно без дозы, вдалеке от того, кого я называю любимым. Но я знаю, что всего лишь больна. И в этом моё преимущество. Я стремлюсь побороть свой недуг. И уехала в горы в попытке разобраться в себе. И именно в тот момент, когда я не справилась и в приступе бредовой ревности выскочила из здания, а затем и за территорию «Красного Замка», ты и нашёл меня, ооченевшую, в горах. Теперь-то ты видишь, что болезнь по имени любовь может и убить. Хочешь, я помогу тебе?

Всё это время Алан молча слушал её. Оторвав взгляд от пола, он посмотрел в глаза Мари:

— Хочу...

Тогда она взяла лист со своим портретом и, переворачивая его, что-то написала на обратной стороне. Затем протянула лист Алану. Он внимательно прочёл.

— Что это? — спросил юноша.

— Это мой подарок, — пояснила иностранка. — За этот рисунок и моё подтверждение, что он рисовался с натуры, ты сможешь получить огромные деньги. Я до сего момента никому не позволяла рисовать себя. Продай его в любую галерею или журнал Британии - и тебе хватит денег, чтобы выучиться где угодно и даже пожить какое-то время. Одновременно, так как ты - автор этого рисунка, твой талант оценят многие... В том числе и те, кто захочет заказать у тебя картины. Ты сможешь зарабатывать и делать это на том, что любишь больше всего. Только так ты станешь взрослым, а, значит, и научишься любить.

Мой самолёт послезавтра — во вторник в двенадцать. Захочешь - полетишь со мной. У меня огромные возможности. Даже без документов вывезти тебя куда угодно не составит особого труда. У тебя будет время сегодня и завтра, чтобы всё обдумать.

— Я не смогу уехать! Я даже не представляю жизнь вне деревни, — Алан испугано замахал головой.

Мари пододвинулась к нему и взяла кисти его рук в ковш своих горячих ладоней:

— Алан, не смотри на остальных. Поступай всегда только так, как велит твоя душа. Человек взрослеет лишь в движении. Слышишь, двигайся! Но здесь, среди серостей и серости у тебя вряд ли это выйдет. Я говорю не просто так, поверь. Всегда была убеждена, что каждый, захотев, может развить свой талант! И не надо пенять на обстоятельства! Это отговорки! Только ты слишком слаб, чтобы противостоять окружению. Это болото. Поэтому и хочу забрать тебя с собой. Помочь сдвинуться с мёртвой точки...

Алан вертел головой:

— Нет... Как я уеду? Я не представляю. Я не могу... Как я мать

оставлю одну? Нет...

— Именно потому, что решение, что ты примешь, полностью изменит твою судьбу, я и даю время подумать. Оглянись по сторонам. Посмотри, хочешь ли ты всю жизнь прожить здесь, или увидеть новые города и людей, запечатлеть их в своих рисунках...

Он молчал.

— Решишь не оставаться здесь — в дорогу! Жду два дня. Правда, я всего лишь помогу тебе выбраться и обустроиться на новом месте. Дальше — справляйся сам. У меня своя жизнь, у тебя — своя. Реализуешь себя или останешься в убожестве — только твой выбор. В конце концов, за исполнением своей миссии отвечать только тебе самому...

— Что еще за «миссия»? Минуту назад ты говорила, что я отвечаю только лишь перед собой, а тут уже оказывается, кому-то должен ...

— Верно, ты никому не должен. Только лишь перед одним существом ты несёшь ответ.

— Мать? — предположил Алан.

— Нет... Тот, кто поверил в тебя раньше всех, кто даровал жизнь и, отпуская на землю, сказал: «Живи и будь счастливым! Создавай и учись любить!» Он поверил в тебя... Поверила и я. Поверят ещё многие - стоит лишь захотеть. Наслаждайся жизнью, как музыкой - здесь и сейчас.

Настоящее счастье — быть творцом, отдавать. Создавать - значит давать свое создание. Не играя, я не чувствую себя счастливой. За фортепиано я пропускаю через себя что-то настоящее, удивительное... И сливаюсь с чем-то бóльшим, чем материя... Наверняка точно так же, как ты, зажав в руке карандаш. Если хочешь знать, что для тебя важнее всего, спроси себя: «Что останется от меня, если отобрать...?». Если отобрать у тебя родителей, что останется? Ты — сам. А если отобрать твоё рисование? А?

Алан заворожённо проговорил:

— Лишь тело...

— Именно! Рисование — это твоя душа. Так следуй за ней!

Они стояли перед выходом в коридор. Дверь была закрыта, потому что оба знали: стоит её открыть, как их встреча станет

прошлым.

— Обещаешь подумать? — шепчет Мари.

— Обещаю... — отвечает Алан. В руках у него рисунки, среди которых - и её изображение.

— Вне зависимости, увидимся ли мы... Можно я оставлю на память одну из твоих работ? — просит она, показывая на листы у него в руке.

— Да, конечно, — Алан с радостью протягивает ей рисунки. — Хоть все...

— Все мне не нужны. Они твои. И я хочу, чтобы лишь один остался со мной. Вот этот... — она выбирает лист, на котором *вагоны на своей спине несут к солнцу фигуру одинокого человека*. — Пусть он останется у меня.

Мари улыбнулась, прижала Алана к себе и нежно поцеловала. Он протянул руку, погладил её.

— А ты говорил - не идут...

— Что? — не понял Алан.

— Ты говорил, твои часы не идут. Хотя очень даже бодро тикают.

Алан прислушался — невидимая секундная стрелка звонко перебежала от деления к делению... И, судя по еле заметному движению минут, *шла в правильном направлении!* Алан ошарашено воззрился на чудо...

Мари открыла дверь, за которой уже дожидался коридорный.

— Надеюсь, до встречи... — помахала она Алану, и закрыла сегодняшней день на замок.

На этот раз они бесконечно брели по пересечениям коридоров в абсолютной тишине. Никто не встретился на пути.

— Который час? — спросил Алан.

Тот, прикинув, ответил:

— Половина девятого... Точно половина.

«На улице, наверняка, кромешная тьма», — про себя подумал Алан.

Юноша попытался перевести часы в соответствии с указанным временем, но, как и раньше, стрелка не сместилась ни на миллиметр. Похоже, прибор сам решал, как, когда, и в какую сторону

ему двигаться. Наконец, Алан с провожатым добрались до выхода, где его ждал ещё один сюрприз — в маленьком холле за стойкой администратора сидел мистер Морли. Увидев паренька, он радостно улыбнулся, и встал, чтобы пожать протянутую руку.

— Я рад, что тебе здесь понравилось. Мисс Уилсон тоже приятно твоё присутствие, мой мальчик.

— Спасибо огромное, что разрешили мне приходить, — искренне поблагодарил Алан хозяина санатория.

— Глупости. А вот, кстати, и обещанная вчера благодарность за спасение мисс Уилсон... — и протянул ему небольшую рамочку.

Алан принял свободной рукой подарок, и, рассмотрев его поближе, чуть не выронил листы! За стеклом в обрамлении деревянной рамки красовался его рисунок — тот самый, с поездом и фигурой человека. Именно его Алан только что подарил Мари! Точно такой же! Единственное отличие от «брата-близнеца» — большая закорючка внизу инициалов на латинице: «D.A.».

«D.A.» — это что... Дзгоев Алан?» — думал он, стараясь хоть сколько-нибудь прийти в себя и понять суть происходящего.

— Я вижу, ты ошарашен моим подарком. И я тебя абсолютно понимаю. Ещё бы! Этот рисунок семь лет назад я выкупил у одного коллекционера... Не буду говорить, что это стоило — ведь у искусства нет цены. С тех пор картина «скитальца», как я её иногда называю, висела у меня в кабинете. Я это говорю не для того, чтобы набить подарку цену, а чтобы ты понял, насколько он важен для меня, а значит, и я благодарен тебе.

Джим заметил листы в руках Алана.

— Ты тоже рисунки свои пришёл показать? Можно? Хм-м... Здорово! — он удивлённо и восхищённо посмотрел на застывшего в растерянности Алана. — Ты сам... Смог нарисовать? О, мисс Уилсон! Великолепно получилось...

Джим схватил руку Алана и затряс ее, как одержимый, не переставая хвалить его.

— Просто великолепно! Здорово! Теперь я ни капли не жалею об утрате моего любимого рисунка! Ведь теперь он находится у настоящего творца, способного оценить по достоинству другого

мастера...

— Я пойду? — тихо сказал Алан.

— О, да, конечно! — мистер Морли отступил в сторону. — Когда придёшь в следующий раз, принеси, пожалуйста, все свои рисунки. Очень прошу.

— Хорошо.

— Вот и славно! — улыбнулся Господин Директор. — Тогда до встречи, маэстро.

— До встречи...

На улице горы освещала недавно взошедшая яркая луна. Под ногами можно было разглядеть каждый камушек. Выйдя за ворота, он помчался к дому, прижимая к груди загадочный подарок и альбом со своими работами. Он шёл, изо всех сил стараясь не споткнуться. Ноги заплетались. Выбравшись на асфальт, наконец, огляделся.

Холодный месяц освещал всё крутом голубоватым, почти белым светом. Горы, дома, облака и река словно явились из иного мира. Желая побольше впечатлить редкостного в этих местах ценителя красоты, природа рассыпала в воздухе, закружила мириады тополиных пушинок. Сначала Алан решил, что выпал первый снег. Но, поймав в ладонь мягкую кроху, понял, что это!

Но откуда и как?! Осенью?! В горах?! Здесь отродясь не было тополей. Он видел их лишь однажды, когда с родителями ездил в город. Это было единственное, что запомнилось, кроме самого поезда — как посреди лета в воздухе кружили пушинки... Мама тогда сказала, если поймать один из них в ладонь и прошептать свою мечту, она обязательно сбудется. Алан совсем не помнил, что именно он, будучи трёхлетним малышом, загадал и сбылась ли та мечта. Но сейчас, поднеся к губам зажатое в кулаке «письмо Богу» прошептал:

— Помоги сделать правильный выбор... Помоги!

Из раскрытой ладони пушинка взмыла в самое небо. Прямо к луне...

Глава 4

ПРОРОК

Всё было так же, как и прошлый раз. Я брёл в белом мареве, не ощущая даже собственного тела. Туман затопил всё. Казалось, я сам состоял из маленьких частиц воды, белым облаком застывших в воздухе. Я плыл в неизвестность, бессмысленно переступая ногами и абсолютно не ведая пути. Станционный Смотритель сказал: «Знаешь, куда идти, рано или поздно туда попадёшь». Беда в том, что я очень размыто представляю, куда нужно.

«Цок... цок... цок...» — раздавалось неизвестно откуда. Какой странный и приятный звук! Хочется слушать, наслаждаясь. «Цок... цок...» — повторялось с чётким интервалом. Отбивался неведомый ритм. Это не было похоже ни на один звук. Немного напоминало то, что раздавалось в обители Старьёвщика с появлением наручных часов — странный звук, манящий... Он явно принадлежал какому-то механизму: ведь природа предпочитает упорядоченный хаос, а не детальную точность. В нём чувствовалась сокрытая жизнь. К нему неудержимо тянуло. Очень хотелось узнать, что же может цокать так странно...

Пока я пытался представить фантастический механизм, звук внезапно исчез. Так же, как и появился. И я на мгновение выбрался из непроглядной мглы. Белое море осталось неприступной крепостью позади. Открылось пространство, со всех сторон окруженное стеной тумана. Огромной воронкой, не приближаясь и не отдаляясь, вокруг клубилась грозовая туча.

Я стоял на песчаном берегу маленького озера. Посреди на каменистом острове возвышалось большое дерево. Мёртвое, без единого листика. Корявые ветви торчали во все стороны...Гладь воды недвижно застыла, отражая яркую луну. Я поднял голову — месяца над воронкой нет. Лишь тьма... Тогда что отражается в озере?

«Цок... цок...» — донеслось иззади.

Зеркало воды тронула зыбь. На ней забрезжили яркие точки. От них по глади стали расходиться круги, словно шёл невидимый дождь. Сначала я подумал, что на несуществующем небосводе зажигаются звезды... Но «звёздочки» заметно увеличивались, как если бы поднимались с самого дна. И, в самом деле, достигнув поверхности, они отрывались, взмывали вверх, не переставая ослепительно мерцать холодным голубоватым, почти белым сиянием. Я неподвижно наблюдал за невероятно красивым зрелищем, когда из воды медленно поднимались тысячи светящихся пушинок. Воспаряя к дереву, они выбирали себе место, накрепко сливаясь с мёртвыми ветвями. И всё это - под аккомпанемент неведомого механизма...

Через считанные мгновения пушинки, словно листвою, украсили всё дерево и теперь свисали гроздьями, колыхаясь от малейшего движения воздуха. Но стоило последней корпускуле оторваться от зеркала, как вода стала покрываться льдом и вскоре полностью превратилась в твердыню. Туман заполнял пространство... Пока вновь не поглотил меня вместе с ожившим деревом.

Однако теперь биения механического сердца слышно не было.

Дверь негромко скрипнула. Раздался перезвон висящих у входа музыкальных трубочек — хозяева уже знают о новом посетителе. Я шагнул внутрь, преодолев «врата» в иной мир. Туман, как и прежде, ввалившись вслед за мной, постарался завоевать новые пространства. Но проиграл, растаяв в воздухе.

Помещение тонуло в багровой тьме. Обои, торшеры, бра, скатерти, занавеси — рдело всё. Полумрак, озарённый лишь неярким светом настольных ламп, наполнял воздух покоем и уютom выходного. Атмосфера ресторана была именно такой, какой её описывал Старьёвщик. Я понял сразу: это и есть место его встречи с Пророком.

Закрылась наполовину застеклённая дверь. Колокольчики подали серебристый голос. В воздухе витали лакомые ароматы. Фоном играла какая-то ненавязчивая мелодия. На столах ожидали пробы горячие блюда и открытые бутылки. В стаканах и фужерах

шипело игристое вино. Над столами плыла непринуждённая беседа вполголоса. Всё вроде здорово... Только людей почему-то нет. То есть они здесь явно были. О этом свидетельствовали и голоса, и звон посуды, и шаги официантов. Уж им-то доподлинно было известно о присутствии в зале незримых фигур, моему зрению почему-то недоступных.

Опять где-то внутри больно кольнул страх неведомого.

— Добрый вечер. Ресторан «Княжеский» приветствует Вас, — услышал я раздавшийся рядом голос. Оглядевшись по сторонам, понял: со мной разговаривает пустота. Там, где должен стоять дружелюбный администратор, — лишь воздух. От неожиданности я резко отшатнулся, чуть не опрокинув вешалку. — У Вас столик заказан или Вас ждут?

Я перевёл дыхание, стараясь уловить хоть какое-то движение говорившего со мной. Но тщетно — лишь предметы вокруг.

— Э-э... Меня ждут, — неуверенно выдавил я.

— Хорошо. На чьё имя был сделан заказ? — спросил воздух.

Немного подумав, я сказал, что, скорее всего, на имя Пророка. После секундного замешательства и шелеста невидимых листов мне ответили, что «такого имени, к сожалению, в списках не значится».

Поразмыслив ещё, я объяснил, что меня дожидается пожилой господин, заказавший борщ и водку, и что он в кремовом пиджаке.

— Одну секунду, — после замешательства произнёс невидимка. И, судя по шагам, начал удаляться, лавируя между столиками. Когда звук шагов вернулся, голос добавил:

— Господин Вас ожидает. Следуйте за мной.

— Невидимый Пророк — это слишком... — расстроено подумал я.

Вопреки ожиданиям, лишь войдя в зал, я увидел за столом прямо у большой витрины человека за трапезой. Уверенно подойдя к столику, я остановился рядом с солидного вида мужчиной. Он был уже преклонных лет, но назвать его стариком не поворачивался язык. Пророк обладал угловатыми чертами лица. Длинные седые волосы аккуратно зачесаны назад. Я терпеливо

ждал, когда же меня пригласят к столу. Но он, судя по всему, вообще не собирался этого делать.

— Может, перестанешь выделываться, а просто сядешь? — наконец, сказал он, так и не глянув на меня. Я послушно сел.

На огромном окне, больше напоминавшем витрину, виднелась лишь обратная сторона складывающихся в название ресторана букв, а за ними — непроглядная стена тумана.

Человек напротив меня громко прихлебывал, с удовольствием поглощая борщ. Казалось, всё его внимание было поглощено снедью. Но почему-то не покидало чувство, что он внимательно разглядывает непрошеного гостя, сканируя каждый мой жест.

Так или иначе, я попал сюда не для того, чтобы играть в молчанку.

— Мне сказали, Вы можете помочь, — начал я, решив, что просьба, ради которой я сюда пришёл, поможет мне справиться с явно непростым характером этого мужчины... Но просчитался.

— Кроме самого себя, человеку никто не может помочь. Другие лишь способны чуток подсказать направление. И то — не факт, что оно окажется верным.

Пророк оторвал взгляд от тарелки, мельком глянул на меня, вероятно, успев полностью считать всю мою подноготную. Затем сосредоточился на более важном, чем разговор с каким-то незнакомцем: из стеклянного графина налил в рюмку немного прозрачной жидкости.

— Твоё здоровье... — оторвал он рюмку от стола и опрокинул содержимое внутрь. Замер, ощущая, как обжигающее тепло медленно пробирается к центру тела. Поморщился. — Я помогаю только тому, кому *мне* интересно помогать. Поэтому, если чего-то хочешь от меня, объясни своё отличие от других попрошаек.

Честно говоря, я удивился, не ожидая такого удара. Я представлял его кем-то вроде странствующего святого, любящего всех вокруг. Может, потому его слова прозвучали для меня кощунством...

— Странно... Я думал, что такие люди как Вы, умеют любить всех...

Пророк от моих слов застыл с ложкой у открытого рта, чтобы

затем рассмеяться в полный голос.

— Слушай, если ты к Иисусу пришёл, то он в другом месте. Видимо, адреса перепутал. Не надо относиться ко мне, как к святому из-за моих необычных способностей, которыми я обладал ещё при жизни. Я человек такой же, как и ты. И могу хотеть чего-то, а чего-то могу и не хотеть. И в этом смысле остался всё таким же живым, как и прежде, — он протяжно выдохнул, последний раз хмыкнул, и сказал:

— Ладно, колись, чего надо? Ведь в здешнем Мире не так-то просто добраться до другого человека. И, если ты здесь, значит, это тебе действительно нужно.

И выжидающе уставился на меня.

Пока я шарил в кармане, со стола успели исчезнуть пустая тарелка и графин.

— Мне большую кружку чёрного чая с тремя ложками сахара и лимоном. Хотя лучше дольки лимона принесите на блюде, — сказал Пророк, оставившись в воздух, затем повернувшись ко мне, спросил:

— А ты что будешь?

Сначала я хотел отказаться вовсе. Но, вспомнив, что соскучился по вкусам, попросил принести тёмное нефильтованое пиво и копчёный сыр. Пророк поблагодарил «воздух», что тут же зашагал в сторону кухни.

— Ну, так? Зачем я тебе?

Выложив на стол замершие часы, я подвинул их поближе к Пророку. Но тот даже не коснулся их, лишь привычно скользнув взглядом.

— И? Я как-то должен на них реагировать? Часы как часы. Стрелки стоят...

— Я вытянул их из своего воображения. Они должны помочь разобраться в себе. Вернуть прошлое. Указать, в какую сторону идти. Пришлось пройти огромный путь, чтобы эта вещица находилась сейчас здесь... Я очень ценил их, хотя бы потому, что они были частью меня. И именно в них крылась разгадка моей жизни.

Хотя я и старался изо всех сил донести до Пророка важность

этой вещи, он, судя по выражению лица, даже не пытался проникнуться моими чувствами.

— Время остановилось.... Прошлого у тебя нет... Что сложного?! Ты прямо трепещешь от созерцания безделушки! И этим только мешаешь себе понять её смысл. Говоришь, проделал огромный путь, лишь бы добыть сей артефакт... Огорчу — напрасно. Хотя ты всё равно наверняка не знаешь, что значит «тратить время».

— Почему Вы так говорите? — возмутился я.

— Почему? Потому что с таким трудом добытая подсказка не имеет смысла на Этом Свете. Потому что Этот Свет и есть одна сплошная подсказка (конечно, если захотеть видеть). Подобных вещей, подсказывающих вектор движения — море!

— Я не понимаю...

— Посуди сам. Если необходимо отыскать своё прошлое, то зачем тебе какие-то дополнительные средства? *Этот Мир полностью состоит из искажённого прошлого.*

— Всё равно не понимаю...

— Да потому что не хочешь понять! Ну, например, просто оглядись... Что это за место? Что оно напоминает?

Я сделал, как сказал Пророк.

— Ну, здесь особой загадки нет, — недоуменно пожал я плечами. — Это ресторан, о котором поведал Старьёвщик. Здесь... Точнее, в земном прототипе этого места, состоялась вторая, если считать случай с автобусом, Ваша встреча с ним.

— А что я ел? Помнишь?

— Водку закусывали борщом... Теперь ясно!

Пророк довольно кивнул:

— Ты видишь меня именно таким, каким хочешь видеть... Смотришь через призму созданного тобой образа... И точно так же все остальные люди, здания, события — все они полностью сформированы прожитым опытом. Открой глаза — и всё изменится!

Сначала я решил, что мне просто показалось. Всего лишь какое-то мельтешение слева... Но, повернув голову, ничего особого не заметил...

— Мы сидим *именно в этом есторане* только лишь потому, что оно *объединяет меня с тобой* через рассказ Старьёвщика. Это место — всего лишь *символ* встречи со мной.

Трепет повторился, только уже с двух сторон. На этот раз я успел уловить, как бутылка с вином на соседнем столе передвинулась на какой-то сантиметр, и, кажется, поменялся оттенок этикетки.

Зал наполнился движением, стал трансформироваться. Я наблюдал стремительные метаморфозы сервировки, мебели и интерьера. Казалось, кто-то ускоренно прокручивает то вперёд, то назад старую киноплёнку.

И ещё люди... Они появлялись на мгновения, чтобы вновь раствориться в пространстве... Официанты, мужчины и женщины... В лампах вразной мигал свет, словно светомузыка в такт джазовой мелодии.

Хотелось протереть глаза и встряхнуть голову, чтобы творящийся вокруг сумбур развеялся.

— Твой мозг... Или где у тебя хранится память? Пытается создать привычную картину, хаотично подбирая знакомые образы... — сказал Пророк. Его лицо, одежда и тело также менялись с сумасшедшей скоростью, будто кто-то составлял фоторобот... И этот кто-то — я сам.

— Сейчас возможны два варианта. Первый — ты подстраиваешь мир под себя. И второй — ты, наконец-таки, *видишь и принимаешь его таким, каков он есть с минимальным количеством собственных влияний на него.*

А звуки... Тысячи шумов смешивались в единый гомон, давящий на мысли тяжестью в тысячи тонн... Хотелось кричать. Боль давила на голову с новой силой, и... Я канул в пустоту.

Она был идеальной. Из самой глубокой её части, откуда выбраться не дано никому, доносилось то самое мерное «тиканье» неизвестного устройства. Я чувствовал, как биение моего сердца старается подстроиться под магический звук... Почудилось, что меня засасывает абсолютный вакуум... Боль отступила.

Прикосновение к руке. Я очнулся.

— Часы с самого начала не работали? — спросил меня Пророк,

взяв их.

Мы сидели на лавке под навесом автобусной остановки. Со всех сторон - вязкая жижа тумана. Не смея подступиться, она клубилась снаружи. Света хватало настолько, чтобы я мог разглядеть, как подошва моей обуви касается потрескавшегося асфальта... Или различить глубокие морщины на лице «инога» Пророка.

Куда-то подевались его угловатые черты, большой крючкова-тый нос... Голос также изменился. Да и одежда была не та — теперь на нём было пальто цвета индиго. Единственное, что осталось прежним — пронзительный взгляд и интонации хозяина положения.

— Когда они появились у тебя, стрелки не шли? — снова спросил Пророк, сидящий на скамейке слева.

— Кажется, шли, но остановились. Точно не помню, — пожал я плечами. Теперь я не мог ни о чем говорить с уверенностью. Неужели всё, знакомое мне, на деле — лишь иллюзия, легко разрушаемая всего парой фраз?

— Значит, поначалу они шли... — повторил сам себе собеседник, уткнувшись взором в циферблат.

— А что это за место? — действительно, было интересно, где я.

Провидец оторвал взгляд от хронометра, оперативно оглядел остановку и молвил:

— Добро пожаловать ко мне. Это — автобусная остановка, через которую не проходит ни один автобус. Мой Мир.

Конечно, я мог ошибаться, но говорил он с плохо скрытой грустью в голосе. Чудак снова заинтересовался вещицей:

— Эти часы — не более, чем метафора, знак, символ твоей основной проблемы. Только решив её, сможешь двигаться дальше.

— Точно так же, как то кафе — всего лишь метафора «встречи с Пророком»? — повторил я его же слова.

Он кивнул:

— Это ты понял, иначе мы бы до сих пор сидели там. Кстати, борщ в ресторане просто великолепен.

— А я пива с сыром я так и не попробовал, — пожаловался я.

— Как на Этом Свете, так и на Том, у каждого - своя миссия...

И для её осуществления даётся всё необходимое. Так вот, я могу видеть *сущность предметов и вещей*, а не их внешний облик...

— Например?

Пророк вроде говорил вполне понятно. Но в то же время хотелось уточнить, правильно ли я его понимаю.

— Например? Ну... Возьмём лист бумаги — что это?

Мне, конечно же, хотелось сказать, что бумага это то, на чём пишут или рисуют... Но, желая продемонстрировать смекалку, я ответил:

— Лист бумаги — это часть срубленного дерева.

Но он лишь покачал головой:

— Лист бумаги — это один или два полноценных рисунка, треть письма из шести страниц, бумажный самолётик, кулёк для семечек, несколько небольших стихотворений...

— То есть Вы можете предусмотреть предназначение вещи?

— Именно. Ведь всё не просто так! И, если вещь используется по назначению - значит, всё как надо!

Я вспомнил разговор со Старьёвщиком.

— Именно поэтому Вы говорили, что максимум смысла может быть у денег?

— Да! Я даже не берусь перечислить все возможности этих раскрашенных бумажек. Но, докопавшись до самой их сути, увидишь, что они — не бумага и не краска, а время. То, чего ты лишён. Мои слова — не пустой трёп. Время и деньги — о них я знаю не понаслышке...

При жизни ещё с самого детства я был свободен от мнения большинства и никогда не принимал слова на веру. Так я научился как бы со стороны на слова и поступки людей. И уже лет в двенадцать, когда мне говорили про кого-либо: «Посмотри: он ужасно себя ведёт! Позор семьи!», я лишь слышал: «Я завидую ему, потому что не могу позволить себе быть таким же раскрепощённым. Боюсь, обо мне плохо подумают...» Я видел, что все постоянно играют какие-то роли, пытаюсь управлять другими. Какое мне было? Ведь, если человек не играет, общество обычно отвергает его. Именно так и было со мной. Там, где я жил, правила игры были очень жёстки. Когда, будучи ещё подростком, я

стал их нарушать, люди испугались. Боялись, что «этот маргинал» разрушит привычный уклад жизни и заставит шевелиться их маленькие заскорузлые миры. Они изгнали меня, тем самым открыв огромный мир возможностей, но закрыв мир семьи.

В странствиях я познакомился с силой денег. Их власть лишь отчасти - способность приобретать товары и услуги. Их истинная суть - возможность *купить время! А время — это жизнь*. Затем я узнал, что и это не главное. Важно не количество времени, а «качество его расходования». Один и за всю жизнь не создаст того, что другой сотворит за полчаса. А если перевести время в деньги, то получается... Выходит такая цепочка: жизнь можно разбить на время, а время приравнять к деньгам. Получается, что можно купить жизнь за деньги. Например, доллар за час, а? Понимаешь, к чему я?

— Мне не нравятся Ваши рассуждения.

— Почему? — удивился Пророк.

— Потому что... Я, конечно, плохо понимаю, в чём суть времени... Но чувствую: Вы неправы. Будто в Ваших рассуждениях есть подвох, и они нужны, чтобы сбить с толку.

Прорицатель довольно улхмыльнулся:

— Ты смог *почувствовать суть моих слов*. Это хорошо. Только я путаю не для того, чтобы сбить с толку, а чтобы научить чувствовать. Только так ты разгадаешь суть часов. Я не могу просто так взять и принести все ответы на блюде: ведь тогда это будет не помощь, а сделка. Тебе нечего мне предложить, а это уже долг. Быть должным на Этом Светее, впрочем, как и на Том — всё равно, что увязнуть в болоте. Что именно тебе не понравилось в цепи: «Жизнь — время — деньги»? Думай!

Я не знал, как точно сформулировать мысли:

— Кажется, в этой цепи нет какого-то важного звена... Но какого?

— Действительно, какого? — подначил меня Провидец. - Помоему, я натолкнул тебя на мысль. Не упустить её...

Я надеялся понять, что так сильно отталкивает? Что не устраивает во вполне логичных сентенциях?

— *Старайся не понять, а почувствовать направление*. Ло-

гика ни в каком из миров не способна привести человека к мечте. Заметь: тут вселенная абсурда. Следуй зову души.

«Жизнь = время = деньги, — проговорил я про себя, — на деньги можно купить свободное время, а на время — жизнь. Но ради чего?»

— Главное - правильно спрашивать... — сказал Пророк.

Кажется, *я ощутил!* И это тотчас отразилось на лице!

Совсем разные вещи, когда тебе говорят одно и то же отвсюду, и ты вроде бы согласен, но... И совершенно другое, когда то же доходит до самого сердца, и ты чувствуешь этот смысл нутром. Ответ возник сам собой:

— Зачем досуг, деньги, жизнь вообще? Вот чего не хватает в цепи! Деньги — это богатство, известность, свободное время... Но какой в этом смысл? Просто, чтобы комфортно жить и умереть, продолжая похождения *здесь?* Зачем жизнь, если отречься от своего? Ведь именно поэтому все мы и застряли на Этом Свете, мы, предатели своей мечты. Потому что не реализовали своё...

— Предназначение! — закончил мою мысль Пророк. — Наконец дошло! Здесь каждый находит уйму подсказок. Они рассказывают, что именно мы не сделали Там. В этом главный смысл твоих часов. Там ты не разглядел свою миссию в череде серых будней и предал её, не осуществив. За это тебя лишили прошлого и будущего, то есть времени — не наказав тебя, а дав подсказку, чтобы ты скорее нашёл верный путь.

— Мир не наказывает, Он подсказывает...

Прорицатель согласно кивнул. Отвернувшись, стал созерцать туман. Эта пелена — не водяная взвесь, а защита путников, попытка спрятаться от тягостных дум. Может, показалось, но мой новый знакомый стал спокойнее, как только я приблизился к сути. Он молчал, а мне не хотелось мешать. Ничего не оставалось делать, как вместе с ним наблюдать за клубами призрачной хмари. Туман причудливо переливался всего в нескольких метрах от меня.

— Хорошо, что ты не воспринимаешь происходящее как наказание. Хотя бы на Этом Свете мы учимся учиться, а не страдать. Живым, как и большинство людей, я воспринимал смерть карой.

И, лишь попав сюда, понял, что *гибель* — не более, чем ограничение по времени... *Чтобы мы, люди, свои дела не откладывали на потом.* Кончина — лишь подсказка, что время нужно ценить... Так же, как боль — подсказка, что с телом происходит неладное и необходимо принять меры...

Ты не задумывался, зачем вообще умирать, если и на Этом Свете мы продолжаем решать те же задачи, что и при жизни? Спокойно бы решали их Там... *Бес-ко-не-чно!* Да чёрта с два! И пальцем бы не пошевелили! «Ах, научусь играть на фортепьяно *потом!* Ведь впереди - целая вечность!» — думали бы люди. Хотя нет, о чём это я?! Ведь так большинство и поступают — откладывают реализацию идей, желаний и мечтаний на *бесконечное потом...* И тогда попадают сюда, где время не имеет значения... И можно без конца и без цели брести в непроглядной мгле...

А люди, глупцы, бояться умереть...Это идиотизм. *Бояться нужно не успеть выполнить свою Миссию, не успеть побыть счастливым!* Смерть помогает начать жить сейчас, а не потом! Мы умираем потому, что это хоть как-то заставляет шевелиться... Жизнь кончается в трёх случаях — или когда некто выполнил свою миссию, или когда уходит далеко от своего Предназначения, или, в-третьих, *когда остановился.* Во втором и третьем случаях утрачивается смысл бытия. *Mission impossible!*³ Поэтому, пока человек жив, он может всё исправить.

— Даже если остался всего один день - пусть он будет прожит так, как хочется, а не как надо... Можно меняться, имея всего лишь сутки... Да что там!... Всего пять минут в запасе. Кто знает, может они продлятся дольше, чем думаешь! — важное само совалось с языка.

— Точно... — поддержал меня собеседник. Затем рывком тронулся с места и подошёл к границе остановки. Там, словно огороженный невидимой стеной, начинался туман. Видно, как он двигался, переливался, бессильный проникнуть внутрь. Пророк сунул руку в белое марево и оторвал от общей массы маленький клочок ватного тела. — Как ты думаешь, почему в Городе такая

³ Mission impossible (англ.) — Миссия невыполнима

непроглядная мгла? — спросил он, наблюдая за пустыми руками.

Я пожал плечами.

— Мне пришлось долго думать об этом, — продолжил вещун. — Хотя и не могу утверждать наверняка, но он был создан, чтобы заставить людей остаться наедине с собой. В жизни мы избегаем одиночества, пугаясь его, словно наказания. А тут, хочешь-не хочешь, приходится быть одному и думать, думать, думать... Среди живых мы были вооружены тысячью способов избежать болезненных переживаний: страха, тревоги, боли... Чуть что - можно было всегда кому-нибудь позвонить или поплакаться, посмотреть, почитать, выпить, поиграть — что угодно, лишь бы не чувствовать. Тем самым мы лишали себя возможности понять, что именно в себе и в жизни не нравится и постараться изменить это. Но мы считали боль врагом и вечно бегали от неё, пока не оказались здесь — за гранью жизни.

Никогда не думал, что скажу это вслух, но я действительно благодарен, что когда-то меня изгнали из родных мест, заставив научиться одиночеству. Точно так же я благодарен этому Туману. Он помогал оставаться наедине с собой. В конце пути тебе, как и всякому, предстоит столкнуться с квинтэссенцией всех страхов. Приняв всем сердцем, что ничто не дано для страдания, а лишь во благо, одолеешь последний искуc.

Когда прозорливец умолк, послышался звук мотора.

— Когда-то через эту остановку не проходил ни один маршрут. Это место, как и человек, прозябающий тут, не выполняли своё Предназначение. Когда-то я испугался столкнуться лицом к лицу со своей болью. И это не позволило осуществить мою миссию до конца. Как и большинство, предпочёл гарантированную скуку упоительному риску... Ступор - движению. Смерть - жизни...

Звук приближался, пока не застыл напротив. Провидец приблизился, и, протянув руку, коротко сказал:

— Пошли...

Я ухватился за ладонь, словно за спасательный круг. Встал со скамейки и, не раздумывая, прыгнул в туман.

— Перед уходом я должен был дождаться тебя... — послышался голос идущего впереди.

— Откуда Вы узнали, что я должен прийти? — недоумевал я.

Он хмыкнул:

— А как ты думаешь? Я же Пророк...

Несколько шагов — и мы в салоне автобуса. Двери со скрипом закрылись. Машина тронулась с места. Движение ощущалось лишь покачиванием да рокотом мотора — окна словно заклеены белой бумагой.

В салоне кроме нас - никого. Вещун сразу же сел, а я остался стоять, вцепившись в поручень.

— *Хватит думать! Просто наслаждайся поездкой,* — сказал шутливо он и жестом предложил присесть рядом. Я послушался. — Не знаю, сколько у нас времени... Но не факт, что вояж будет долгим. Постарайся всё запомнить. От этого зависят твои шансы сдать последний экзамен.

— Вы меня напугали... Этим... Испытанием, — признался я.

— Боишься - значит, ещё не до конца понял: проблем нет... А есть лишь препоны, помогающие вырасти, стать лучше, снять ещё один слой...

— Слой?

— Да, — кивнул Пророк. — Слой за слоем — невежество, боль, убеждения, желания... Лишь расчистив себя от них, человек может свободно воплощать волю Общего Потока...

— Можно подробнее?

— Нельзя. У нас, как бы смешно это ни звучало, совершенно не осталось времени.

— Но почему? — удивился я.

— Перестань спрашивать и послушай! Просто слушай... — Пророк был спокоен, но в интонациях звучала тревога. — Ты у самого края бездны. И выбора нет — или прыгать, или возвращаться назад, продолжая вечно влачиться во мгле.

— Вы о последней проверке?

— Это только так называется. Просто, чтобы наконец-то выбраться, придётся подвести итог.

— Что ещё за «итог»?

— Просто слушай! Уверен: в нужный час ты всё поймёшь. Единственное, что нужно — увидеть смысл исчезнувшего време-

ни с помощью подсказок. Разделить Твой Свет на части, а затем собрать вновь. Лишь так можно решить головоломку.

— И что же это за головоломка?

— Найти ответ предстоит всякому намеренному переступить черту Своего Мира. Кто ты?

— Что?! — ошарашенно спросил я.

— КТО ТЫ? — ещё чётче повторил провидец. — Получив ответ, отыщешь и выход. По сути, наши поиски и сводятся к банальному: «*Кто я есть?*»

— Ну, это просто! — обрадовался я простому решению. — Тут даже думать не нужно!

— И-и? — Пророк насмешливо вскинул брови.

— Я — Проводник! — истово выпалил в предвкушении скорой развязки. Но... Так ничего и не произошло. Разверзшаяся тишь казалась ещё более неприятной. Лишь спокойный рёв мотора не давал сгореть со стыда. Пророк театрально, неспешно огляделся, всем видом показывая мне, что ничегошеньки не происходит, а затем зафиксировал взор на мне.

— Не всё так просто!

— Но... — хотел я возразить, когда он жестом остановил меня.

— Тебе пора. Кажется, сейчас выходить.

Лишь он договорил, как автобус замедлил ход и стал. Двери раскрылись.

— Говорил же: времени нет. Не забудь... — он протянул хронометр. — Расчлени. Посмотри со стороны. Потом вновь соедини. Тогда и познаешь, кто ты. Прощай, Проводник.

На сей раз совсем не пришлось блуждать во мгле. Сделав несколько шагов, я упёрся в большую дверь. Тронув солидную деревянную ручку, сразу узнал её, словно старого приятеля. Это были двери Вокзала!

Было интересно, куда провидение закинет на этот раз. Честно говоря, лучше уж так, чем встретить очередного монстра.

— Заходите?! — неожиданно раздалось возле самого уха. Обернувшись, я увидел лишь тонуций в белой дымке силуэт. — Разрешите пройти.

Я рефлексивно отступил, так и не ответив незнакомцу. Тут же

раздался скрип двери. Некто прошмыгнул в появившийся проход. Я последовал его примеру.

Удивление настигло позднее... Сначала просто стоял, озираясь и наблюдая за ожившей машиной. Где былая тишина и пустынные коридоры? Где чувство одиночества? Где запах плесени, любовавший застойный воздух? Где темнота, проросшая по углам?!

Внутри кипела жизнь! Пассажиры непрерывно заходили в помещение и выходили в туманный Город, непременно громко хлопая дверьми и лёгким строевым шагом устремляясь вдоль ярко освещённых проходов. Мраморные полы и стены блистали чистотой. Цокот каблучков, шарканье подошв и грохот колёс больших чемоданов — всё это наполняло Вокзал пульсацией жизни.

Неспешно ступая в людском потоке, я озирался по сторонам, словно был здесь впервые. Хотя отчасти так и есть — внутри *такого* Вокзала бывать не доводилось.

Прямо по коридору. Затем - направо. Потом - налево, пока не окажусь в большом зале. Тут к кассам прильнули длинные сонные очереди. И лишь у одного окошка никого нет. У того самого, где встретил первого в Городе человека, Станционного Смотрителя. Бородатого, грозного на вид мужика с удивительно неподходящим писклявым голосом. Туда я и направился.

Как и предполагалось, он всё так же сидел в каморке. Правда, вместо фонарика помещение теперь хорошо освещалось настольной лампой. Мужчина не возился, как в прошлый раз, с пайком, а просто сидел, закрыв глаза и подперев щеку.

«Тук-тук!» — вежливо и как можно тише постучал я о стекло. Но и в этот раз желание не напугать претерпело крах. Даже от тихого звука страж вздрогнул и вскочил с места. Стул упал. Не соображая спросонья, что произошло, он, словно загнанный в угол зверь, стал вертеть головой по сторонам в поисках путей к отступлению. Я же терпеливо дожидался, когда мой пугливый знакомый, наконец, придёт в себя.

Увидев за стеклом улыбающееся лицо и сообразив-таки, где он находится, мужик громко выдохнул.

— Здравствуйте! — кивком приветствовал я его.

— Сейчас выйду... — вместо приветствия ответил тот недовольно.

Бородач принялся поднимать стул, бормоча под нос. Я направился к грандиозному окну с видом на перроны. Усевшись на подоконник, стал наблюдать за снующими меж вагонов толпами разнокалиберного люда. Все куда-то бежали, стараясь успеть на поезда. Почти все пути заполонили монстры-составы. Часть их дремала, ожидая пассажиров, а другие — или отправлялись в дальний путь, или прибывали на Вокзал Города Туманов.

— Неплохо всё поменялось, правда? — пискнул с боку голосок.

— Да. Вокзал ожил и стал похож на себя, а не на заброшенный замок, — согласно кивнул я. Страж присел рядом, наблюдая за людской лавиной. Так и сидели. Каждый думал о своём.

— Как в муравейнике... — нарушил он тишину.

Я покачал головой, понимая, что более точного сравнения нет.

— Куда они так торопятся?

Мужчина перевёл на меня удивлённый взгляд. Судя по всему, ему это и в голову не приходило.

— Куда?! — задумчиво переспросил он. — Может, стремятся успеть? Хотя зачем и куда торопиться, если время здесь не имеет границ? Желают успеть то, что не успели.

Мы вновь замолчали.

— Когда ты ушёл, — внезапно начал он, не отводя глаз от шеренг вагонов, — я много думал о твоём явлении, о переменах, принесённых тобой. Много думал о тебе... О себе...

— Обо мне?

— Да... Видимо, ты уже успел понять, что наши «профессии», наши сущности, в обличье коих мы на Этом Свете, — нечто вроде указателей на совершенные ошибки. Подсказки! Вот, например, я неспроста - Станционный Смотритель, а ты неслучайно - Проводник.

— Да? Я как-то не задумывался...

— Пора бы уже... — приятель почесал бороду, будто давая понять, что следующий ход — за мной...

— И что значит моя профессия?

— Не знаю, — развёл он руками. — Только ты и можешь понять, что ты задолжал Работодателю!

— Какой ещё «долг перед работодателем»? Ничего не понимаю...

— Посуди сам. Мы все рождаемся, чтобы воплотить, провести через себя Его Замысел...

— И что?! — я изо всех сил старался сосредоточиться.

Бородач терпеливо кивнул:

— Я говорю о сделке, договоре между Ним и Нами. Всевышнему нужно осуществить задумку. Не знаю почему, Он просто не может это сделать щелчком пальца... Да и не дано нам это постичь. Но однозначно Ему требуется помощь людей...

— Помощь людей? Как это? Мы способны помочь Ему? Почему-то казалось, что Он всемогущ, и уж кто-кто, а люди точно не могут быть полезными для...

— Представь, что мир многослоен, — перебил меня Смотритель. — Допустим, этих слоев 33...

— Почему именно 33?

— Сколько букв в русском алфавите? Ну, не нравится — хочешь, будет как в английском — 25. Так вот, он находится наверху в слое «А». Чтобы превратить замысел в материю на уровне «Z», ему нужен кто-то, кто одновременно пребывает сразу в нескольких слоях. Я думаю, что средний человек существует сразу в трёх слоях: с «X» по «Z». Некоторые, например, пророки и ясно-видящие, могут заглянуть ещё на пару слоев — до слоя «V». А на слое «V» можно соприкоснуться с другими существами...

— Ангелами? — догадался я.

— Или демонами, — согласился Смотритель, — которые также находятся в нескольких более верхних слоях. Например, со слоя «S» по «V».

— А мы... А мы, по-твоему, где?

Страж Вокзала покачал головой:

— Я боюсь, мы вообще вне слоев... Где-то в стороне.

— Потому что не справились?

— Наверное. Я же только предполагаю. Истины вообще нет — есть лишь мнение... Так вот, для реализации проекта нужны лю-

ди. И Он, наш Работодатель, как бы нанимает нас, не забывая при рождении обеспечить всеми необходимыми для «хорошей работы» инструментами: начиная от характера и заканчивая способностями и талантами. Выполнив свою часть Договора, человек вознаграждается дополнительными бонусами ещё прижизненно. Например, счастьем и гармонией. Разве это рабство? Разве это нечестно? Это равенство — бери да делай! Получается, мало быть хорошим и не грешить, как меня учила глубоко верующая мать. Зачастую это даже мешает. Вот я вроде следовал всем заповедям, а все равно очутился здесь. Какая разница, хороший ты или плохой? Главное - выполнил ты свою миссию либо растратил жизнь попусту?

— Так если «бери да делай», почему же мало кто добросовестно выполняет условия договора?

— Я тоже над этим размышлял... Чаще всего люди, словно в болоте, утопают в навязанных с детства правилах, обязанностях и привычках. Мы словно внутри черного непроницаемого мешка.

— Или среди густого тумана!

— Или так, — согласно кивнул Смотритель, — бредём, не разбирая дороги, не видя дальше собственного носа. Нужно избавиться от шор устоявшихся принципов. И сначала *узреть* свой Путь. А затем и начать *двигаться*, день за днём реализуя Его, а одновременно и свою Волю. И получая как бонусы свет и счастье.

— Так просто? Поснимал ненужные установки — и в путь?

— Конечно, не всё так гладко. Чаще они только начинают отлипать в процессе движения. И происходит это всю жизнь. Нельзя стать идеально чистым. В воздухе всегда будет витать приставучая пыль. Почему-то так устроено, что исполнение Миссии всегда лежит через преодоление страхов... То есть, если боишься быть на людях, то придётся учиться именно этому.

— Ощущение, что Работодатель — садист какой-то. Он что, не мог каждому раздать дело по зубам, без лишних препятствий?

— А «лишних» Он как раз и не даёт! Одолевать препоны — в первую очередь, значит расти! Проблем нет - есть лишь возможность улучшить жизнь. *Не будет преодоления — не будет движения*. Смысл роста теряется. Я пока это не могу точно объяс-

нить, но почему-то устроено именно так!

Тут в голову пришла забавная мысль, которой я тут же поделился:

— В Этом Мире я успел узнать, что наказаний не существует. Есть лишь помощь в движении — то, что позволяет увидеть недочёты и исправить их... И что подталкивает вперёд.

— Типа того...

— С этой точки зрения, смерть - увольнение не справившегося с миссией.

— Или повышение, — улыбнулся бородач. Ему явно понравилось сравнение, — если решил задачу.

— Послушаешь тебя - жизнь и смерть вообще на игру похожи!

— А разве не игра? И увлекательная. Постигший это становится сам себе хозяин. А берущие слишком всерьёз - в диком напряге - перестают наслаждаться, начинают бояться смерти... И проигрывают!

— Кое-кто доходчиво объяснял, что страх смерти — идиотизм... — припомнил я слова Пророка.

— Люди боятся смерти, думая, что так ценят жизнь. Но это ошибка. Ценить жизнь — значит обесценить её размеренность. Мы держимся за серые будни, за скуку и апатию (воплощение привычек) думая, что это и есть бытие. Мы *это* боимся потерять? Такой огромный путь ты осидлил лишь потому, что тебе здесь было хорошо и хотелось разгадать этот странный мир... Разве нет?

Я согласно кивнул.

— Прожив так же ярко, а не в страдании, ты точно бы не очутился здесь — в стороне от от Общего Потока...

— Что ещё за Общ^{ий} Поток?

— Название не имеет значения. Это всего лишь обозначение процесса... Процесса воплощения. Нечто типа Единого Разума. Никогда не замечал, что Мир, несмотря на кажущийся хаос, удивительно систематичен?

— Какой — Этот или Мир Живых?

— Всё равно... Всё делится на подтипы, типы, виды и так далее. Вселенную можно расставить по полочкам, втиснуть в таб-

лицы... Даже людские характеры подлежат строгой классификации. Не задумывался, почему? Словно кто-то создал огромный муравейник, где одни управляют, другие выдумывают, третьи исполняют, четвертые совершенствуют и так далее...

Если взять всех людей и каждого отнести к какой-то группе, получится, что всё разумно и целесообразно. Словно человечество — одна большая организация.

— То есть?

— Представь: ты хочешь нечто воплотить.

— Ну...

— Первым делом разрабатываешь Идею. Ставишь задачу. Дальше в ход идут администраторы, которые нанимают персонал, проверяют, устанавливают связи с другими структурами...

— И?

— Тогда принимаются за дело исполнители. Работяги. И только потом — те, кто совершенствует уже сложившийся процесс... Правда (вот беда) не любят люди менять устоявшееся... И получается, что, если смотреть оттуда... — он показал пальцем вверх, — то каждый должен занимать свою нишу. Для этого от рождения даётся всё...

— Здорово...

— Идеально, если бы каждый исполнял свою роль... Но это редкость! Хочет родитель видеть дочь юристом — и не волнует, что она — прирождённая певица. Поэтому Землю заполнили армады бессмысленно прожигающих себя грустных, серых людей. Каждый хочет быть кем-то значимым! Лично я всегда боялся не смерти, а исчезнуть незаметно, не оставив после себя ничего. Был такой-то, а затем, бах... Не стало. Так и получилось, — тяжело вздохнул Смотритель Вокзала. — «Я лишь на время. Я исчезну, не оставив следа!» — эта пугающая мысль посетила меня, окончательно засев в голове и лишив покоя, после просмотра одного фильма о Второй Мировой. Показали концлагерь. Когда привозили новую партию заключенных, их пожитки отбирали и раскладывали по частям: бумаги отдельно, стекло отдельно, игрушки отдельно. До сих пор, вспоминая эти горы сваленных вещей, содрогаюсь от холода омерзения. Больше всего мне запом-

нилась куча фотографий до самого потолка ... Помню, тогда подумал: там изображены дорогие кому-то люди... Чьи-то родители, дети, друзья... Но для чужих это лишь хлам. Получается, даже запечатлённая на фотоплёнке память — рядовое лицо или пейзаж — важно лишь для меня. Исчезну я — вместе со мной пропадут и воспоминания. Что тогда я могу оставить после себя? Детей? Да они через несколько лет после моей смерти с трудом вспомнят моё лицо! И это не значит, что они неблагодарные — просто так есть... А даже если бы и помнили, что толку?

Тогда-то и дошло, *что именно я должен оставить после себя — выполненную миссию...* Всё остальное — лишь стопка кадров, что рано или поздно исчезнут с лица Земли... Не нужно сохранять память по себе; не нужно «поджигать храм», дабы увековечить имя... Отбросив всё поверхностное, *единственное, что важно — умереть с ощущением радости и спокойствия, какое бывает после хорошего, насыщенного любимыми делами дня.*

Пока не осознал этой истины, я постоянно пытался стать уникальным. Воспарить надо всеми с помощью одежды, особых вещей, необычных увлечений, редких знакомств, тем самым, оставаясь обычным. А всего-то нужно было выполнять свою Земную Миссию, не слушая никого...

— Эх-х... — тяжело выдохнул Смотритель. — Вечное противоречие между желанием «быть со всеми» и «быть не таким, как все» не давало покоя. Тогда ещё я не понимал, что живу, являясь лишь частью целого, следующей в указанном кем-то направлении.

Как и большинство, я любил, когда решали за меня — что одевать, есть, куда ходить, куда смотреть. Толпа любит готовые решения: ведь тогда можно и дальше день ото дня брести по накатанному... Больше всего я презираю стадный инстинкт...

— Именно поэтому ты до сих пор здесь, — вспомнив, что именно подобное произошло со Старьёвщиком, я решил об этом сообщить Смотрителю.

— Да знаю я, — махнул он рукой. — Но пока ничего поделать не могу. До сих пор трясёт от одной только мысли, что мир разделён на тех, кто не любит самостоятельно думать, и тех, кто этим пользуется. А хуже всего, что принадлежать кому-то или

чему-то другому, человеку или вещам — выбор самих людей. Причем, не имеет значения, кому — определенному музыкальному направлению, политической партии или национальности — всё это ограничения. Именно они мешают человеку понять свою свободу от любых условностей.

Смотритель замолчал, грустно глядя сквозь окно, отделяющее от поездов. Я уже подумал, что он выдохся, но рассказ бородача продолжился:

— При жизни я до сорока лет оставался несчастным, ибо жил по принуждению. Тогда я не задумывался, что не обязан ходить на ненавистную работу, утопая в серых буднях, а по выходным - в водке или телевизоре...

В день моего сорокалетия погибла жена. Вроде бы случайно... Но я-то знаю, что она просто сдалась. Несколько лет оплакивал потерю... Это сейчас понятно, что даже не её саму, а утрату своих привычек и удобств. Ведь теперь приходилось учиться жить без неё. А тогда я думал, что смысл жизни - именно в ней... Хотя до ухода никоим образом не проявлял к супруге «реальной» любви. В общем, как бы ни печально, но её гибель помогла пересмотреть многое. Я понял, что сам себя заковал в кандалы быта... Постиг основное — всё, за что я так рьяно держался — прах! Я сжимал в кулаке воздух, думая, что там драгоценность.

— Вы, можно сказать, проснулись...

— Именно! Трезво посмотрев на свои сорок дремотных лет, смог увидеть, что и другие близкие мне до сих пор продолжают спать: следовать моде, стандартам, советам, обязанностям и предписанным правилам, а не себе в удовольствие. Я не видел вокруг счастливых...

Тогда, во что бы то ни стало, я решил написать книгу, которую так и назвал: «Жителям Сонного Царства». Как ни странно, но она за считанные месяцы стала настоящим бестселлером, а за год практически завоевала весь мир. Я стал известен... И, наконец, мог чувствовать себя по-настоящему счастливым. Теперь я мог помочь миллионам людей проснуться и осознать свои истинные мечты и желания.

— А что, бывают и «ложные» грёзы? По-моему, мечта есть

мечта.

— Ничего подобного! Всё имеет несколько обличий... Оттенков. Люди мечтали о том, о чём им говорили мечтать. «Быть счастливым — значит, носить вот такие часы. Быть успешным — значит отдыхать на этом курорте. Выглядеть так. Работать там. Иметь такую семью. Ездить на такой машине». И это грёзы?! Это желания?! Да уж... Если миссией считать всю эту мишуру, то, получается: жизнь дана лишь для того, чтобы обзавестись машиной, домом, детьми, лишним жиром и спокойно сдохнуть... Словно мы хомяки, а не люди!

— Глупо.

— Но оно так и есть!

— Так что с книгой? — напомнил я.

— Ах, да... Только вот я рассказываю не про книгу, а про свою наивность. Насколько я был глуп, думая, что способен разбудить Сонное Царство, упорно не желающее бодрствовать.

В процессе написания довелось стать свидетелем такой картины... Я сидел на вокзале, дожидаясь поезда. Дочь училась в другом городе, и я её встречал. Не рассчитав время, прибыл раньше. И просто сидел в зале ожидания, наблюдая за пассажирами. Метрах в десяти мельтешил парень лет тридцати. Он явно нервничал, бессмысленно вышагивая туда-сюда, и часто посматривая на часы. Так вот, сам он выглядел каким-то несуразным. Вдобавок в заднем кармане брюк из дырке торчал, словно хвостик, длинный ключ.

Он привлекал много внимания. Люди глядели, беззвучно смеясь. И понимаешь, ни один... НИКТО не подошёл, чтобы сказать о проблеме! Все наслаждались его нелепостью!

Это я описал в книге. Именно этот эпизод и ошеломил читателя! Знаешь, что затем произошло?

Показалось, что я догадался:

— Все, как один, кинулись сообщать ближним о выбившихся из-за пояса рубашках, пятнах от сока, пылинках на пиджаке...

— И торчащих ключах! Фактически, не научив задумываться о шокирующем равнодушии, я просто ввёл ещё одно «правило приличия»! Люди как спали, так и продолжали спать, продолжая

делать что-то лишь по инерции! Чтобы понять суть «Договора с Работодателем по представлению определённых услуг в обмен на счастье», минимум требуется хотя бы знать собственные желания! Но для этого нужно проснуться.

— Можно предположить, что случилось с тобой, когда пришло разочарование в «тупой толпе»?

— Ну, попробуй, — скептически протянул он.

— Ты зашился подальше от всех, решив, что все усилия - коту под хвост. Ради кого написана книга? Ради тех тысяч, кто не хотел и не собирался меняться? Или ради тех единиц? Ты угодил в рабство чужого пробуждения, став зависимым, хоть и не от матери, но от результатов труда. А это, по сути, не больно отличается одно от другого.

От моих слов лицо Смотрителя побагровело. Сказанное явно задело. И теперь он старался справиться с бешеным гневом. В конце концов, острый взгляд мужчины притушился:

— К сожалению, ты прав. Иначе бы я не обиделся. Перед дальнейшей дорогой предстоит понять ещё многое. Я избавился от пустоты - и Вокзал заполнился жизнью... Теперь нужно избавиться от самого Вокзала, чтобы двигаться дальше. Ты, кстати, наверняка уже понял: то событие с чудаклом на вокзале и стало по смерти моей путеводной нитью.

— Именно поэтому ты оказался Станционным *Смотрителем*! — удивился я тому, как это мне самому в голову не пришло?!

— А почему ты — *Проводник*, уже дошло?

Я виновато помотал головой.

— Могу предположить... — сказал он. — Ты, как и каждый в Мире Живых, - *проводник Его Идеи*. То, что ты здесь *Проводник* — и есть индикатор несоблюдения Договора.

Оратор слез с подоконника.

— А я пойду... «Испорченная» книга дожидается. Да и твой вагон наверняка соскучился. Надеюсь... Больше не свидимся.

При упоминании о книге, что в первую нашу встречу была безнадежно залита кофе, на моих щеках сам собой загорелся румянец стыда. Но экс-писатель, будто ничего и не заметив, протянул руку. И я с удовольствием её крепко пожал. Затем, развер-

нувшись, он направился к кассам и без лишних слов скрылся за дверью, словно сбежал от потенциальных вопросов.

В пустующие кассы стояли длинные очереди. Но люди всё скапливались, терпеливо дожидаясь, пока наступит их черёд...

«Что? Покупать билеты? — думал я. — Но ведь здесь нет денег! Или можно обменять билеты на что-то важное? Но кто будет что-то менять, если нет кассиров?! А если и взять билет, то куда? «Мне, барышня, два верхних плацкарта до Питера, на... Ой, здесь же и чисел нет! Тогда на первый попавшийся. Правда, у меня ничего нет! Но два билетика, будьте добры...» Снова чушь! Надо было спросить Смотрителя — что могут значить эти странные хвосты? Зачем толпиться у неработающих касс?»

Но комментарии не понадобились. Всё прояснилось само.

Сначала я решил, что показалось... Но затем убедился, что глаза не лгут. Люди, стоявшие ближе всего к кассам, казались прозрачными, призрачными — будто кто-то убрал контраст. Отдаляясь от окошек, пассажиры становились всё более «телесными». Получалось, что пребывание в очереди лишало плотности. Далее догадки подтвердились. Люди у кассы вовсе исчезали, растворяясь без следа! Только кто-то пропадал - все разом делали шаг вперёд, дожидаясь, пока не улечитесь следующий.

Вспомнилось: «Этот Свет — странное отражение того...»

Только так всё стало на места. Здесь продолжается ещё прижизненная имитация бурной деятельности... Хотя реально - напрасная растрата себя... Они здесь до полной аннигиляции.

Я видел огромный, битком набитый зал. Большинство просто стояло, переминаясь с ноги на ногу. Иные бессмысленно бродили в ожидании... Чего-то. Казалось - лишь я один понимаю, где нахожусь и что делаю...

За громадным окном - макраме путей. Раньше они пустовали. Ныне их заполнили разнообразные составы: обычные пассажирские, товарняки, какие-то специальные технические, с локомотивами и без, облезлые древние дизеля и новёхонькие скоростные экспрессы... А пассажиры высыпали на перроны. Кто бежал, навьюченный тяжеленными баулами... Кто просто ждал, прислонившись к фонарю...

Несомненно, здесь - словно в раю! Среди гомона и кутерьмы было хорошо... Но возникло странное ощущение, будто я выпадаю из этого вулканизма...

Из окна виднелся мой состав. Радуюсь ему, как старому другу, я не отрывал глаз. Казалось, он сияет, словно дождавшийся хозяина верный пёс. Почуял: дорога кличет. Пора...

Впитывая окрестную энергию суматохи, я неспешно брёл по узким, совершенно не рассчитанным на такое столпотворение коридорам. Влачился, осознавая, что вижу всё в последний раз. Я знал это точно.

Поворачивая за очередной угол, менял не направление, а пространство. Попадая в огромный зал, из будущего попадал в прошлое... Затем времена вновь менялись местам... Самое главное - начал ощущать ход времени. Станный механический звук, услышанный у озера, мнилось, раздавался внутри. Достав из кармана часы, глянул на стрелки, всё так же безучастные к реальности. Но не это главное. За мой вояж мне пытались объяснить суть времени, сравнивая его то с жизнью, то с деньгами, то с миссией... Но это всё равно, что объяснять покойнику, как дурманит свежескошенная трава... Главное - наконец-таки, *я смог почувствовать время!*

Миновав два зала, вышел на перрон. Огромный навес всё так же холодно флуоресцировал. Ныне мне, преодолевшему густой туман Города, это свечение казалось неживым. Добравшись до состава, я похлопал его по гладкому цельнометаллическому боку. Табличка всё так же указывала лишь на пункт назначения «Город», запамätовав о начале пути. Распахнутые двери вагона могли впустить кого угодно... Но в любом из Миров всему своё место. *Именно* поэтому никто не собирался занять *моё*. Зашёл в тамбур, прильнул к холодным стенам и вдохнул запах «дома».

Закрыл дверь. Затем — в длинный коридор с двенадцатью раскрытыми купе. Сворачиваю в своё, предназначенное проводнику — тому, кто никогда никого не сопровождал в длинном, скучном приключении. Крохотная каморка на двоих... На Этом Свете мя ближе всего... Расстилаю койку, стягиваю одежду и залезаю под одеяло. Здесь нет физической усталости. Сон и не ну-

жен. Скорее, спят из привычки иметь тело... Мёртвым не дано видеть сны...

Укутываюсь с головой. Плачу... Почему-то и грустно, и хорошо одновременно. Настигает ощущение дома. Родного тёплого угла, куда хочется вернуться. Где безопасно.

Я словно и приобрёл это место, и потерял его. В конце долгого пути я вернулся туда, где появился. Этот длинный вояж дал многое. Всё рядом. *Всё внутри...*

Состав дёрнула судорога. Он стал медленно оживать, набирая скорость. Безразлично, куда еду. *Важно, где нахожусь теперь и куда намерен попасть.* Сейчас торопиться некуда. Я решил действовать, поспав.

Но, как назло, не спалось. Вереницей плыли непостижимые персоны, их истории и тайная боль.

Старик... Более ценивший прошлое, чем настоящее.

Станционный Смотритель... Прикипевший к проигрышу, отринув победу... Словно они творили его, а не он их.

Старёвщик... Наблюдающий не за людьми, а за «барахольщиками» *свысока*, тем самым лишив себя радости.

Пророк, спасающий людей, а себя - предавший.

Все они уже там, куда я ныне только стремлюсь. Ну, а пока следует найти выход.

Я открыл недрёманные очи. Нырнул из мрака во тьму. Сел. Поезд трясло в такт перестуку колёс. За окном неслись неясные тени. Большая луна затопила купе.

Порывшись в кармане шинели, достал часы и положил их на стол. Стал пристально разглядывать циферблат, надеясь, что придёт озарение. Пророк уверял, что понимание придёт в нужный момент: «Расчлени. Посмотри трезво. Затем соедини всё заново. Тогда и узнаешь, кто ты...» Что имелось в виду? Разделить... Побывать отдельно... Посмотреть со стороны... Соединить... И разгадать тайну — кто же я такой?! Чушь! Но надо пробовать.

Окружающий Мир, Мой Мир - уже лучшая подсказка... Потому что Этот Свет и есть Я. Мы неделимы...

Я — Проводник поезда, следующего по маршруту «Из ниоткуда в никуда». Я не помню, что было до... И не ведаю, что будет

после. Где подсказка?!

— Из ниоткуда в никуда... — бормотал я вслух, — без прошлого, без будущего... Без времени... Кто Я?! Проводник... Всё, чем владею — непрерывное движение по траектории безысходности... Отсутствие времени - не кара и не шпаргалка. Это просто Способ Жить По Полной Прямо Сейчас. Ведь всё, что у меня есть — мгновение настоящего... Миг наслаждения всем сущим... Я есть лишь здесь и сейчас. Я ЕСТЬ... Чтобы найти выход, не нужно В ДРУГОЕ МЕСТО... И не надо ждать НУЖНОГО МОМЕНТА...

Я немедленно оделся и вышел в коридор, покинув немой хронометр на столе. Затем сотворил немыслимое - закрыл дверь своего купе...

После медленно и глубоко вдохнул. Чувствовалось, как воздух заполняет «живые» лёгкие. Дышал с наслаждением и вспоминал, как брёл среди седого тумана. Как всякий шаг был безразличен: ведь я оказывался в нужном месте тогда, как осмеливался на это. Я во мгле, будто в абсолютном вакууме, где есть лишь НИЧТО. Где я завис, бессильно перебирая ногами.

— Ты хотел знать, кто я? Теперь, постигнув СУТЬ, отвечу, о, Пророк! Проводник. Мужчина. Живое существо. Память... Но это - суета в сравнении со смакованием всякого мига... Где я... Просто... Есть... КТО Я? Я — ЕСТЬ! Я СУЩЕСТВУЮ ПРЯМО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС! ВНЕ КООРДИНАТ!!! — крикнул я закрытой двери, затем попытавшись её отпереть. Но она поддавалась с трудом.

Совершенно выдохшись, сделал лишь небольшую щель, куда бил ровный свет... Но я заставил себя сдержаться и не смотреть, что там...

Ещё поднажав, всё же смог приоткрыть дверь достаточно, чтобы протиснуться внутрь. Резко выдохнув, проник и стал на твёрдь. Там было спокойно и тихо.

Некто сидел спиной. Но откуда-то было ведомо, что он сжал мои часы, скрупулёзно их изучая.

— Откуда они у тебя? — спросил незнакомец, так и не обернувшись.

Глава IV

СЛАБАК

«Понедельник! Значит, нужно в школу... Нужно?! А если спросить по-другому — хочу ли я в эту коробку, с хаотично разбросанными обмылками наук, девяносто процентов которых — вовсе ни к чему?» — впервые спросил себя Алан. Задумался о желаниях, а не обязанностях...

Он сидел за столом, с неохотой ковыряясь тарелке при полном отсутствии аппетита. В животе обосновался твёрдый ком, пожирающий любые попытки переключить внимание на что-либо, помимо предложения Мари. Если бы ещё не эта обыденная головная боль... А подумать есть о чём...

Во-первых, нужно разобраться с этими странными часами, которые то стоят, то идут как попало, то, в конце концов, берутся за ум, аккуратно отсчитывая секунды и минуты. Сейчас на циферблате значилось пять часов, и, судя по тому, что на календаре появилась двойка, стрелки шли в вечернем режиме. Хотя на самом деле был совсем не вечер и совсем не пять.

Во-вторых, следовало хорошенько поразмыслить о подарке мистера Морли. Сейчас Алан больше всего склонялся в сторону иностранного юмора. Ведь, если слова хозяина «Красного Замка» о возрасте рисунка правдивы, тогда... Скорее всего... Тогда Алан ничего не понимал, потому что понять это просто невозможно — как он смог нарисовать точь-в-точь копию картины, которую рисовали уже до него? И стиль, и каждая чёрточка на тщательно изученном подарке были выведены рукой Алана. И (что странно) даже подпись походила на собственные закорючки! Хотя парнишка ни разу инициалы в подписи не ставил, предпочитая оставлять на редких документах разлапистую фамилию с завитушкой на конце.

Ещё с вечера сравнив подпись неизвестного художника с двумя выписанными собственной рукой буквами, он убедился в их похожести, но не идентичности.

Покоящийся за стеклом листок при ближайшем рассмотрении оказался немного пожелтевшим и выцветшим, будто и впрямь пролежал под нещадным к искусству солнцем какое-то время.

В общем, юнец пришёл к выводу, что, если это и розыгрыш, то, как и всё, относящееся к «Красному Замку», высшего класса.

С утра мать была не в духе, что случалось редко. Точнее, подобное состояние часто гостило в её душе, но так и оставалось внутри. Она почему-то считала зазорным показывать своё настроение окружающим, даже родным. Поэтому причина, что вывела из равновесия и заставила наплевать на принципы, должна быть веской.

Проявлялась взвинченность двояко: или она чуть двигалась, словно робот с подсевшим аккумулятором, или же, наоборот, суежилась метеором, совершенно не обращая внимания на сына. Сейчас отмечался вторая, более опасная разновидность. Чудилось: сделай неверное движение или ляпни не то, как грянет атомный взрыв с полным комплектом последствий - ядерной зимой, голодом и мором...

Но сегодня мальчуган, несмотря на острую головную боль, чувствовал странный подъём и пренебрегал опасностью.

— Мам... — позвал он, пока та судорожно рыскала по кухонным полкам в поисках чего-то. — Мам! — повторил он требовательнее.

— Что ты хочешь?! — так и не обернувшись, грубо бросила она скрытое предупреждение, что её лучше не трогать. Но Алану было всё равно...

— Почему мы никогда никуда не ездим, а торчим постоянно здесь? — он знал, что в обычный день мать бы села рядом с ним и начала приводить тысячи причин «почему нет», но сейчас... Она сразу же замерла, опустила руки и, развернувшись, пронзила сына острым взглядом.

— Ты хочешь знать, почему?! — процедила она сквозь поджатые губы, скрывая невероятное напряжение.

Мальчик сдержано кивнул.

— А почему ты спрашиваешь у меня? Узнай лучше у отца... Может он, наконец, признается, что до сих пор ненавидит деда за

его поступок... За то, что люди до сих пор видят не его, а внука того человека... Может, родитель поведает, что в единственный раз, когда мы всё же решили съездить к родне, у него началась настоящая паранойя. Он ощущал присутствие деда, везде видел его следы и оставленные им метки. Мы буквально сбежали обратно...

Мальчик, замирая, внимал. Мать разошлась: затронута тема, столько лет подзапретная! Во что бы то ни стало нельзя было упускать шанс разведать о семейном «табу».

— Так объясни толком, что именно сделал прадед, что отец до сих пор злится?

Мать будто очнулась. Из глаз ушла жгучая ненависть и энергия разрушения. Она снова отвернулась.

— Спрашивай у отца, — и больше уже на оклики не реагировала, делая вид, что, кроме кухонной плиты в мире ничего не существует. Оставалось лишь смириться.

Так, толком не позавтракав, он отправился в школу.

На улице стало заметно холодней. Ледяной ветер добирался до костей. Подумалось, что через несколько дней, максимум через неделю, будет снег. Из года в год с погодой, как и с остальным в этом мирке, происходило одно и то же: постепенно холодало, пока однажды нескончаемый ветер не становился особенно колок и жесток... Совсем скоро сутками начинал валить снег.

Когда пастбища с жалкими остатками травы покрывал белый ковёр и хозяева разбирали овец по загонам, у отца практически не оставалось работы. Тогда он впадал в «зимнюю спячку», отлучаясь от телевизора лишь на пару часов утром и вечером, чтобы накормить скотину. Даже воздух в доме начинал отдавать запахом болота и затхлости. Казалось, вокруг вросшего в диван отца само время превращалось в вековую старуху.

По пути к школе с каждым шагом тошнотворная боль всё нарастала. Я должен? Мне надо! Я хочу? Да меня тошнит! Настоящим открытием стала вариативность. Впервые осенило: реально есть выбор. Раньше обязанность закончить школу была аксиомой. Сейчас (!!!) он понял тщету слова «должен». Все эти люди из «Красного Замка», наверняка любят то, чем занимаются. Они

счастливы делать своё дело! Интересно, кому понадобилось школьное образование и ненужные знания? «Тошнит от бессмысленности того, что я делаю здесь... Тошнит от людей... С души воротит от себя!»

Очутившись на крыльце школы, куда со всех окрестных деревень стекались потоки детей, парень не знал, зачем он здесь и что вообще тут забыл... Едва опомнившись, понял, что хочет повидаться и выяснить отношения с Алиной, а также побеседовать с Тимуром. Зачем? По привычке? Или чтобы задобрить богов перед путешествием в мир иной? Кто знает... Но сделать это необходимо. Два важнейших в его жизни человека, как-никак, растворяются навсегда... Становятся прошлым.

— Алан! — окрикнул кто-то хрипло.

Понадобились время и силы, чтобы заставить себя вынырнуть из мыслей. И этого хватило, чтобы...

Сильный удар в левую скулу. Так и не поняв, что произошло, плюхнулся на пол. Портфель рухнул рядом, после чего получил свою долю. Пинок отшвырнул его на несколько метров.

И смотреть не надо, кто бил. Всплыла самодовольная физиономия Цакоя.

И, правда, «наведя резкость» и подняв глаза, он увидел точь-в-точь такую, какой представлял, ухмылку врага. Цакой улыбался, сверху вниз наблюдая за поверженным, как и положено истому воину.

— Это только начало... — пообещал он и вместе с неизменной свитой победоносно прошествовал внутрь.

Другие проходили мимо, кто с любопытством, а кто насмешливо наблюдая за чужой бедой. Даже одноклассники - и те старались прошмыгнуть незамеченными, опасаясь замараться о слабака.

Что удивило Алана, так это собственное равнодушие ко всему. Обычно, когда подобное происходило на глазах у других, он больше всего боялся увидеть насмешливые и презрительные взгляды, так или иначе сопровождающие его всю жизнь. Но сейчас - другое дело. Было совершенно плевать.

Ведь они из иного мира... Мира, в котором слабость презренна. Стало противно, что приходится быть его частью.

Словно и не болела половина лица... Будто и не было унижения, а просто (с кем не бывает?) споткнулся... Алан спокойно встал, отряхнул штаны и куртку, поднял портфель с отпечатком подошвы и побрёл на урок к Тимуру Сергеевичу.

Удивительное спокойствие было новым и от этого ошеломляющим. До сегодняшнего дня с ним ничего подобного не было.

Как Алан ни старался, всё никак не мог привыкнуть к новому себе — зрителю, наблюдающему происходящее со стороны. До этого он, как и любой «нормальный» человек, любые неприятности принимал всерьёз. Всё поменялось. В классе, как обычно, мельтешили одноклассники. Парни рисовались перед девчонками. Те старались выказать свое «равнодушие». Шуршали рюкзаки и тетради. Вот-вот звонок возвестит о начале занятий... Алан сидел за партой спокойно, словно на занятом видеосеансе, пытаясь понять суть происходящего. Даже привычные краски - и те куда-то подевались... Будто кто-то переборщил с контрастом в телевизоре - и цвета стали ярче...

Когда в класс вошла Алина, она сначала, как ни в чем не бывало, пошла к их парте, но затем, видимо, вспомнив про обиду, резко остановилась. Посмотрела на Алана - и демонстративно пересела на другую парту — единственную пустующую.

«Ну и чёрт с тобой!» — беззлобно подумалось ему. - А что я тут вообще забыл?»

Лишь смутная (как под наркозом) боль в левой скуле удерживала в реальности. Если бы не она - его прозрачное тело уже давно оторвалось бы от земли, чтобы, гонимому тёплым ветром, взмыть к солнцу и вечно парить над людьми...

Дверь с грохотом захлопнулась. Подняв на резкий звук глаза, парнишка увидел, как неунывающий Тимур Сергеевич пересёк класс, чтобы водрузить на стол (и так заваленный ученической макулатурой) кожаный кейс — реликт городской жизни.

— Всем доброго здравия! — поздоровался учитель очередным способом.

Была у него такая фишка, от которой дети просто «балдели» — каждый день здороваться по-новому. За все годы учительства никто не уличил бы его в двух одинаковых приветствиях. «Алло-ха! Еу! Бон жур! Салют! Гуд морнинг!», — и ещё тысячи способов выразить радость нового дня. Многие даже тетрадки заводили, куда заносили его приветствия. А на переменах то там, то тут, можно было услышать горячие споры, сколько времени ежедневно Тимур Сергеевич расходует на придумывание очередного способа поздороваться.

Все мгновенно оказались на своих местах, готовые и дальше оттачивать английскую речь.

— Сегодня у нас практика. Просто будем беседовать, общаться и спорить... В общем, как обычно, — сказал педагог, специально подбирая слова, заменяя привычные на более сложные. И, подойдя к доске, написал три слова, соединив их стрелочками: «Прошлое→Настоящее→Будущее». — Как всегда, к диалогам прилагаются ограничения и дополнительные условия...

Повернувшись, оглядел аудиторию. Выдержал ораторскую паузу. Все с нетерпением ждали:, что сегодня?

— Нана, раздай, пожалуйста, цифры, — попросил он девочку с первой парты.

Та с готовностью бросилась выполнять поручение. «Раздай цифры» - значило, что каждому даётся карточка со случайным номером. Затем эти номера можно использовать совершенно по-разному. Например, цифры были трёх цветов: красный, чёрный и белый. И при обсуждении темы разным командам (поделённым по принципу «цветности» или «чётности-нечётности») давались разные условия: одни защищают одну точку зрения, вторые — противоположную, а третьи — находят консенсус...

— Сегодня общаемся по принципу лото, — очаровательно улыбнулся Тимур. — У меня в мешке бочонки с цифрами, соответствующими вашим. Чью цифру я вытяну, тот и продолжает дискуссию. Итак, пожалуй, начну показывать, что от вас хочу. Рассказываю о прошлом: своём, предков, истории, вчерашнем дне — не имеет значения. Главное - чтобы тема касалась минувшего! Далее тот, чья цифра выпадет, продолжает развивать тему

в настоящем или/и о настоящем. Следующий говорит о будущем. Всё понятно? Поехали... — педагог ненадолго задумался. — *Некоторые*... — начал он голосом профессионального рассказчика, — ...гордятся собой. Но что это значит? Своим носом, глазами, умом, способностями? Может, и так... Но чаще люди кичатся достигнутым — тем, чего добились, что смогли пережить, узнать — *прошлым* опытом. Я вот, например, горд, что довелось учиться в прекрасном ВУЗе с чудесными преподавателями и друзьями. И город, где я жил, вспоминается первым снегом — чистым и, в свете вечерних фонарей, ослепительно прекрасным. — Он замолчал, замерев и загадочно улыбаясь. Никто не шелохнулся, ожидая продолжения. Педагог посмотрел на льняной мешочек, таивший бочонки с номерами, видимо, раздумывая, не передать ли эстафету. Но решил повременить. — Шум большого города, его спешка и бесконечная погоня за счастьем пропитывали мои дни мечтами и давали силы. Каждый новый восход таил грядущие приключения. Пища и сон не были нужны! На одной лишь радости я мог прожить ни одну неделю. И всё это сделало меня таким, каков я есть. И вот, я перед вами, специально, чтобы поведать об этих чудесах...

Тут уж Тимур Сергеевич без промедления спрятал на секунду ладонь в мешок, чтобы явить её вновь с уже зажатым в пальцах деревянным бочонком.

— Семнадцать... — возвестил он. Класс наполнился суетливым шуршанием. Каждый хотел обнаружить у себя заветную цифру.

Алан почти и не слушал... Впервые на уроке английского было скучно. Подперев ладонью ноющую скулу, он тосковал по грязной, растрескавшейся асфальтовой дороге, ползущей с гор. Уже завтра она могла увести его в город, укрытый первородным снегом. «К потокам людей и бесконечной погоне за счастьем»... Из окна виднелся лишь жалкий обрывок пути в несколько шагов. Сотни тысяч метров были скрыты от глаз.

— ...у Алана семнадцатый! — расслышал он сквозь пелену и с трудом отлепил, как скотч от стенки, глаза от серости за окном. И Тимур, и класс почему-то выжидающе на него смотрели.

— Ну... Расскажи о настоящем, — решил помочь ему друг-учитель.

— О настоящем? — иступленно пробубнил Алан.

— Да... Я говорил о своём прошлом. Ты теперь продолжай о настоящем.

— О настоящем... — совсем тихо повторил он. — Хорошо. *Некоторые* часто приукрашивают настоящее, чтобы забыть о разочарованиях, постигших их в прошлом. Заставляют себя радоваться жизни - иначе невыносимая боль из прошлого вперемешку с несбывшимися надеждами сотрёт в порошок, смешает с дерьмом и развеет по ветру. Что же Вы здесь забыли, Тимур Сергеевич, если в городе было так хорошо? По-моему, Вы только так и успокаиваетесь, дабы не рехнуться! Ведь вместо чудесного оазиса очутились на помойке... Признайтесь!

Молчание класса увеличивало и так заполнявшее тело раздражение. Сейчас в этом классе было отвратно всё, включая и друга-учителя.

— Не хотел отвечать, так бы и сказал...— как-то обиженно, словно большой карапуз, проямлил Тимур. Затем уже без улыбки и совсем вяло протянул руку к кيسету, откуда достал номер... Конечно же, Алинин.

— *Некоторые*... — подскочив на месте, сбиваясь и путая слова, быстро-быстро трещала девчонка, — некоторые не могут разобратся в настоящем! О каком тогда будущем с ними вообще можно говорить?!

Слезы затопили её глаза. Схватив портфель, так и не собрав разложенные на столе тетради, она бросилась за дверь.

— Да что ж сегодня за день такой?! — не пойми кого спросил педагог по-русски.

Голова уже почти прошла. Снотворная боль отягощала лишь затылок. Меж тем, Алан сильно не радовался, выучив наизусть коварство мигрени. Непобедимая гемикрания лишь затаилась, ужалась чёрной дырой, но по первому желанию грозила вновь затмить рассудок...

Кое-как проведя оставшуюся часть урока, совершенно рассеянный Тимур Сергеевич дождался, пока все выйдут из класса, оставив только Алана.

— Что у тебя сейчас? — спросил он.

Задействовав весь боекомплект энергии и даже НЗ, парнишка напряг память:

— По-моему, химия...

— Сиди пока тут, — скомандовал Тимур Сергеевич и вышел. Мальчуган лишь отвернулся к окну, созерцая дорогу. Вскоре наставник вернулся.

— Я у Земфиры Зелимхановны тебя отпросил. Она отпустила.

Учительницу химии называли не иначе, как Донна Зизи. Это звучало вполне гармонично, исходя из её страсти к бразильским сериалам и слишком громоздкого, как, впрочем, и сама обладательница, имени. Проще было коротко «зизикнуть», чем звать чин по чину. Закрывшись на ключ, Тимур включил спрятанный под столом электрочайник, достал чашки, два пакетика чая и пачку «Черноморских» вафель. Разлив кипяток, добавив сахар и опустив чайные пакетики, он, наконец, мог высказать то, ради чего отпросил его у химички.

— Больше не делай так... — после минуты раздумий спокойно начал Тимур. — Ты не представляешь, как было неприятно всё это выслушивать... Особенно от тебя.

Алан безучастно смотрел в окно. Но педагог знал, что он всё слышит.

— Я понимаю, что мы друзья... — продолжил он. — Но это же не значит, что ты можешь так со мной говорить... При посторонних. Я, как-никак, твой учитель...

— А я и говорил это всё как учителю, — перебил его Алан. — Дело в другом... Я не мог иначе реагировать на Ваши слова. То Вы нам изо дня в день полощете мозги, как чудесно живётся «в нашей миленькой деревушке», то с тоской, глотая слюну, повествуете о прекрасном оазисе, просто рае, где довелось родиться. Вы уж, пожалуйста, определитесь — счастливы жить и работать именно здесь или же безумно тоскуете по городу... Почему Вы тут? Давно заметил, что это запретная тема! Чуть что - сразу мяг-

ко и красиво разговор уходит в сторону. И я ни за что не поверю, что Вы здесь по распределению. С Вашим талантом педагога Вы бы устроились в любую школу...

— Это не так.

— А как?! Смотрите... После Вашего появления самый последний идиот свободно болтает по-английски, словно это его родной язык. Будь здесь такими учителями все - наша деревня давно уже была столицей! Не поверю, что Ваши способности не заметили в родном универе! Хватит меня, как остальных, кормить лживыми байками о любви к разреженному высокогорному воздуху и диким ветрам!

Алан понимал, что грубит. Он, не выдбирая слов, просто озвучивал поток сознания.

Они обоюдно тяжко смотрели в глаза. Тимур сдался первым. Не выдержав молчаливой дуэли, он потупился:

— Ты прав, — наблюдая за круговоротом в чашке, сказал он. — Я сбежал из города... От неразрешимых (как тогда казалось) проблем. Казалось: это тупик. Единственный способ вырваться — сбежать.

— Так что произошло? — вяло поинтересовался Алан. Педагог лишь отмахнулся.

— Неважно. Главное - где в итоге оказался.

— Жалеете о выборе? — Алан почему-то хотел, чтобы Тимур признался, что зря выбрал деревню вместо города.

— И да, и нет. Всё равно, что сразу после учёбы стать, ну... Например, начальником небольшого вокзала...

— Вокзала? — недоуменно переспросил ученик.

— Да. Первое, что пришло в голову. Работа хлопотная, незнакомая. Предполагает огромную ответственность. И железная дорога всегда манила. То есть в этом деле я могу найти много интересного, значительного...

— Но всё же это не совсем то, что хотелось, — поняв, к чему Тимур клонит, закончил он за него.

— Вот именно! — обрадовался тот. — Вроде всё нравится, но чего-то не хватает.

— То есть, проще говоря, Вы жалеете, что очутились именно здесь! — он попытался подвести под темой черту.

— Да нет же! Совершенно не жалею. Жалко лишь, что нахожусь не там!

— Не понимаю...

Тимур коротким движением взъерошил волосы, как обычно при волнении.

— Каюсь, что сбежал. Их наверняка можно было решить ещё тогда. Это я сам возвёл мелочные неурядицы в ранг неодолимых препонов, — тяжело выдохнув, повторил: — Просто не надо было уезжать...

Парень вдруг осознал, что пытается понять не наставника, а себя. Споря с человеком, когда-то уже очутившимся перед выбором, Алан как бы дискутировал с частью себя. И эта часть настойчиво требовала остаться.

— Но ведь бывают безвыходные ситуации, когда единственный выбор — уйти?

— Конечно, — ответил Тимур, отхлебывая чай, — но крайне редко. Когда, например, вопрос затрагивает посторонних. Это единственное, что нельзя изменить. Всё, касающееся тебя самого — пожалуйста. Можно уехать и стать счастливым на новом месте. Но осадок незавершённости никогда... Понимаешь?! Ни-ко-гда не исчезнет. Не простишь себе, что когда-то побоялся рискнуть и поменять жизнь. К тому же, старые проблемы наверняка достанут повсюду. Ведь ты носишь причины своих бед за пазухой — себя самого. А хуже всего знаешь что?! Ты никогда не вернёшься и ничего не исправишь. Даже приехав на то же место к тому же человеку и, сделав то, что было должно когда-то, всё равно не вытравишь сожаление об ушедшем навсегда...

— Почему?

— Потому что ты — уже не ты! Совсем не тот! И само место поменялось, даже оставшись прежним. Сделать что-то стоящее, изменить обстоятельства можно или прямо сейчас, или никогда.

Алан зажмурился. Чудилось: каждую секунду от него отделяется маленький кусочек его сущности... И вот уже галдят тысячи голосов. Причём каждый имеет своё мнение и долдонит, указы-

вая верный путь. Голова разрывалась от нарастающего гула назойливых дум.

— В школе у нас была популярна игра «Канаты». Между двумя деревьями или столбами натягивали веревки. Пацаны соперничали, кто дольше устоит, больше раз качнётся, пройдёт туда-сюда и так далее... Сложно. Я как-то раз на этом аттракционе, запутавшись, чуть руку себе не сломал, — сделав паузу, чтобы отхлебнуть чаю, Тимур продолжил. — И был среди нас абсолютный чемпион — Лёша Рудаков. При этом он не отличался ни особым телосложением, ни навыками акробата... Но всё же постоянно побеждал. Я часто наблюдал за ним, размышляя, в чём же его секрет. И вот, что понял... Когда другие уже начинали терять равновесие и переключались на заботу об удачном приземлении, Лёша продолжал стремиться вперёд. Он рисковал до конца и делал те несколько шагов, которых не хватало остальным. Причём так он поступал всегда — и в учёбе, и в личной жизни. Именно из-за риска, несмотря на страх, он и прорвался вперёд.

— Если бы всё было так просто...

— А я и не говорил, что это просто... Я знаю, что ты имеешь в виду...

— Знаете?! — Алан почему-то испугался, судорожно кинувшись искать канал утечки информации, откуда учитель смог проведать про Мари и «Красный Замок». Наверное, чёрт побери, Алина рассказала!

— Конечно... Мне уже про тебя с Цакоевым доложили. Да и вон, щека припухла.

— Ах, Вы об этом, — страх мгновенно отхлынул.

— Я знаю, каково тебе! Сам через это прошёл. И, слава Богу, могу понять, что *большинство выбирают бить — ведь это легче, чем думать...* А ты всё пытаешься найти смысл в бессмысленной жестокости ровесников. Я прав?

— Я уже смирился, — Алан надеялся уйти от больной темы, но наставник не отставал.

— Да ладно тебе. Ни черта ты не смирился, потому что нельзя смириться с собственной слабостью...

— А при чём тут это?! — огрызнулся Алан.

— При том! Не отбросишь сейчас мои слова - многое уяснишь... Достаточно, чтобы облегчить себе жизнь.

— Я и так уже достаточно знаю.

— Достаточно?! — Тимур продолжал напирать, стараясь не упустить момент, пока его младший друг задет, а поэтому особенно восприимчив. Учитель почему-то ощущал себя ответственным за судьбу парнишки. Наверное, из-за небольшого внешнего сходства Тимур видел в этом семнадцатилетнем пацане себя — такого же неприспособленного ко враждебному миру, но однозначно талантливого. Он не играл в наставника, но был таковым. С недавних пор Тимур чувствовал, что нужно приложить больше усилий, чем раньше... Будто *можно не успеть*... Что именно «не успеть», он не знал, но спешил, доверяясь интуиции...

— Ты только считаешь себя всезнайкой, как и все в твоём возрасте! Спорим на что угодно — ты не можешь понять, почему Цакоев и другие тебя достают?! Задаёшь себе бесконечные вопросы: «Что я им сделал? Почему они такие жестокие? За что меня ненавидят?» Я прав? Наверняка думаешь, что они сильнее и только поэтому тебе достаётся!

— А разве не так?

— Конечно, нет! Они трогают тебя не из-за их силы, а из-за твоей слабости! Ты позволяешь им! Твои обидчики не бьют тебя, а лишь указывают, чему ты должен научиться — защищаться! Своё тело, свои идеи, свои интересы! Мне дорогого стоило понять, что добро должно быть с кулаками! И до тебя это должно дойти!

— Откуда тебе знать? — неуверенно огрызнулся Алан.

— Оттуда же, откуда и тебе! Или ты думаешь - тебя одного пинают? Я тоже долгое время старался угодить всем... Мало того, что у меня это не получалось, так ещё и отгребал за то же. Обнажи клыки! Они ведь у тебя острые! Они есть у каждого. Ты должен научиться быть не только добрым! Тогда не потребуется сбегать, как мне когда-то... — грустно улыбнулся Тимур.

Мальчик молча обдумывал сказанное.

— Но для меня драться — всё равно, что перестать быть собой. Представь, как ты огурцу говоришь: «Огурец, стань помидором!» А толку?! Как бы я ни хотел, мне всё равно не стать...

— Каким?! — улыбаясь, перебил Тимур. — Огурцом? Да, огурцом тебе не стать. А вот злым, когда нужно постоять за себя — легко!

— Ну, прям, как мой отец... — нахмутив брови, недовольно буркнул Алан. — Тот тоже постоянно хочет видеть во мне кого-то другого и переделать на свой вкус.

— Я — не твой отец. И я не стремлюсь перекраивать тебя... Допусти мысль: так или иначе, людям приходится делать больно. И это нормально! Прими возможность злости! Злость — это не Зло. У каждого прорывается так называемая «тёмная сторона» (хотя никакая она не тёмная), когда что-то не устраивает. Только одни видят в ней частицу себя, а другие думают, что поступили плохо — вот и вся разница. Если принять это, то... Тебе не надо будет сбегать...

«Дзы-ы-ынь!!!» — звонок оповещал о конце урока.

— Мне пора... — с облегчением Алан схватил портфель. У самой двери он обернулся, чтобы поблагодарить за чай. И шмыгнул в коридор.

Тимур же остался с неприятной тяжестью в груди, не отпускаяшей до самого вечера.

Три оставшихся урока Алан провёл между сном и явью. Трудный разговор с Тимуром полностью перечеркнул его воздушно-небесное настроение. Вроде и хочется взмыть в синюю высь, улететь повыше, туда, где нет Цакоя, скуки и грязи, а есть только спокойное рисование на ослепительно белых листах в окружении пушистых облаков и звуков рояля. Но мешает доносящийся из ниоткуда голос, назойливо убеждающий, что «проблемы, от которых стараешься сбежать, наверняка достанут и на новом месте».

Как ни старался Алан, отвлечься не получалось... Ибо понимал, хотя и не хотел себе признаваться, насколько Тимур прав. И хуже всего было от невозможности наплевать на сказанные другом слова. В отличие от остальных, страстно желающих напра-

вить Алана на «путь истинный», Тимур — единственный, кто на самом деле переживал за него и хотел помочь. Большинство же советчиков просто хотели себя почувствовать «Господами, Знающими Жизнь и Поэтому Имеющими Право Учить Менее Просвещённых».

Одноклассники, заметив нечто странное, обходили Алана стороной. И даже учительница истории Лариса Иосифовна (на редкость пунктуальная), ещё на прошлом уроке обещавшая вызвать Дзгоева к доске, почему-то не осуществила задумку.

Педагоги, как один, удивлённо скидывали брови, обнаружив отсутствие самой прилежной ученицы: «Как так?! Не может быть, чтобы Алина прогуливала!». После этих слов на Алана обязательно устремлялись любопытные взгляды одноклассников. Все пытались понять, что произошло между закадычными друзьями.

Лишь продребезжал последний на сегодня звонок, как Алан опрометью кинулся из класса. Подальше от школы. Невыносимо хотелось одиночества. И он знал единственное место во Вселенной, где это получится. Мальчик помчался к Мёртвому Городу. Поравнявшись с крайним домом, Алан остановился возле самой калитки, пытаясь понять смысл пустующего стула, на котором в тёплое время сидел дед Азамат. Сейчас стало слишком холодно, чтобы днями напролёт оставаться на улице, и, наверное, именно поэтому старый аксакал спрятался в доме до самой весны. Заворожённо глядя на непривычно пустой стул, Алан размышлял, стоит ли сейчас поговорить со старым хитрецом или же отложить разговор на потом...

А будет ли потом?

Тогда он смело шагнул к радушно приоткрытой калитке. Зашёл в захламлённый двор. Оттуда - в дом.

— Здравствуйте, баба Фатима, — поздоровался он с сестрой Азамата. Паренька всегда интересовало, как случилось, что дедуля остался без жены и детей, после чего за ним стала ухаживать его младшая сестра, жившая в соседнем доме.

— А-а... Аланчик, здравствуй, милый, — искренне улыбнулась бабуля.

Он почему-то всегда легко находил язык со стариками. И они к нему очень хорошо относились. Теперь осталось научиться ладить со взрослыми и ровесниками...

Фатима поставила кастрюлю на плиту. Они были в помещении, служившим сразу и верандой, и кухней, и прихожей, и столовой.

— Разувайся, проходи. Брат хворает. Греет у очага старые кости.

— Спасибо... — поблагодарил он за приём и, скинув ботинки, прошёл в соседнюю комнату.

Дед возлежал на небольшой кровати под одеялом, прислонившись к боку растопленной печи. Пахло дымом. Уютно потрескивали поленья. На голове у старика была неизменная серая папаха. Если задуматься, без неё Алан старика и не видел. Резная трость прислонена к изголовью.

— Воин пришёл... — вместо приветствия сказал дед. — Рад встрече! Хотя, может статься, больше и не свидимся...

«Да что же это такое?! — подумал Алан. — Все только и напоминают об отъезде, будто знают!» А вслух осторожно спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Зрение в последнее время сильно подводит. Надеюсь, помру скорей, чем ослепну. Уж слишком люблю любоваться природой! Вот и сейчас наслаждаюсь видом из окна...

Когда мальчуган вошёл, старик просто смотрел в квадратное окно, словно на экран телевизора.

— Уверен, что у тебя с глазами всё наладится, — Алан постарался говорить как можно убедительней, хотя сам в это не особо верил. Просто не хотелось, чтобы дед ослеп.

— Хорошо бы... — покачал тот головой, — но я всё же стремлюсь успеть насладиться оттенками серого, такими привычными с детства... Облака... Тучи... Скалы... Вода в реке - и та серая! Я уж не говорю о Старом Городе! Вообще, одна серость. Кстати, о Городе... Ты ж за этим сюда пришёл, так?

Алан мгновенно припомнил их прошлую встречу, когда спрашивал у хитреца, почему он называет Мёртвый Город Старым, и

как старик обещал все объяснить в следующую встречу. Вот встреча и состоялась.

— Да... И за этим тоже. — Алан неосознанно потрогал запястье — часы настолько ощущались чем-то привычным, будто стали ещё одной частью тела. — Что ты имел в виду, когда говорил, что в Мёрт... Точнее, в Старом Городе много жизни?

Старик перевёл усталый взгляд на Алана. Может, показалось, но у деда немного выцвели зрачки, став блёклыми. Словно излюбленная Серость поселилась внутри и теперь проступила в глазах.

— Ты ж не глупый! Ты воин! А воители всегда смотрят в суть вещей, как твой прадед.

Алан вздрогнул от упоминания того, зачем он на самом деле зашёл к Азамату. Но старик спокойно продолжил, не заметив напряжения:

— Что такое сакли?

— Как «что»? — недоуменно спросил Алан, не понимая, куда клонит собеседник. — Это дома...

— Разве? Разве в них жили?

Алан старался вспомнить, перевернув все знания о предках:

— Ну, да...

— Сакли есть небольшие — один, максимум два этажа, широкие, с утопанной землей вместо пола, со стенами из сланца... А есть высокие, как башни, с узкими окнами-бойницами, небольшой, окованной железом крепкой дверью вместо выхода...

— Именно такие, пять штук, у нас на горе.

— Вот... — старик специально вынул сухопарую руку из-под тёплого одеяла, чтобы оттопырить указательный палец перед носом мальчишки. — Первый тип — жилые дома. Вторые (высокие, с бойницами для стрел) — сторожевые и дозорные башни. Они специально так устроены, чтобы ещё издали увидеть приближение врага. И, в случае чего, можно долго обороняться в осаде...

Старик замолчал.

— И? — Алану не терпелось понять, что хочет объяснить мудрец.

— Что «и»? Думай сам! Что видно, если стоять в Старом Городе?

— Видно? — он пожал плечами, — Ну... Деревню видно, как на ладони... И санаторий видно...

— А что ещё? — дед старался навести Алана на мысль.

— Да вроде ничего...

— В том-то и дело! Какой смысл строить дозорные башни, если из них почти ничего не видно?

— Так, может, они сторожевые? — предположил парнишка.

— А что сторожить? Себя? Врагам они не помеха - деревня же внизу! Стрелы - и те с трудом долетят до моего дома.

— Тогда зачем они вообще? Тем более, пять штук? — удивился Алан, как это раньше не пришло ему в голову.

— Молодец, воин, — улыбнулся Азамат. — Люблю правильные вопросы! Там учёные искали следы чумы и кости — посчитали склепами. Кстати, это место и стали называть «Мёртвым» с лёгкой руки археологов. А так - сакли всегда «Старым Городом» называли. Фатима! — позвал старик сестру.

Улыбающаяся бабуля появилась в двери:

— Как общение?

— Сделай нам чаю, пожалуйста, — попросил Азамат, пропустив её вопрос мимо ушей.

— С молоком?

Ребёнок не успел ответить. За него это сделал хозяин:

— Мне без, Алану с молоком. Спасибо... — когда она опять пропала за дверью, Азамат встрепенулся:

— Так о чём мы?

— О том, зачем предкам понадобилось возводить пять саклей с видом на деревню.

— Точно. Предки это делали не для себя...

— А для кого ещё?

— Для духов. Старый Город — это молитвенное место. Так сказать, коридор между Этим Светом и Тем, через который они пытались протиснуть свои просьбы туда... Наверх.

— Да ладно? Дедушка, ты серьёзно?

— Мне уже девяносто три! Скоро будет четыре. Я ещё застал время, когда об этом нельзя было говорить. Всё, что связано с Тем Миром, запретно. Нельзя наверняка сказать, что там происходило и почему люди забросили Старый Город, не решившись его разрушить, а доверив это времени... Слишком давно это было. Даже до меня дошли лишь жалкие обрывки тайных историй. Просто знаю, а кто не знает, ощущает, что *плато с саклями* полно невидимой жизни. Поэтому наши люди и боятся лишний раз ходить туда...

— А я не боюсь! — восхищённый, завороженный повествованием, Алан решил показать находку. — Смотри, что нашёл!

И протянул руку с часами на запястье.

— Где отыскал? — старец внимательно осматривал вещицу со всех сторон.

— В сакле.

Аксакал отпустил руку, и Алан залюбовался хронометром сам. Стрелки опять замерли.

— Странно! То вперёд идут, то назад, то вот опять неподвижны!

— Ты, главное, не трусь, — как-то виновато, примирительно сказал старик, уставившись в окно. Мальчик совсем не понял его странной реакции. Что же тут страшного?

— А я и не боюсь.

— Вот что значит — воин! Другие бы уже себя потеряли, столкнувшись с непонятным, а ты и бровью не шевельнул! Ты, главное, вот что...

В комнату зашла бабушка Фатима и на табуреточку поместила две чашки, затем сбегала на кухню за сахарницей и тарелкой с кусочками пирога. Старик продолжил, лишь когда они вновь оказались одни.

— Главное - иди до конца. Столкнётся с непонятным - дойди до сути. А то будет как с ним — в корень зрел, а до конца пойти не решился. Вот и получил за это! Ты его ошибок не повторяй...

— Дедушка Азамат, ты о ком?

— О твоём прадеде, о ком ещё!

— Он тут причём?

— А при том, что он тоже со Старым Городом «дружил». Не знаю, есть здесь какая-то закономерность или произошедшее с ним случилось бы так или иначе... Но итог говорит сам за себя!

— Не говори загадками! — взмолился Алан. — По порядку расскажи!

Старик снял папаху. Протёр ладонью обрамлённую серебром лысину и вновь водрузил свою гордость на прежнее место.

— Не помню точно, сколько, но, кажется, мне лет восемь было, или около того... А твоему прадеду, значит, около двадцати... Мне тогда все эти проблемы были безразличны — только б времени побольше урвать, чтобы немножко с друзьями на мечях-палках повоевать. Это не то, что сейчас: паси себе овец и в бороду не дуй! А тогда было не так... До революции в Питере оставалось ещё несколько лет. Царю до Кавказа особого дела не было — есть и есть. Местным князьям с высокогорными деревнями тоже возиться не особо хотелось. Всё больше к центру рвались, к культуре, к роскоши... Подальше от ледяных ветров... Вот и были мы сами по себе. И сейчас в горах каждый клочок земли на вес золота. Лишний рот в семье — придётся недоедать. Земля — это трава для овец. Они всегда были нашей единственной ценностью.

— Как и сейчас.

— Нет, сейчас уже не то. Нынче кто в Большой Город уехать может, кто торгует... Варианты есть. А тогда, кроме, как пасти овец, ничего не оставалось. Мало того, что каждый был вынужден жёстко контролировать поголовье баранов, так жизненно важно было ещё и точнейшим образом рассчитывать и количество сена, и травы на пастбище, и сколько чего продать, и сколько чего купить... Здешняя жизнь — что хождение по канату. Не так качнулся — упал. Всё завязано на корме для скота. Горы на камни богаты, а плодородная земля — редкость. В ту пору каждый мужчина должен был уметь сражаться за свои интересы. Но, в первую очередь, всегда защищали скот, а не дома. Жилища можно новые построить, а уведут овец — голодная смерть! Поэтому бараны были символом жизни. И побоища продолжались из века в век. На Кавказе каждый на мясе и войне вырос. Именно поэтому

мы такие вспыльчивые и жестокие. Иначе не выживешь. А прадед твой совсем не такой был — особенный...

— И чем же он отличался?

— А вы с ним похожи — оба добрые и в мирах своих далёких витаете. Он как бы всё со стороны видел. Не свысока, не снизу, а именно со стороны. Редкость, достойная великих...

— Ничего о нём не знаю. У нас в семье это табу, — досадуя, признался Алан.

— Да, у него был настоящий дар. Но (как это часто бывает), он не смог предугадать последствия своих поступков.

Тогда в соседней деревне, что вниз по дороге (осенило: деревня Цокоя) за последние несколько лет родилось много мальчиков. И наш староста опасался атаки в ближайшее время. Соседям могло вздуматься ослабить селение и присвоить часть отар и пастбищ. «Не нападём первыми - помрём с голоду!» — кликушествовал он. Село поддержало решение воевать. Все, кроме твоего пращура. Он был категорически против...

— Но почему?

— А ты сам как думаешь? — лукаво осведомился старик.

Юнец задумался.

— Потому что, как я уже говорил, он обладал редчайшим даром, достойным посланников небес, — ответил на свой же вопрос Азамат. — Он не делил людей на чужих и своих — но видел человечество единым существом. Понимаешь? Не было такого - пусть свои живут, а прочие умирают. Он понимал, что война — это смерти.

— Он предложил договориться с другой деревней и вместе найти выход?! — догадался мальчуган.

— Ты это знаешь, потому что сам бы так поступил, верно?! И участь у тебя та же, коли не будешь хитрее. Его изгнали с позором, посчитав богатую душу и милосердие трусостью, предательством и слабостью, не достойной воина. До сих пор помню, как разъярённая толпа орала, повторяя единственное слово: «Слабак!». Он стоял в центре, недоумённо озираясь. И не понимал, причём тут слабость, когда речь идёт о человеческих жизнях. Его сделали врагом, когда он был спасителем. Староста пригрозил,

что, не покинь он деревню в течение часа, то и его самого, и всю семью убьют, как трусов. Его обрекали на гибель... Родственники отказались от него и заставили то же самое сделать и его жену с годовалым сыном на руках — твоим дедом. Так он остался один. Уходил незаметно. Только почему-то решил не спускаться, а, наоборот, подняться к Старому Городу. Я единственный это видел. Он, как и ты, был, несомненно, связан с пятью саклями и тем белым камнем. Возможно, шёл прощаться с тамошними духами, а, может, ещё что... Знаю одно: после его ухода тот валун стал тёплым, будто грелся изнутри. Теперь ещё вот часы эти странные... Будь осторожнее... Иди до конца. Предок не воспользовался своей невероятной внутренней силой. Наивный провидец, он пытался уберечь собратьев от беды... Но тщетно: почти половина наших орлов напрасно полегла в той битве, лишь удобрив собой суровую почву. И эхо долго разносило погребальный плач меж горных вершин... Гробы. Вдовицы. Сироты. Голод. Нищета. Твой прадед начал делать то, что не смог завершить. Он надеялся на понимание. Но, побоявшись показать зубы, жестоко поплатился... А потомки расхлёбывают последствия... Люди не любят признавать ошибок. Поэтому все выбрали молчание, а не честное раскаяние... Правда-то была на стороне изгнанника! Но все просто онемели, не обсуждая произошедшее, всё так же считая его трусом и предателем. Послушай, воин... Иди вперёд, сколько хватит сил! Никого не слушай: и будешь там, где захочешь!

До Старого Города Алан добрался за считанные минуты. Выйдя за калитку, кинулся к мистическому месту. Побежал, что было сил, словно спасаясь от мчавшегося вслед хищника. Хотелось как можно скорее добраться до белого, вырастающего из земли, идеально гладкого камня.

Привычная дорога до подвижного моста. Пятьдесят девять брусков. Вибрация тросов. Страх упасть в дикий поток... А там уже - горной тропой, как по лестнице, вверх, пока не доберёшься до ровного каменно-землистого пласта...

Припав к валуну, Алан отдался несякнущему теплу. Жа расходился по телу. Оторвав нагретые ладони от камня, приложил их к лицу — спрятался в потустороннюю чудную теплоту. Закрыл

пальцами глаза. Будто вовсе нет глупого мира со всеми его условностями, что необходимо постоянно учитывать во избежание неприятностей... Только вот хорошо не становится - всё хуже и хуже...

Раньше Алану нравилось убегать сюда: здесь можно ощутить себя вооруженным до зубов воителем! Потом Старый Город стал желанным приютом уединения. А сейчас пребывать тут - значит напрочь выпасть из жестокого и абсурдного мира... Отдаться бытию, где нет выборов и решений, ошибок и неверного пути, одиночества и непонимания... А есть лишь первородное тепло земных недр...

Перед юношей распростёрлись две вселенных — крошечное серое село (и впрямь Мёртвый Город), где, однако, помимо всего мерзкого, жили самые близкие и родные, и огромный внешний мир. Манящий, но неведомый и чуждый.

К тому же теперь Алан, наконец-то, постиг, почему отец отвергал наследника, почему так рьяно переделывал в «настоящего мужчину»! Да просто чтобы оправдаться перед истинными трусами, заскоружными в дремучей косности. Парнишка с детства чуял довлеющее над родом тавро «слабаков». А каково было отцу и деду расхлебывать несуществующие грехи?! Паренёк теперь совершенно не злился на родителя, будто пережитое сполна оправдывало его низкопоклонство перед вековым идиотизмом. Так или иначе, этот мир из серого вдруг превратился в прозрачный, «откуда можно сбежать, а можно и попытаться решить проблемы». Мари оказалась права — выбор не один...

Внешний мир — вселенная возможностей, свободы, удивительных открытий и... Неизвестности. Мир музыки, ценности красоты и странствий — мир Мари.

«Там мне предрекли прекрасное будущее. С первых же минут оценили, чего я не смог добиться тут семнадцать лет, — размышлял юнец. — Там я свой. Мне хорошо с ними, но... Не верится, что всего этого я заслуживаю. Может, Алина и права - я просто ослеп? Видимо, Тимур знал истину — я не стремлюсь туда, я стремлюсь отсюда?»

Чехарда мыслей будоражила. Решение всё не приходило. Было затаясь и сжавшись до спящей споры, боль проснулась и проросла ослепительным злобным цветком.

Мнилось: в крошечной тьме он кружится в поисках выхода, а со всех сторон сотни рук толкают, швыряют, сбивая с пути. Он оборачивается, защищаясь, но в тот же миг бьют с другой стороны! И снова, и снова... И отовсюду – бешеный крик: «Слабак! Слабак!!!».

«Хочу или страшно? Надоело или привычно? Как не ошибиться?»

Мигрень отнимала остатки разума. Жизнь утекала по кашле... В такт прыткой стрелке, бегущей вспять...

Дома Алан поцеловал в макушку колдующую у плиты мать.

— На днях снег обещают, — улыбаясь, зачем-то сказала она. Сын лишь невразумительно промычал. — Ты у Русика после школы был?

— Да... — небрежно соврал он.

— Как там у них? Небось, готовятся к свадьбе полным ходом?

— Ага...

— Садись. Я суп подогрею.

— Не хочу, — уходя к себе, отказался он.

Мать то ли недовольно, то ли удивлённо вскинула брови:

— Чего?!

— Голова болит, — как всегда, желая отвязаться, объяснил он и шмыгнул к себе.

В комнате, наконец, можно расслабиться — не нужно более изображать «самый обычный день!» Будто его и вовсе не трясло... Будто не плавился в глазах ужас! Меж тем на лице — камуфляжная маска: «Всё в порядке, мама!». Переделся и свалился на кровать. В мозгу лязгало: «Что бы ни выбрал — последствия — на всю жизнь!» Так незаметно и провалился в неудобный сон.

Грезилась Мари. Рыжая бестия бежала чуть впереди со стопкой его рисунков. Не стремясь догнать девицу, свои работы, меж тем, хотел нести сам. А она всё неслась, часто оборачиваясь, чтобы паясничать и дразниться...

— Ну, не хочешь - как хочешь... — смеясь, повторяла она непонятно к чему, и из волос доставала перьевую ручку, чтобы поставить в низу очередного листа те самые две буквы «D» и «A».

— Теперь и этот мой! — и бежать дальше,— не хочешь - как хочешь...

Удивительно, но Алан чётко сознавал, что спит, понимая, что в реальной жизни англичанка так вести себя не может. Однако менее обидно не становилось.

Она дефилировала по дороге к санаторию, но на полпути зачем-то свернула к Старому Городу.

— Ничему её жизнь не учит, — думал парень, созерцая сверкающие пятки по каменной тропе.

Остановилась иностранка посреди моста; ещё раз помахала, проказничая, рисунками, и, в последний раз крикнув бессмысленную фразу (ну, не хочешь - как хочешь), сиганула вниз, к бешеной воде...

Алан проснулся за секунду до того, как постучали — тихонько, как может только мама.

— Да... — протирая глаза, отозвался он.

В комнату вплыл призрак матери, такой же блёклый, как всегда, когда что-то случалось. Она села на стул и включила настольную лампу. Оба щурились, недовольные искусственным солнцем.

— Как голова? — спросила женщина одними губами.

Он прислушался к себе... Вроде нормально... Довесок свинца остался, но адская боль иссякла.

— Ничего.

— Хорошо. Не люблю, когда болеют...

Мать водит старыми (намного старше её самой) руками по краю стола, очерчивая ровную линию. Ей всегда тяжело начать: Алан знает. Всегда, когда тяжесть на душе скапливалась до размеров непосильной ноши, она сначала спрашивала о всякой ерунде, затем какое-то время молчала, и лишь через десяток ненужных фраз начинала говорить по сути. Часто ей не нужно было ничего отвечать - просто слушать. Такая беседа исцеляла её. Каждый раз спустя всего пятнадцать минут после этого ритуала мальчуган заставал её счастливо шаманящей на кухне.

— Я вот тут думала... — наконец произнесла она. — Ты же скоро школу заканчиваешь... А ты умный, сынок! Ты, главное, это... Не уезжай никуда (в который раз за сегодня сердце Алана ёкнуло). Не оставляй меня, хорошо?! Я завтра эклеры сделаю, твои любимые! Ты же их любишь... Отец - тоже. Он телевизор сейчас смотрит. Ток-шоу. А мне неинтересно... Вот я и пришла к тебе сказать, чтобы со мной был. Иначе у меня ничего не останется. Только ты и есть...

Она бы ещё так говорила несколько минут, сбиваясь, перескакивая с мысли на мысль, смешивая настоящие, будущее и прошлое, тут же забывая сказанное и повторяясь... Пока не иссякла бы вовсе. Но на этот раз, вместо того чтобы увидеть, как обычно, уставшую, несчастливую мамочку, юнец почему-то обнаружил ноющую, бессмысленно вцепившуюся в него, как в спасательный круг, боящуюся хоть что-то поменять, нестарую ещё женщину.

— А если меня всё же не станет рядом и я уеду? Что тогда? — решившись, оборвал он её стоны.

Мать какое-то время иступлённо смотрела на сына, не понимая, что происходит? И почему привычный сценарий нарушен?

— Ты же вернёшься...

— А если уеду навсегда? — ему хотелось быть жестоким, а, точнее, не жалеть, когда не жалко. — Что тогда?

Опять прошло какое-то время перед её репликой. Казалось, она впервые думает о подобном варианте.

— Что тогда?! Останусь с отцом... — произнесла, будто: «Тогда я непременно скончаюсь»

Это окончательно разозлило сына:

— А что плохого в том, чтобы остаться наедине с отцом? Ты же выходила замуж, чтобы быть с ним, а не чтобы родить меня! Так ведь?! Так что плохого быть только с мужем?!

Она не понимала, что происходит. В воображении всплыла картина смерти барашка. Как обречённое животное висело вверх ногами, дергаясь и брыкаясь. А в глазах родителя - смирение со смертью. Алан мотнул головой, отгоняя наваждение.

— А хочешь, я отвечу, почему ты боишься оставаться с ним наедине? Хочешь?! Потому что, когда его не станет, он даже не почувствует разницы — жив или мёртв. Его жизнь — всё равно, что смерть. Каждый вздох пропитан разочарованием в том, что был сделан. А тебе просто противен живой труп! Хотя уже сама становишься такой, недоумевая, зачем тебе жизнь, кроме как вырастить меня... А после - внуков... Что ты можешь, кроме как готовить пищу?!

Алан впервые открыл ящик Пандоры, и от этого было так славно, так хорошо... Мать испуганно смотрела на него. Но главное - глаза были полны жизни.

Женщина резко встала:

— Закрой рот и больше его никогда не открывай! — яростно прошипела она, чуть ли не выбежав из комнаты.

Ощущение приятного тепла, того самого, исходящей из белого камня, ползло по телу...

Не зная зачем, он сел за уроки. Выводил буквы, подчеркивал, соединял, учил, подсчитывал с огромным удовольствием, может, в первый и последний раз в жизни. Он потратил на них весь вечер. Всё это помогало не думать, не выбирать...

Попытался рисовать - ничего толкового не выходило. Преследовал лишь образ нагой Мари. Но изображать её он не решался. В конце концов, плюнул и улёгся снова, не выключив свет.

Всплывали картины будущего — благополучного, счастливого, там, где тепло и уютно... Но всё равно ничего конкретного представить не получалось. Он лежал в приятной зыбкой дрёме — здесь и в будущем одновременно. Но желанный сон всё не шёл. Лёгкий шорох — и мир снова во мраке. Сколько сейчас? Ведь времени совершенно не чувствуется... Ещё шорох - и источник бесконечного тепла и нежности оказывается рядом под одеялом. Когда я успел расстелиться?

Обжигающее желание и шёпот, за которым - поцелуй. Долгий, животворящий...

— Я люблю тебя, насколько это вообще возможно, — еле слышно шепчет она.

— Ты как здесь оказалась? — пытается он спросить, полусонный. Но её ладошка обрывает вопрос.

— Послушай.... Ничего не говори. Дело не в том, что ты рассказал — не в санатории и не в той девушке... Дело в тебе. Я злюсь, потому что чувствую: ты ускользаешь из моего... Из этого мира... Будто вот-вот растворишься, исчезнешь... И я хочу побыть с тобой, пока возможно... Не для того, чтобы удержать или заставить быть со мной... Просто хочу... Тебя. Именно тебя, и только тебя.

— Но, Алин...

— Молчи. Ты знаешь, что у детей присутствуют черты первого сексуального партнера их матери? Что частичка тебя останется в моей жизни хотя бы так...

Она взяла его ладонь и приложила к своему шелковому животу. Затем приподнялась, помогая ему снять одежду...

— Я знаю, на что иду, — это было последнее, что она сказала в ту ночь, после чего запечатала поцелуем его губы.

Глава 5

ХУДОЖНИК

— Откуда они у тебя? — спросил человек не обернувшись. — Часы откуда?

— Из моего воображения... Я принёс их тебе, — ответил я, всматриваясь в затылок гостя. Но вместо ответа - тишина.

Я стоял в небольшой каморке без окон. Единственный выход — дверь купе. Кладка стен кое-где проступает из-за серых обоев с потёками. Старый выщербленный паркет. Былая белизна потолка угадывается по редким кускам штукатурки... Из мебели — одинокий стул (на нём-то и восседал незнакомец), накрытый целлофановой скатертью стол да жалкое подобие комода... Лампочка, истекающая тусклым светом. А, скорее, полумраком...

Небольшое пространство до отказа завалено неаккуратными кипами холстов, тканей, фанеры и стопками разнокалиберной бумаги... Некоторые заготовки пустовали. Но на всех остальных, повернутых ко мне лицом, виднелось одинаковое изображение — чёрный квадрат. Наибольший был прикреплен к деревянной раме, прибитой гвоздём к одной из стен.

Чувство опасности леденило. Прибежище вечного сумрака ужасало. Хотелось уйти, выскочить, выбежать обратно в эту дверь... Спасительную щель, доносившую родной перестук стальных колёс. Но вместо побега, ни секунды не думая, я дёрнул за ручку. Дверь легко закрылась, лишив путей к отступлению.

Сразу же полутьма бросилась пожирать любые звуки, окружив мёртвой... Именно мёртвой тишиной.

— Ты нашёл меня... Долго искал - и нашёл. Теперь вот даёшь часы... Здесь они бесполезны... Зачем?! — услышал я голос, скрипучий, будто он вот-вот разразится рыданием. При этом он принадлежал явно молодому человеку. Говорил медленно, подолгу взвешивая каждое слово, как если бы звуки ему давались с трудом.

Собеседник не собирался оборачиваться, всё такой же недвижный... Ну что ж, коль гора не идёт к Магомеду... Преодолевая вскипающий страх, я шагнул в узкий проход меж холстами.

Ожидал увидеть что угодно, только не...

— Будто специально состарили мальчика, да? Себе я не нравлюсь... Поэтому зеркало и разбилось... И уже можно не смотреть на себя, не видеть эту дряблую кожу, этого старика, — изрёк он.

— Кто ты? — спросил я.

Незнакомец прозорливо подметил, что выглядит, будто искусственно состаренный. Но из-за частой сети морщин всё же проступало лицо подростка. Это угадывалось ещё по не до конца сформировавшимся чертам лица и угловатости тела... Он не смотрел на меня, не отрывая воспалённого взора от циферблата. Глаза незнакомца слезились, но он не плакал. В левой его руке был хронометр, в правой — кисточка в чёрной краске. На столе — очередной холст с очередным чёрным квадратом. Я лицезрел лишь пустую оболочку... Выгоревшую на солнце некогда яркую фигуру. Не было до конца понятно, кто же передо мной... Но чувствовалось: он непомерно важен.

— Ты кто? — требовательно повторил я, зная, что сейчас моя сила — лишь декорация вселенского ужаса. Но я не позволял себе отдаться ему до конца.

Он оторвался, но посмотрел сквозь меня.

— Рисую, — изрёк монстр.

— Ты художник? — допытывался я.

— Нет... — покачал он головой. — Я всего лишь рисую то, что может быть чем угодно... И я тоже могу оказаться чем угодно...

— Ты художник, — настаиваю я, уже не спрашивая, а утверждая.

— Как скажешь... Но я от этого не перестану быть твоей крайней точкой. Я — финиш. После меня (в зависимости от выбора) будет бесконечное блуждание в тумане или новый путь... Зови как угодно — я всё равно, в первую очередь, тот, кого ты искал...

Бессвязные речи тяжело понять. Витиеватые фразы, странные обороты... Но при этом откуда-то ведомо, что он не запутывает меня, как например, Хранитель Старого Здания. Просто ему не

дано изъясняться иначе. Всё ж решаю осведомиться, почему он выражается загадками?

— Говорю как есть... — отвечает он. — Просто ты неспособен услышать более, чем позволяешь себе...

Неспособен слышать истину? Разгадывая эту галиматью, можно свихнуться! И я решил просто слушать... Сначала нужно узнать, кто он и где я?

— Что это за место? — я вновь скольжу взглядом по мерзости запустения...

Он помещает часы перед собой и начинает вещать:

— Это место... Куда попадают потерянные вещи...

— Эта каморка — такое место?

— Этот чулан — всего лишь мизерная ячейка для меня... Потеря - я... Ты утратил меня - и ныне я здесь... Непрестанно малюю...

— Я потерял тебя? — как ни стараюсь - не разумею.

— Да... Предав себя, ты расстался со мной... Но мы всё-таки обрели друг друга...

— Не постигаю! Пожалуйста, помоги, — умоляю я. Но он безучастен. Тяжким грузом давит тоска. Мне открыто: не поняв истин, что толкует этот странный, и, кажется, очень родной, человек, я вновь окажусь в начале пути.

Я уже был готов молить его, когда чудак заговорил сам:

— Я кто угодно... Рождается новый человек, а вместе с ним - и новая энергия... Топливо его свершений... Потенциал, что необходимо реализовать... Ты родился для воплощения великой идеи любви, идеальных отношений между людьми... Это была твоя Миссия на Земле. Но ты её предал... Ты предал меня ... И себя... Всё утилизируется... Энергия хранится... Всем предначертано истратить себя до последней капли... Иначе придётся сидеть и ждать... Пока не найдут... И я смиренно жду... И расходуюсь по капле...

Морщинистый подросток тяжело вздохнул:

— Я — твоя невыполненная Миссия...

— Но почему?! — почти ору я.

Всё так же, как и с остальными персонами — они повествовали о последствиях моей жизни, но ни капельки - о ней самой. А мне

нужно вспомнить, что было на самом деле.

— Почему? — ухмыляется юный старикан. — Каждый рождается для чего-то... Ты родился для воплощения меня — твоей Идеи... Ведь сначала у Бога появляется задумка, требующая материализации, и лишь затем — душа вокруг неё, а вокруг души — тело. Как яйцо... Желток, белок, скорлупа... Ты не воплотил меня, не истратил себя... Может, просто ничего не делал, а может, пошёл не тем путём... Не ведаю — лишь рисую...

А я иступленно размышлял, вспоминая слова Станционного Смотрителя, когда он рассказывал об алфавите и о том, что мы нужны Богу для воплощения его задумок от одного слоя к другому. Бородач и не знает, насколько прав!

Я не уловил момента, когда нежить неожиданно схватила часы и с визгом швырнула их о стену:

— Ещё и дразнишься?! К чёрту!!!

Испуганно отпрянув, я одновременно держал в поле зрения и буяна, и ценный артефакт. Внезано унявшись, он спокойно взял со стола картину, встал и положил её в середину одного из скопищ холстов. Затем, поместив перед собой новую, спокойно уселся за работу.

— Здесь время ни к чему... — бесстрастно возвестил он. — В четырёх стенах... Ни дня, ни ночи... Лишь полудохлая коптилка... Здесь лишь предатели времени...

— Зачем мне это слышать?! — разгневался я. — На что твои камлания, если я никак не вспомню свою историю?

Меж тем он тихо шепчет. Приходится умолкнуть, чтобы разобрать:

— Всё помнишь, всё знаешь... Больно вспоминать... Всё сплелось воедино... Огромный вязкий ком... Ты тонешь в нём, и постепенно от тебя начинает пахнуть землёй, гибелью...

Я подхожу к нему вплотную, но он заворожённо уставился на девственную холстину. Теперь можно различить каждую морщинку на его дряблой прозрачной коже. Сейчас ясно: этот пожилой подросток пустым взглядом напоминает зомби из торгового центра.

— Прошу... Помоги вспомнить! Я боюсь боли, но готов риско-

вать!

Его лик подобен маске. Но всё же он выцеживает:

— Я тоже... Не хочу быть здесь бесконечно...

Берёт кисть, обмакивает её в банку с чёрной краской и начинает неспешно, чуть касаясь поверхности, наносить линии, что исподволь складываются в безупречный контур квадрата.

— Я творец... — говорит он, не отрываясь, — не буду писать квадраты... — мозг разбухнет от мыслей... И заболеет. Чтобы полегчало, нужно выпускать думы на волю... Освободить от них голову, как рану от гноя... Именно поэтому я и рисую... Иначе воспаляются мысли...

— Ты рисуешь, чтобы выпускать размышления на свободу? — повторил я, дабы он видел — я слушаю и вникаю.

— Ага! Может, и ты творец? Присмотришься...

Волна радости захлестнула меня. Показалось, что я понял смысл этого бреда... На что он наталкивал?! Он и я чем-то похожи, если не одно целое вообще. «Я творец... Может, и ты творец?» Немного поразмыслив, я решил и дальше задавать «правильные вопросы».

— Почему именно квадрат?

— Он то, что нужно...

Осечка.

— Почему именно квадрат, а не круг?

— Круг — совершенство... Но мир ущербен... Квадрат — это рамки... Ограничения... Разве не видно? — удивляется он. Сейчас на холсте — именно границы. А внутри пустота, бель.

— Отчего фигура чёрная?

Он на миг замер.

— Это зеркало истины... В зависимости от смотрящего, чёрный квадрат — квинтэссенция добра или зла... Каждый может увидеть себя... Или ничего... Он может оставаться просто геометрической фигурой. А может стать целым миром... — он впервые поднимает взгляд на меня, — а что видишь ты?

Отвечаю, не думая:

— Просто абрис...

— Нет!!! — верещит он, в бешенстве ударяя руками о стол. —

Не просто смотри... Зри в корень...

Не успеваю толком присмотреться, как художник вновь продолжает работу.

— Созидая, человек уподобляется Высшему Творцу... Сливаются с Ним, становится равным Ему... И видит мир аналогично. И мыслит не словами, а образами... Это, — он обводит стороны квадрата по периметру, не нарушая идеальных линий, — кредит доверия человечеству... Рамки вседозволенности... Черта, за которой - или пустота, или новые горизонты, или всё с нуля... Всё зависит от самих людей...

Не понимаю, но перебивать не решаюсь.

— Если человечество достигнет границ в чёрном обличье, Творец стирает всё - и все начинается заново... Если в белом — оно перейдёт на новый уровень... Всё элементарно! Смотри... — он указывает на пустоту внутри квадрата. — Это самое начало. Здесь нет ничего — ни создания, ни разрушения — ПУ...СТО...ТА! Первые люди... Ева и Адам... Первые капсулы с Идеей... Но они предали Миссию... — с его кисти срывается крупная капля черноты и падает в центр квадрата. — Первородный грех... Затем вторая капля, третья, четвертая... Вот Каин и Авель — первое убийство... Война за любовь Родителя... Как думаешь, казнь преступника — белая точка или чёрная?! Чёрная, потому что чёрный — разрушение, а белый — созидание...

— Убийство... — зачарованно лепечу я, созерцая мистерию света и тьмы.

— Да... Знаешь, что за тяжесть ложится на плечи человека, лишившего жизни?

— Загубленная душа? — предполагаю я.

— Нет... Душу не погубишь. Когда тело разрушено... Скорлупа разбита.... Душа возвращается восвояси... А вот Идея — «желток», суть — никуда не девается. Идея должна быть воплощена... А чья же это кручина? Разумеется, убивца! Ой, как тяжело нести бремя чужих Миссий! Палачу придётся перерождаться, испытывать страдания смертного тела, многократно, дабы реализовать все Идеи, теснящиеся в нём — и свои, и чужие...

По мере изложения квадрат темнел всё больше ...

— Войны... Убийства... Насилие... Катастрофы — без конца взмахивал он кисточкой.

— Есть и белое... Множество ответственных творцов... Но это мизер в сравнении с массовой гонкой за чужими идеалами... Всё чернеет, и, ничего не меняя, исчерпав кредит доверия Творца, люди будут очищены, чтобы начать всё заново... Разрушая, они постепенно идут к саморазрушению... Только созидание может спасти! Но как слепым кротам узнать о свете?! И тогда приходят посланники...

Темень квадрата то там, то тут даёт белые проплешины.

— Они увлекают людей, ведут за собой, рассказывая о ценности каждого... О любви и предопределении... Иисус, Будда, Мухаммад и Кришна... Всегда эти светочи появлялись в тяжкие времена... Когда они уходили, кто-то правильно истолковывал их слова и находил верный путь созидания, а кто-то (из корысти) отыскивал смысл разрушения. Инквизиция, крестовые походы, смерть неверных... И так было всегда... И будет всегда... Всякий в любой момент выбирает — создать или разрушить. Мы - и свет, и тьма. Вся жизнь, как на острие лезвия, балансируем на грани добра и зла... Наша задача - держаться середины, неотступно следуя к мечте...

«Если вдруг, выбрав Рай, ты решишь пройти по тёмной стороне улицы, то уже не сможешь этого сделать, умея видеть только свет. И придётся идти окольными тропами или дожидаться, пока не станет светло, с каждым мгновением всё больше отдаляя момент встречи с заветной *дверью*...» - кажется, так говорил Старик.

Представилось, как я иду по рельсам, бегущим за горизонт. Слева чёрное поле — осень, справа — белое — зима. А на плечах - длинная трость, на концах которой - по корзине. Идти по тонкому рельсу тяжело. Держать равновесие сложно. Постоянно кренит в стороны... При этом, стоит хоть чуточку наклониться, в корзину сразу попадает часть белого или чёрного вещества, в зависимости от стороны наклона. И балансировать всё тяжелее... В конце пути - суровый старец в белом. Этаким бог, пред которым я должен отчитаться за содержимое корзины... Это представляется ужасно

несправедливым. Я возмущён:

— А кто, в конце концов, решает, как и по каким критериям, чего в моей жизни было больше — Зла или Добра? Кто это взвешивает?

— Ты не понял... — шепчет художник, вновь оставляя кляксы на ткани. — Нет Родителя... И нет Судьи... Есть лишь Творец... Никто не взвешивает Добро и Зло... Творец создал Мир единым целым... Он справедлив... И никто не оценивает твои поступки. Какая разница, «хороший» ты или «плохой»? Главное - выполняешь ты свое Предназначение или нет... Бояться черноты глупо — Путь Мечты - посредине Добра и Зла... Путь Мечты учит любить, принимая ненависть в себе. Я здесь именно потому, что ты не смог создать белую точку во мраке...

Когда он замолчал, я не мог говорить — тяжесть сковала горло и грудь.

— Всмотрись во тьму квадрата! В его белую часть, пока она ещё есть... Гляди лучше — и увидишь всё человечество... Как всё оно делится на созидателей-творцов и разрушителей. Потребление без создания — разрушение... Бездействие — разрушение. Люди потребляют, бездействуют и разрушают... И тьма подбирается к границе...

Творец и Разрушитель внутри нас... И вечная борьба внутри каждого... Кто победит? При жизни ты выбрал своего Разрушителя — и очутился здесь. Слабости и страхи тянут на дно... Но они не твои враги... Как и любое зло, всего лишь напоминание о долге... Ты обречён на вечный круг перерождений, пока не исполнишь Предначертанное...

— Значит, что я тут не из-за злодеяний? — странно, но я упорно спрашивал об уже понятном.

— И да, и нет... Ты здесь... И я здесь из-за предательства мечты!

— Но как?!

— ...Бездействовал... Сдался... Добро *действует* в соответствии с мечтой, с голосом души... А зло лишь *знает* как надо, боясь следовать велению сердца... Зло - самообман...

— Понятно! — я и впрямь прозрел. — Наконец-то!

Художник залил чёрным некогда пустой параллелепипед. Краска подсыхала, а я всё смотрел в бездонную глубь....

— Если я только что понял ошибку... Если постиг суть бытия, понадобится ли новое рождение? — спросил я.

Чудак ответил:

— Ты рождаешься не учиться, а выполнять Миссию... Тратить меня — энергию Идеи Творца. Многие знают верную дорогу... Но *страх риска приводит к неподвижности*. Многие так и умирают — зная. То, что ты всё понял — не столь важно! Главное — действие!

Я только сейчас заметил, что кожа старика разглаживалась: он молодец!

— Впусти в себя и добро, и зло... — голос Художника крепчал вместе с струящейся по телу молодостью. — Какой смысл в добром добре, не умеющем отстоять своё право на жизнь? Добру... как и всему во Вселенной, нужно своё пространство... Своё место, где оно может расти и развиваться... А свое пространство нужно уметь защищать, стоять за свои интересы и мечту... Именно для этого в нас заложена тёмная часть. Нельзя прогнать поцелуями и улыбкой!

— Я это уже понял, — перебил я. Он недобрый взгляд. Куда делась дряблая кожа? Где слезящиеся глаза? А тихий голос, несущий горячечный бред? Где всё? Передо мной - полный жизни, молодой, крепкий парень. Он смотрел в упор, с вызовом... Стало не по себе, словно его новый облик подавлял.

— Если ты всё понял, что же тут делаешь до сих пор? — нахально улыбнулся он. Но ответить ему мне было нечем. — Я тебе неприятен... Ты боишься меня! — он не спрашивал - утверждал. — Скажу больше... Я ненавистен тебе. Ты не понимаешь, откуда взялся этот наглец вместо милой мумии, чирикающей квадратики. Как это здорово, наверное, понимать, что нужно идти посреди чёрного и белого, но при этом опять же ни черта не *совершать*! Именно так ты и поступил при жизни. Впрочем, как и большинство... Вот почему квадраты крошечно чёрны!

Он остервенело швырнул холст, как недавно - часы. Затем встал, намереваясь подойти, но я отступил. Глупо. Сбежать всё

равно нельзя.

— Я тот, чьё существование ты отрицал — Сила... Уверенность... Импульс... Риск — ты всегда их отвергал, полагая злом! И даже сейчас ты пятишься, готовый влипнуть в стену, лишь бы не бороться!

Он будто видел насквозь...

— Хочешь выбраться?!

— Да... — промямлил я.

— Не слышу?! Хочешь взорвать порочный круг обиденности?! — орал он, наступая.

— Да! — ответил я ему в тон.

— Я тоже! Хватит сидеть и ждать... Дудки! Желая выбраться, нужно принять меня... Злость, ярость... Свою агрессию! Поверь: они далеко не чёрные. Это люди их заклеямили... Хватит раболепствовать перед своей добротой... Когда следуешь мечте, позволено быть разным... Будь разным! Именно ты виноват, что в тебе не осталось ни капли прошлого! Стань тем, кем всегда боялся! Без любого компонента ты распадёшься на части, рассыпнешься... Хочешь выбраться — прими в себе агрессию!

Он напирал. Я был прижат к стенке. Отступить было некуда.

— Слышишь?! Прими зло! — неистовствовал он.

— Ты псих! — смог ответить я, но он даже не среагировал, приблизившись ещё.

— Может, и псих, а ты предатель мечты! РАЗРУШАЙ!!!

— К чёрту!!! — и я с силой оттолкнул его.

Он не удержался и упал. Сердце сжалось. Мучительное чувство вины душило. Но уже спустя секунду из-под груды холстов слышался громкий смех. Мучитель обескураживал.

— Наконец ты осмелился! Ура! — он встал с часами в руках: видимо, подобрал с пола. — Ах, если бы тогда ты поступил так же... *Если бы оттолкнул!* Ну да ладно...

Голос утратил грозовые интонации. Художник улыбался.

— Кажется, это твоё... — протянул он механизм, до сих пор кажущийся воплощением бессмысленности.

Юнец сел. Я молча стоял.

— А знаешь, чём гениален чёрный квадрат? — спросил он и тут

же ответил:

— Внутри можно нарисовать, что угодно, а затем закрасить... И никто... Даже сам, не найдешь спрятанное. Жаль, ты не видел чудесную картину, закрашенную перед самым твоим появлением. Тебе бы понравилось!

Он умолкает и просто смотрит с туманной улыбкой, будто спрашивая: «Ну, понял?». Но я не понимал.

— Прибор у тебя... — говорит он. — Жаль, нельзя отмотать время вспять и увидеть прошлое...

Конечно, я понял намеки:

— Можно, — отвечаю я. — Ведь это — Мой Мир!.

Маленькая стрелка - на семи, большая - на трёх. Я касаюсь торчащего справа колёсика и кручу. И... *Получается!* Оно поддётся — длинная стрелка медленно ползёт против часовой к двенадцати. Испытываю огромное напряжение, будто все силы уходят в кончики пальцев.

По мере продвижения стрелки грудную клетку сдавливают. С новыми кругами комнату наводняют туманные силуэты, а сам художник словно тает... Виден весь его и мой путь... Вот он на груди картин... Я отпихиваю его... Он наступает... Отбирает холст... Рисует... Ораторствует... Здесь он должен постареть обратно, но почему-то всё так же молод... Снова ставит точки. При этом чернила с картины всасываются в кисть, а из кисти - обратно в банку с краской... Абрис квадрата... Девственно чистый холст... Отшвыривает фантом часов - ведь настоящие у меня... Вот Художник укладывает новый холст в стопку, а старый возвращает на стол... Держит в руках часы... Мой силуэт исчезает в проёме. Он снова один...

Не переставая крутить барабан любимого механизма, наблюдаю, как краска с чёрного квадрата снова втягивается в кисть и остаётся лишь контур. Затем исчезает и он... Всё! Стопор. Стрелки мертвы. Последний пункт — цифра двенадцать.

Ныне на холсте — прекрасная нагая девушка с лучезарной улыбкой. До безумия знакомо, будто это - часть меня самого... Всё же невозможно вспомнить, кто на портрете. Резкий щелчок устройства. Паводок блаженства.

Тик... Так... Тик... Так... — мощными ударами разносится сердцебиение валов и шестерён. Часы живы. Бег секунд - внутри. Я ЧУВСТВУЮ ВРЕМЯ!

Фонтан слёз...

Этот звук настигал и у Старьёвщика, у замёрзшего озера. Но я не понимал сладкого голоса Времени... А теперь - постигаю и чувствую!

— Я тот... — улыбаясь, говорит Художник, — кем ты должен был стать, но не смог...

И заносит кисть над портретом для нанесения лишь пары букв: «D.A.» D.A.? D.A.? ДА!

Дзгоев Алан...

Затем встаёт, протягивая руку:

— Дай! — требует непонятно чего. — Что в кармане... Дай!

Извлекаю карандаш — тот самый, полученный в Торговом Центре. Признаться, я о нём совсем забыл. Вкладываю находку в протянутую руку. Художник благоговейно принимает обычный остро отточенный карандаш. А затем подходит к висящему на стене «Чёрному квадрату». Старательно, без лишних движений, обводит фигуру по периметру, чтобы после свой инструмент резко воткнуть в центр.

Тотчас адская головная боль острым шилом впивается в мозг, разламывая череп. Кажется, слышен треск сокрушаемых костей. Но это Художник лишь сунет палец в дыру и разрывает крошечную материю рисунка. За нею - окно...

«Боль Иного Мира! — слышится голос Старьёвщика. — Она что-то значит. Эхо памяти...»

«Конечно, с Того Света, — отвечаю мысленно, зачарованно глядя в квадратное окно дедушки Азамата. Оттуда открывается волшебный вид на Старый Город.

— Эта боль — воспоминание о Мире, где я рисую обнажённую Мари — желанную иностранку... Где лучшая подруга оказывается давно влюблённой в меня... Где мать живёт лишь ради сына... Где я решаю, выбрать путь мечты или дорогу долга... Где я — только парнишка в поисках своего места и с надеждой на правильный выбор... Мир, где я ещё жив...

Глава V

ПОЛДЕНЬ

Алина ушла перед рассветом. А он лежал в темноте, непрерывно размышляя... Вертелись спутанным хороводом сотни мыслей, и каждая требовала внимания. Безумно хотелось отбросить этот хлам и просто уснуть... Но даже это не выходило. Тело, как и вся жизнь в последнее время, будто стало чужим.

«Я лишь могу наблюдать, к какому из скалистых берегов вынесет бурлящий поток», — слышалось вдруг.

Алина... Постель ещё хранила её тепло, а губы помнили поцелуи. И сладко, и мерзко... Гладкая кожа, запах желания, страстный взгляд — манили, требовали слиться с ней до конца жизни... А собственная слабость перед чарами подруги, единственного соратника, и похоть воспринимались предательством. Всё это злило и вызывало отвращение к себе.

«Почему я не смог удержаться, оттолкнуть её, заставить уйти?» — спрашивал он себя, кусая губы.

И сам же отвечал: «Потому что не хотел... Потому что всегда влекло к ней... Но боялся даже себе в этом признаться, как и подбавляет трусу...»

«Неправда! — тут же вступал невидимый адвокат, — я всегда воспринимал её как подругу, но не возлюбленную...»

«А какая разница? Что для тебя значит любить, и что — дружить?»

«Любовь... Это испытываемое к Мари... Чудо... Загадка... Безумная жажда слияния...»

«Это страсть - никак не о любовь. Подумай - и поймёшь, что любовь похожа именно на чувства к Алине: интерес к её жизни, желание поддерживать, сопереживать, быть вместе, но не одним целым... И, конечно же желать её саму, а не только тело... Но откуда тошнота, если было хорошо? Почему ты брезгуешь собой?»

«Да потому что знаю, на что обрек её! Знаю законы нашего

мира. Знаю, как муж к ней будет относиться за то, что он не первый... И это всё потому, что *я не прогнал её!*»

«Ну, вот опять... Не успел о своём будущем позаботиться толком, как думаешь о ней. Не много ли на себя берёшь, вечный обвиняемый?! Может, хватит? Может, вспомнишь, что это было и её решение тоже? Что это она захотела впервые быть именно с тобой? А сейчас ты коришь себя за то, что отдался на волю желаний, подчинился сердцу и... Ну, ты понял.... Расслабься! Хотя... Кому я это говорю?»

Этот нудная перепалка длилась до самого утра. И вот уже пора идти в школу - а голоса в голове всё не умолкали.

Визг будильника вырвал из дрёмы, избавляя от мучительных дебатов.

Первое, о чём подумал Алан, открыв глаза, была та пушинка-посланица, «пообещавшая» доставить его просьбу Богу.

«Интересно, добралась она до Него?» — вполне серьёзно подумал он, затем укорив себя за детскую наивность.

Рыхлыми хлопьями валил снег. Парень встал с кровати и мельком глянул в окно. Сердце затрепетало. Почудилось, будто мириады «пушинок-желаний» устилают землю. Но слепящая белизна принадлежала именно снегу. Это было сразу понятно по тяжести, с какой он шлёпался оземь.

Ну, что ж, пусть это будет хорошей приметой!

Застелив кровать и прикрыв одеялом следы ночи на простыне, Алан умылся, переоделся и отправился на кухню.

— Доброе утро, — поздоровался он с матерью, на что она лишь бросила обиженный взгляд, ещё сильнее поджав губы.

Так же молча положила в тарелку пищу.

— Мам... — позвал он. Не хотелось расставаться с ней так. Алан даже готов был извиниться, хотя и не чувствовал вины. Он всего-то сказал, что думал. Но мать, поставив перед ним провизию, ушла из кухни. Сбежала.

После сметённого подчистую завтрака (ведь неизвестно, когда в следующий раз придётся поесть) мальчуган вернулся в комнату. В портфель сложил всё необходимое: свидетельства об окончании начальной школы и о рождении, паспорт (в столе был

ящик для документов), рисунки и чистые листы, перочинный ножик и карандаши разной твёрдости, ещё кое-что... Ничего лишнего - самое необходимое.

На рисунке проводника Алан написал послание матери. Чтобы не волновалась. Пусть знает, что с ним всё в порядке. Куда он и с кем, конечно же, писать не стал. Занеся руку для подписи, на секунду замешкался. Его почему-то до судороги потянуло оставить инициалы. Но с усилием всё же написал фамилию с закрючкой на конце. Привычная, легко узнаваемая подпись. Перед расставанием захотелось обратиться к маме с благодарностью за любовь и заботу и объяснить ей (извинившись с надеждой на понимание), что, если сын не уедет сейчас, то останется здесь навсегда догнивать с клеймом неудачника на лбу.

Уходя, окинул родную комнату взглядом, запечатлевая в памяти каждую вещь — этот стол и стул, паркет, серые обои, ковёр и шкаф... Все цвета, запахи и звуки столько лет жившие вместе с ним. А теперь он уходит, оставляя их в одиночестве. Закрыв дверь, Алан сжёг последний мост.

На улице было невероятно красиво. Снег доставил запах зимы и договорился с безжалостными ветрами о небольшом тайм-ауте, дабы всякий наслаждался ледяным кружевом.

Алан обошёл дом позади, подальше от главной дороги и школы, откуда бы наверняка кто-нибудь из детей заметил его, бредущего в сторону «Красного Замка». А ему сейчас меньше всего хотелось, чтобы в санатории возникали лишние хлопоты, и, не дай Боже, проблемы.

Добравшись до конца села, внимательно огляделся. Свидетелей побега вроде не было. Можно идти спокойно. Природа словно помогала мальчугану, прикрыв его непроницаемой пеленой снегопада.

По мере удаления от дома деда Азамата тиски страха сжимали сердце всё сильнее... Но откуда тревога? Вроде решение принято... Добравшись до поворота, Алан остановился перевести дух. Бессонная ночь напомнила о себе. Хотя, наверняка, больше вымотала борьба с самим собой...

«Ну, конечно! Вот почему так тяжело идти! Вот почему хочется

кричать... Ведь выбор так ещё и не сделан...» Он посмотрел в сторону, где от века стоит родное село. Сейчас лишь еле проступали очертания домиков. Вроде как вернуться нельзя... Остались лишь следы на тонком снежном покрове, но и они исчезнут за считанные секунды. Обратный путь будет отрезан навсегда.

Или же... Ещё можно остановиться - и прочь от сказки, обратно в обыденность? Убедить себя, что мечты – несбыточны... Что единственная радость и смысл жизни – быть лучшим отцом и мужем...

«СЛАБАК-АК-АК!!!» — откуда-то раздался дикий, оглушительный крик, эхом разнося оскорбление.

— Просто послышалось... — несмело убеждал он себя. Сильно зажмурив, а затем открыв глаза, Алан двинулся дальше, шаг за шагом приближаясь к новой жизни.

Когда сквозь вьюгу проступила тень высокого забора, вновь возникло желание остановиться или даже кинуться обратно. Но на этот раз он справился с собой быстрее, даже не сбавив шаг.

Дальше были ворота... Охранник кивнул, как своему. Алан в ответ приветливо улыбнулся. Странное дело - лишь стоило зайти на мощённую плиткой территорию, как тревога отступила. Её заменило смирение, будто он просто исполняет чью-то волю. Уж лучше пускай так, чем то, что было...

Возле самого крыльца стояла пара больших чёрных джипов и три микроавтобуса. За их тёмными окнами - никаких признаков жизни.

«Наверное, сегодня уезжает не только Мари», — подумал он. Осенило: одна из этих машин и увезёт его отсюда ... *Насовсем*.

Алан посмотрел на чёрные «танки», будто впервые. Сколько раз он с тоской наблюдал их победоносное шествие? Джипы всегда казались загадочными кораблями, недостижимой мечтой, отблеском респектабельности и чужого счастья. А сейчас он смотрит на них, покинутых псов в покорном ожидании хозяев и (о, чудо) может представить себя внутри иномарок, уносящих в Большой Мир.

Дежурный администратор справился, куда провести. Алан назвал мисс Мари Уилсон. Служитель набрал нужный номер и на-

вёл справки. Затем коротко кивнул и положил трубку.

— Вас проводят, — вежливо сказал мужчина. — Но Мисс Уилсон нет в номере. Она просила подождать.

— Спасибо, — поблагодарил паренёк.

Через минуту явился незнакомый коридорный и пригласил следовать. И опять долгие блуждания по лабиринту. Как ни старался Алан, но никак не мог уловить хоть что-то знакомое. Всё выглядело так, словно он здесь впервые.

Скитания были привычно долгими... Кстати, о времени! Алан приподнял рукав — часы всё так же незаметными когтями охватывали запястье. Число на квадратном вырезе календаря было почти 31-е. Сверху выглядывала лишь маленькая часть единицы — нового месяца. Маленькая стрелка застряла посреди 12 и 1, а большая — между 6 и 7. Минутную стрелку еле заметно была судорога, словно она не могла решиться, куда нужно идти — вперёд или назад. «Прямо как я сейчас», — мелькнула мысль.

Подойдя к нужной двери, коридорный открыл её, пояснив, что госпожа Уилсон просила гостя зайти. Испонив миссию, служитель испарился. Алан зашёл в знакомый номер.

Ах, эти ароматы богатства и свободы! Комната, какие бывают только в кино, великодушно позволяла побыть хозяином! И Алан с удовольствием принял это приглашение.

Разувшись, сняв куртку, он сразу же прошёл в спальню Мари и взгромоздился на огромную кровать... Запах её кожи, тепло тела, чарующий голос и улыбка, полная любви — всё это дурманило желанием принадлежать ей, сопровождать каждый её вздох возгласами восхищения и искреннего счастья...

— Что бы она там ни говорила... Я не завишу... А люблю...

Лишь стоило закрыть глаза, как тьму затмевали её лилейная кожа с нежнейшим британским румянцем и медово-медный водопад волос, льющийся на породистое тело... Возбуждение мутило рассудок. Казалось, до безумия — всего шаг... Но так желанно сумасшествие от страсти...

— Надо же, ещё и заснуть успел, — разбудил Алана смех Мари. — Ишь, ты, шустрик...

— Привет, — садясь на кровати и потирая сонные глаза, улыба-

нулся он.

— Привет, — ответила девушка в тон ему. Рыжая была одета в тёмное бордовое пальто, вязанные перчатки и шапку цвета индиго. Джинсы спрятаны в красные сапожки по колено. — Я рада, что ты всё же здесь, — а затем, будто вспомнив, зачем пришла, махнула рукой, веля следовать за ней. — Одевайся скорее и выходи в коридор. Тебя проведут...

— А ты куда? — испугался Алан. Ему не хотелось терять её из виду.

— Сюрприз... Иди умывайся, — сказала Мари, а сама вышла из номера.

В гостиной у стены аккуратно в ряд стояли собранные чемоданы. Вряд ли она их собирала, пока Алан спал... По ощущениям, он вырубился не больше, чем на полчаса. Скорее всего, зайдя в номер, Алан просто не обратил на них внимания.

Ополоснув в ванной лицо, вернулся обратно, натянул куртку и сапоги, надел на плечи рюкзак.

Открыв дверь, обнаружил откровенно скучающего коридорного, что привёл его сюда.

— Следуйте за мной... — сказал тот и без промедления двинулся в противоположную сторону.

По дороге заметил царящую кутерьму. На пути встречалось намного больше жильцов с сопровождающими, да и просто спешащего по делам персонала. Парень связал это с ожидающими у крыльца машинами.

Влачась вслед за служащим, Алан старался ощутить до конца, что видит гостеприимное великолепие «Красного Замка» в последний раз. Но ничего, ровным счётом ничего — ни тоски, ни грусти, ни ностальгии по чуду, короткой вспышкой озарившему жизнь, не возникало.

Спустя какое-то время коридорный остановился перед очередной дверью, похожей на чёрный ход. Наверное, тут их множество.

— Мисс Уилсон ожидает Вас... — вежливо кивнул служащий и ушёл. Алан потянул ручку двери.

Морозная свежесть разом обрушилась на лицо. Снежинки

медленно кружились, крупные хлопья наполняли всё кругом атмосферой праздника.

— Что это за дивная музыка? — прокричал Алан. Оказавшись позади «Красного Замка», он увидел ряд широких площадок, соединенных тропами. Одну из них заполнял ледяной покров — небольшой самодельный каток со скамьями по периметру. На одной из них стоял небольшой магнитофончик-бумбокс. Из динамиков лилась бравурная музыка. И надо всем этим великолепием — уходящий в небо силуэт горы.

— «Мика, Любой другой мир»⁴, — прокричала Мари, и, разбежавшись, вскочила на лёд, с восторгом отдаваясь несущей вперёд силе, еле удерживая равновесие... — «Скажи проща-а-ай...» — подпевала она детскому хору, не переставая кататься. — Давай ко мне!

Замешкавшись на секунду, Алан скинул с плеч рюкзак, чтобы как следует разбежаться и, прикрывая глаза от летящего в лицо снега, с визгом радости промчался по скользкому льду. И в конце, не удержавшись, все же плюхнулся к ногам любимой.

— Видишь: я у твоих ног, спасибо не говори! — пропел Алан по-русски.

— Что? — не поняла Мари.

— Это слова одной песни. «Я у твоих ног. Спасибо не говори. В этом тебе помог Бог, его и благодари», — перевел он.

— Красиво! — улыбнулась англичанка.

— И правдиво...

— Давай, поднимайся, — помогла она встать.

— Хочу ещё прокатиться. Мне понравилось!

— Подожди, — придержала его Мари. — Я кое-что хочу сказать...

Алан повернулся, дожидаясь, пока она соберется с мыслями, чтобы начать.

— Я это... Рада, что ты всё же пришел. Почему-то казалось... точнее, я боялась... Что ты так и не появишься. Мы в полдень уезжаем. Очень хочется забрать тебя отсюда. Здесь тебе не место.

⁴ Mika – Any other world

Вместо ответа Алан улыбнулся и в тот же миг бросился бежать. Запрыгнув на лёд, расставил руки, словно птица крылья в полёте, и закрыл глаза... Несомненно, внутри он представлял, что летит, кружится у самых туч, наблюдая, как они посыпают снегом землю.

— А я так ничего и не решил! — прокричал он Мари на другой конец площадки.

— Иди сюда, — позвала она его. Алан вновь разбежался, чтобы проскользнуть до ждущей Мари.

— Я не понимаю, что значит — «Я так ничего и не решил»? — спросила она.

— А то и значит...

— Разве ты не пришёл для того, чтобы уехать?

— Не знаю... — честно признался он.

— Тогда для чего? Чтобы попрощаться со мной? — в глазах Мари читался вопрос.

— Нет... Я не хочу с тобой прощаться, честно. Но я совершенно не понимаю, не представляю где я и что, каким будет следующий мой шаг... В рюкзаке есть всё необходимое, чтобы уехать. Но я не уверен, что смогу сделать это.

— Но почему?!

Алан действительно не представлял, как выразить весь внутренний хаос. Как передать боль, рвущую на части?

— Не знаю, как объяснить...

— Да уж постарайся! — осерчав, потребовала она.

— Понимаешь, я знаю, что уехав сейчас, буду жалеть потом всю жизнь...

— О каком побеге речь?! — всплеснула она руками. — Ты что, рехнулся?

— Ну вот! Я же говорил: не поймёшь. Слишком много всего намешано... Я чётко понимаю: покинув село теперь, когда я для всех - слабак, век не прощу себе этого. Позорное клеймо приклеится навечно...

— Ты точно псих... — покачала она головой. — Да ты, наоборот, будешь слабаком, постоянно оглядываясь на чужое мнение. Нет нужды доказывать! Ты ни лучше, ни хуже от того, кем тебя

считают.

— Тут не только это! — перебил её Алан. — Ещё есть люди, которые без меня не смогут. Мать, например. С отцом наедине она вообще в считанные дни загнётся. С моим уходом она утратит смысл жизни. Так нельзя! Это жестоко! Будучи рядом, я постепенно научу её быть существовать без меня. Поверь, она достойна счастья!

— Хватит!!! — оглушительно заорала англичанка. — Тупица! Игра не стоит свеч! Хочешь угодить всем? Не много ли на себя берёшь?! Ты собирался уехать - значит, приобрести будущее, где ты чего-то стоишь. Но вдруг вспомнил, что, уехав, многое теряешь... Но это нормально, пойми! Цена будущего - незавершённое прошлое! И ничего не поделаешь... Разбогатев и прославившись, я потеряла определённую свободу в отношениях с людьми. Но при этом приобрела свободу в другом, о чём и мечтала — в способности помогать, путешествовать, творить... Третьего не дано! Хочешь осчастливить мать? Похвально! Только это невозможно! Можно ли заставить другого быть счастливым, богатым, успешным, если он сам этого не хочет? За другого путь не пройти... Почему люди чего-то не могут? Только потому, что не ставят такую цель! Твоя мать хоть когда-нибудь старалась что-то изменить? Или ей проще жить ради тебя?

Тебе вот-вот стукнет восемнадцать. Ты уже не мальчик. Может пора, наконец увидеть в любимых родителях людей? Отделиться от них и стать самим собой?!

Алан молчал, уставившись под ноги. Но Мари это не волновало. Она чувствовала, что он слушает и, более того, — слышит смысл. Очень хотелось спасти одарённого парня.

Глубоко вздохнув и взяв его руку в ладонь, она продолжила:

— Тебе тяжело. Уехать в никуда, почти наобум, доверившись незнакомым, непонятым людям — сложно. Но этот риск может обернуться взлётом! Начать — самое страшное... Но нужно решиться и рискнуть. Преодолев своих демонов, двинуться дальше, или, выбрав привычное, остаться на месте?

«Послушай, воин... — сами собой всплыли в памяти слова деда Азамата, — иди вперёд, сколько хватит сил, никого не слушай!

Тогда окажешься там, где хочешь».

— Рискни - не прогадаешь! — убеждала иностранка.

Парень потупился и не сдерживал слёз.

— Иногда кажется... — тихо говорил он, — я вот-вот что-то пойму... Что-то важное... О себе... И о людях... И больше не будет сожалений о былом... *Чёртово прошлое! Хочу, чтобы оно исчезло!*

— Глупости! Без прошлого ты не был бы собой! Все мечтают иногда об идеальном выборе... Хотя некоторые и позволяют другим думать и решать за себя... Ведь ты не таков? Ведь ты никому не позволишь решать твою судьбу?!

— Наверное, я просто ещё не готов... — виновато промямлил он.

— Алан, ты просто на крючке у своих страхов! — не сдавалась она. — Время не ждёт! Успешен тот, кто успел! Фортуна повернулась лицом - лови момент!

Когда рыжая смолкла, Алан обнял её. Они долго стояли так. Англичанка чувствовала тяжесть выбора, многотонным грузом обрушившегося на слабые ребячьи плечики. Хотелось помочь, снять с него хотя бы часть бремени. Но пианистка понимала, что это невозможно. *Он должен сам.*

— Если я поеду, — робко спросил он, отстранившись, — мы ведь будем вместе?

Спрашивая, Алан уже знал ответ. Безмерная любовь подсказывала ему. Когда Мари сказала, что об этом не может быть и речи, в глазах потемнело, а земля качнулась.

— Тебе ещё многому нужно научиться, — продолжила она, пока мальчик стоял оцепенев. — Ты кажешься несмышлёнышем, совершенно не представляющим, где живёшь... Моё внимание ты мог принять за любовь... Лишь потому, что ещё ни черта любви не знаешь. Я хочу помочь тебе, дать возможность развиваться, видя твой талант и потенциал — не больше. Одна из привилегий богатства и известности — возможность помогать тем, кому хочется. Ты мне нравишься как человек и как художник — достаточно, чтобы желать добра...

Онемевшие мышцы исподволь оживали. Юнец проговорил:

— А то, что было... Разве это не любовь? Я хорошо обдумал, что ты тогда мне рассказала об отношениях, о твоей и моей зависимости... И... Решил, что ты ошибаешься. Это настоящие чувства.

Мари тяжело вздохнула, помотав головой:

— Так и знала - ты опять об этом... Это не любовь. Благодарность, нежность, приступ тоски, жажда тела... Всё, что угодно, но не любовь. У меня уже есть любимый... Пусть он бывает несносным... Пусть именно из-за него я оказалась в горах и встретила тебя... И даже чуть не погибла... Но я не могу без него... Любовь совсем другая, нежели то, что было у нас с тобой. Я вправду благодарна тебе! Не думай о нас - думай о себе... О счастливом шансе...

— Я уеду — и буду один... — Алан будто и не слышал слов Мари. — *Не хочешь ехать в никуда...* Зная, что ты бросишь. *Что мне там делать?*

Его жалкий вид, опухшие глаза и детский лепет просто бесили её. Рыжая видела перед собой не талантливого художника, а маленького брошенного мальчонку, неспособного ни на что.

— Боже... — выдавила она брезгливо. — Лишившись одной мамочки, ищешь другую! Или ты борешься за себя, или ничего не выйдет...

Из магнитофона не к месту раздавалась какая-то задорная мелодия.

— Я не поеду, — сквозь зубы выцедил Алан.

Мари еле сдерживала бешенство:

— Будь мужчиной!

— Я никуда не поеду, — медленно повторил мальчик.

Тут она сдалась. Ведь недавно говорила сама: «Насильно не ошастливишь!»

— Я думала, ты другой... Правильно говорит мой Эндрю — мир принадлежит посредственностям... Иди к чёрту... Слабак!

Выплюнув последнее слово, Мари развернулась и поспешила к чёрному входу. Алан следил, как она уходит, не слыша мелодии из покинутого проигрывателя... В ушах проклятьем звучало лишь: «Слабак-ак-ак...». По горам неслась весть о потере.

Подобрав рюкзак, мальчуган огибал санаторий.

У крыльца кипела работа. Служащие укладывали чемоданы в специальный фургон и багажники микроавтобусов. За работой наблюдал мистер Морли. Приметив паренька, он засуетился, подзывая к себе.

— Алан, здравствуй! — крепко пожал он руку, не переставая открыто улыбаться. — Мисс Уилсон оповестила, что берёт тебя под свое крыло и, возможно ты поедешь с ней... По мне, это очень мудро. С твоим талантом... Кстати, у тебя, может, есть время, я бы...

— Я не поеду, — оборвал его Алан. Тело и душа только что прошли через мясорубку. Слушать не было сил. Хотелось поскорее уйти.

— Да, но... — попытался возразить хозяин «Красного Замка». Однако спохватившись, умолк: видимо, понял состояние бедолаги. Лишь добавил, что Алан навсегда останется желанным гостем. Мистер Морли собирался уйти, но ребёнок остановил его:

— Я это... — он снял с плеча рюкзак, и, немного порывшись, извлёк стопку разнокалиберных листов. — Это мои лучшие... Я их Вам хотел отдать.

Джим принял дар, не до конца понимая, что это. Но, начав перелистывать, тотчас расцвёл:

— Удивительно! Просто великолепно! — время от времени мужчина поднимал на него восторженный взор. Но вдруг недоуменно поморщился. — Это копия моего любимого «D.A.»! Оригинал - у меня в кабинете.

И указал он на изображение синего зайца.

— Это лучшая копия, — убеждённо сказал Алан, отмахнувшись от недоуменного взгляда Джима. — Можете сами сравнить, а я пойду. До свидания...

Алан повернулся спиной к ошеломлённому ценителю, лихо-радочно постигающему, как этот провинциал скопировал никому не известный рисунок.

Дорога обратно... Возвращение... Скрипучая дверь с улицы... Коридор... Обиженная мать в комплекте с кастрюлями... Рисунки в стол... Ненавистная школа... Чёртов Цакой... Разборки с Али-

ной... Такой открытый Тимур... И встречи с собой в Старом Городе...

Грядущую жизнь Алан просчитал, как дважды два. Эту предсказуемую обыденность. Безысходную тотальную скуку. «Чего ради? Почему? Как я смог вот этим поганым языком в одночасье отказаться от жизни, о которой и мечтать сложно? Ради мамы? Алины? Любви отца? Или признания одноклассников? А может, лишь ради себя?»

Он брёл, шаг за шагом приближаясь к деревне, истерзанный риторическими вопросами. Каждое слово вспыхивало раскалённой иглой, буравящей череп... Но, как ни хотелось, безжалостный голос не смолкал.

Снег, недавний предтеча праздника, в одночасье превратился в приспешника серости... «Слабак!» — царапая, потешалась каждая снежинка.

— Я просто не знал, как решиться... — оправдывался он. — Я запутался...

И с силой сжал голову... Желудок тотчас свело судорогой. Во рту появился мерзкий привкус. Он снова на распутье. Только на этот раз... Возвращался *ни с чем*.

— Не хочу... — сказал он зачем-то вслух и знакомой тропой повлёкся к Старому Городу.

Погибая от нестерпимой боли, он единственно жаждал выключить мозг. Поэтому упустил из виду свежие следы.

Лишь зайдя на подвесной мост, понял, что ступает по отпечаткам чьих-то ног. Но было уже поздно...

— Дзго-ое-ев, — окликнули его. Держась за канаты, демонстративно показывая, что хода нет и сбежать в деревню не удастся, стоял шестёрка Цакоя. А где он, там и Сос.

Загнанным зверем Алан бросился вверх по склону, стараясь оторваться от погони. Нужно было выиграть время, чтобы спрятаться в надёжный тайник. Хоть раз обернувшись, он наверняка увидел бы, что враг не особо спешит, вольготно вышагивая позади. Страх — неприятель всех иных чувств. Когда боишься расправы, всё остальное по боку.

Взобравшись на плато и подбежав к сакле-спасительнице,

Алан понял, что сегодня встречи с мучителями не избежать. По снегу предательски тянулась цепь следов. Спрячясь он за каменными стенами - всё равно Цакой легко обнаружит его.

— Так и знал, что ты где-то здесь тогда зашился, — раздался голос заклятого врага. Сос вышел из-за сакли, на ходу отбрасывая портфель. Алан метнул взгляд в горы, но и там не спастись — всё предусмотрев, преследователи преградили возможные пути отступления. Именно поэтому один из них остался на мосту: даже если Алану удастся отвертеться от Цакой, не дать перейти реку обратно. — Я рад, что ты здесь... А то мы уж замерзли тебя дожидаться.

Цакой подходил всё ближе, неспешно... Явно наслаждаясь собственным могуществом перед загнанной жертвой. Улыбка хищника победоносно сияла на лице.

Алан, прижавшись к стене, не шевелился. Бежать некуда. Позади - обрыв над рекой. Слева путь в горы отрезан. Справа внизу мост перекрыт. Единственный выход — выждать нужный момент и...

Что - и...?!!

Бандит подошёл вплотную, зажав его между вытянутых рук, мол, попался... Мальчик почуял уход страха. На его месте рождался гнев и упоительная ярость. Она слепила и требовала крови. Оттолкнуть?! Врезать в пах? Сбежать вниз, и с разгону влететь на третьего врага, рискуя перелететь через перила моста?! И возможно, спастись! А, добежав до деревни, плюнуть, наконец, на все эти «пацанские» принципы и страх зваться «трусом» да рассказать всё родителям, чтобы...

— Ну, даже не оттолкнёшь меня? — смеясь, спросил Сос. — Знаешь, почему?! Потому что ты кто?! Правильно... *Слабак!*

Выкрикнув последнее слово, Цакой с силой ударил Алана под дых, так что у того все внутренности разом превратились в кашу. Но, спустя несколько секунд, когда волна боли отхлынула и Алан вновь стал хоть что-то понимать, Цакой ударил ещё... На этот раз ногой в спину.

Скрючившись, бедняга лежал на снегу. Спасительный холод не давал забыться.

— Ты хоть понял, за что получаешь? — присев на корточки, спросил Цакой тоном, будто говорил о девчонке с лучшим другом, — Ну, понял?!

Но Алан молчал, не открывая глаз. Тогда Цакой взял его за волосы и, приблизившись, сквозь зубы прошипел:

— Отвечай!

Мальчишка закашлялся, а, открыв глаза, увидел на снегу алые капли. Кровь капала то ли изо рта, то ли из носа.

— Отвечай!!! — заорал Сос, больно тряхнув голову Алана.

Тогда он стал говорить:

— Потому... Что *бить легче, чем думать*...

Алан ещё не успел договорить, когда Цакой вскочил над ним и стал с остервенением бить ногами в грудь, живот, голову... Снова и снова нанося удары. Алан лишь скрючился, словно эмбрион в животе матери, закрыв руками лицо, и думал... Спокойно, будто смотрел со стороны, как незнакомый мальчик ломает свою игрушку. Интересно, скоро ли ему надоеет и он оставит артефакт в покое?

Неживой покой рушился под приглушёнными толчками.

— Сос, угомонись... На нём живого места нет, — раздался голос.

— Рот закрой! — огрызнулся Сос. — Ты хоть слышал, что эта сука сказала?

Но бить перестал, а вместо этого подхватил сломанную марионетку за ноги и потащил куда-то.

— Сдурел?! Блин, что ты делаешь?!

— Даю шанс подумать. Ведь это тяжелее, чем бить... А нужна ли вообще такая жизнь... Жизнь слабака... Пойдём...

— Сос, так нельзя...

— Пойдём, я сказал! — рявкнул Цакой, после чего голоса начали быстро удаляться. Спустя какое-то время стихла даже их перебранка.

Блаженствуя в лилейном вакууме, впуская внутрь корпускулы зимы, Алан пытался понять, где он. Веки открытыми держать невыносимо. На миг взор обретал пепельные сакли, равнодушные к жизни и смерти... И большой белый камень. Там присутст-

вовал причудливо одетый юноша. Он приложил ладони к алтарю, пытаясь отогреться перед дорогой изгнания... Мальчик очнулся. Призрак прадеда исчез. Осталась лишь пустота ниже колен... Ступни и голень без опоры на твёрдую почву... Полёт над пропастью... Исподволь одервеневшее тело скользило в пустоту... Можно напрячь разможжённые мышцы и подтянуться... Затем ещё и ещё, отползая подальше от бездны... Можно. Только зачем вообще жить *слабаку*? Пусть решают рок и гравитация. Силы иссякли. Всё кончено. Инстинкт самосохранения предательски молчал.

Цок... Цок... — время вращалось вспять.

Цок... Цок...

Пустой взгляд упирался в часы на алой от ссадин руке.

Цок... Цок... — одна минута первого. Осталась всего минута. Часы дали обратный ход.

После — полёт в объятия бешеного потока.

Цок! — громыхнула стрелка в последний раз, возвестив полдень.

И вновь над миром - тьма... Что с последней секундой обернулась мраком.

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

— Эта комната... Это же моя... Только старая... Покинутая. Но вид за окном иной... Такой был у деда Азамата...

Я очутился на полу, закрыв лицо руками. Не хотелось отрывать мокрые от слёз ладони. Боль вернулась и проникла под кожу. От неё не избавиться. Но страдало вовсе не тело. Ныла память.

— Поэтому ты и забыл, отказавшись от проигрышей и побед, — услышал я голос Художника. — Зато они делают Мир вокруг понятнее.

Понятно, о чём он. Всё на моём пути, начиная от поезда и заканчивая этой каморкой, было частью меня самого. Но ранее суть этих слов была недоступна. А ныне пазл сложился. Сверхсмыслы открыты, как ларец с секретом.

Слепой Старик, зовущий меня не иначе, как воин, со своим Старым Зданием, похожим на руины санатория...

Станционный Смотритель, словно наставник, что помог обрести верный путь...

Старьёвщик, выдаивавший в тёмном кабинете людские фантазмы. Его нелепая фамилия — Моррисон, явно шифрующая черты сразу двух людей... А ещё ломбард родителей Мари...

Пророк, охвативший спасением всех, кроме себя...

Сама суть моей профессии — Проводника — говорила о многом. «Каждый — проводник Его Идеи».

И даже такие мелочи, как магнитофончик-бумбокс... Лавки на Станции - такие же, как в «Красном Замке»... Алюминиевые блинчики из «Доктора Пешпера»... «Чёрный квадрат» Малевича, упомянутый Тимуром в нашем последнем разговоре... Граница между осенью и зимой... И даже сам поезд... Не более, чем воспоминание о том памятном сне, где мы всем селом - в царстве рельсов и шпал... Фантазмагория, воплощённая в рисунке с фигурой на крыше вагона... Такие мелочи Мой Мир разбросал на каждом шагу. Все они теперь перестали быть чем-то чужим и загадочным. И даже слова, сказанные встречавшимися в пути пер-

сонажами, обретали иной смысл. Из отвлеченных сентенций превратились в озвученные собственные страхи, неудачи и слабости.

— Всё, случившееся со мной — лишь отражение внутреннего мира. Всё рано или поздно становится реальностью. Получается, что я — это окружающий меня Мир, а Мир — это я? Мы едины...

Я открыл глаза и посмотрел на свой дубликат. Он боком сидел на стуле.

— Да... — подтвердил Художник главное моё открытие. — И даже при жизни это верно намного больше.

— Эти часы! — осенило вдруг. — Ведь они подсказывали истинный путь! Они шли верно, когда я выбирал правильное направление! А вот когда назад...

— ... Отсчитывали оставшееся время... — закончил за меня собеседник.

Я гладил выпуклую стекляшку поверх циферблата с несущимися стрелками. Нутром чуял движение, сравнимое разве что с биением сердца...

— Я слабак... — произнёс я с ухмылкой, — ибо растратил силы на других, забыв себя. Слабак, ибо выбрал смерть... Я самоубийца! Ибо уничтожил себя гораздо раньше, чем выбрал упасть со скалы! Предав мечту и свой божественный дар...

Художник спросил:

— Помнишь озеро?

— Какое? С неживым деревом?

— Да... Это озеро Потерянного Времени и Упущенных Возможностей. Когда ты его видел, оно было ещё подо льдом... Теперь же настал срок. Вода ожила. Она даст шанс попытаться счастья ещё.

— Ещё шанс? — не поверил я.

— Видишь эти чёрные квадраты? Ими закрашены рисунки. И все они должны явиться на свет благодаря тебе...

— Теперь понятно, что ждало за четвертой дверь Старьевщика! И куда вёз автобус Пророка... Попытаться вновь!

Хотелось плакать. Только на этот раз - не от боли и не от вины... Я рыдал, радуясь ещё одной... Быть может, мизерной воз-

возможности воплотить идею Великого Художника. Снова попробую... И сумею!

— Я справлюсь... — сказал я в пустоту. — На этот раз пойду до конца.

Я сделал шаг навстречу новой жизни.

— Эй! — окликнул меня двойник, — только на этот раз не делай главную ошибку...

— Ошибку?

— Да, — спокойно кивнул он. — Не думай, что ТАМ настоящая жизнь. Она здесь.

— Здесь? — повторил я. — Но я думал - здесь царство смерти.

Парень засмеялся.

— Смерть — там. И там лишь сон. Но пробуждение неминуемо.

Я закрыл глаза.

— Однажды сон пройдёт. Останутся лишь решения.

Окрестный мрак постепенно стал тьмой... Она рассеялась детским плачем...

Глава I

МАЛЬЧИК

— Ты так похож на своего отца! — прошептала Алина, не отрывая любящих глаз от лежавшего в колыбели младенца...

Скачали книгу бесплатно? Подарите автору "Спасибо"...

Согласившись на бесплатное скачивание книги, я **ГОТОВ** отблагодарить автора суммой, соответствующей полученному от чтения удовольствию и пользе.

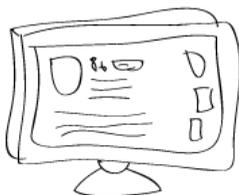

1
Купить бумажную
книгу А. Рея

ЗАКАЗАТЬ

2
Купить электронное
издание на ЛИТРЕС

LITRES

3
Подарить автору
БОЛЬШОЕ Спасибо.

ПОДАРИТЬ

Спасибо, что умеете быть
Благодарными!

Добра Вам и любви!

www.perepevnik.ru/spasibo

Музыка к роману

Слушать на сайте автора www.perepevnik.ru

01. Krec – Пого смук колес
02. Mark Otten – Tranquility
03. Solaris Heights – Vice
04. Global Experience – Madras
05. Valentino – Flying (Sultan In The Greek Remix)
06. Marschmellows – Waterfront
07. Booka Shade – In white rooms (neo mix)
08. Tiesto – Carpe nocturn
09. DJ Cam – Twilight Zone
10. Nitin Sawhney – Tides
11. Tiesto – Driving to heaven
12. Fairmont – Gazebo (sebastien leger remix)
13. Gabor Szabo – Mizrab
14. John Lucien – Rashida
15. Mika – Any other world
16. Sun Trust – How Intensive

Оглавление

Пролог.....	4
Глава 1. Проводник.....	5
Глава I. Мальчик.....	17
Глава 2. Дух здания.....	36
Глава II. Время вспать.....	79
Глава 3. Старьёвщик.....	105
Глава III. Девушка в красном.....	166
Глава 4. Пророк.....	226
Глава IV. Слабак.....	255
Глава 5. Художник.....	283
Глава V. Полдень.....	295
Последняя глава.....	311
Глава I. Мальчик.....	314
Музыка к повести.....	315

Литературно-художественное издание

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Рей Александр

Клубок 31

Мистическая повесть

Издание предназначено
для некоммерческого распространения в сети интернет
по программе «ThanksForPay».

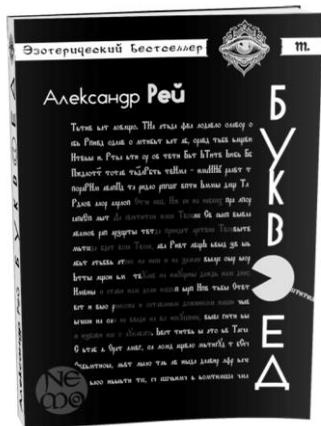
Сказать спасибо автору за книгу
можно на сайте

<http://perevnik.ru/spasibo>

Главный редактор Е. Иващенко
Художественное оформление Л. Степаненко
Редакторы Н. Иванова, Т. Переверзева

ООО «Издательство ГИСФИР»
ЛИ № 02330/0133439 от 22.06.2013
ул. Дзержинского, 71-Г, 246014, Гомель, Республика Беларусь.
Телефон: (375-044) 544-39-21.

www.gisfir.ru

Б У К В Е Д

Фантастический роман

Александра Рея

Скачать или читать онлайн perepevnik.ru

3 причины прочитать «БУКВОЕДА»

- За увлекательным сюжетом и игрой слов стоят исследования многих известных людей, работающих на поприще науки, религии и эзотерики. В книге автор попытался объединить необъединяемое, и доступно объяснить естественность магии. Волшебство и сверхспособности – это не мистика, а физика. Теория струн, создание мыслеформ, использование и распределение энергий, понятие теофизики – все это, и многое другое можно найти на страницах «БУКВОЕДА».
- Рей попытался создать модель общества, которая должна стать следующим этапом для всего человечества. Описанная в книге планета, где каждый человек ставит Зов Вселенной выше личности – не выдумка, и не очередное размышление на тему «Вот было бы неплохо, если...», а вполне близкая реальность. Желая показать какими мы должны стать, к чему нам следует стремиться, Рей создал целый мир.
- Жизнь – это Великая Игра Высшего Разума. Нам, людям, довольно сложно оценить Вселенский размах Игры. Уж слишком мы заняты копошканьем в бытовых проблемах и заботе о хлебе насущном. Автор смог показать сложность этой увлекательной Игры во всей красе! Не банальный сюжет, не банальные переживания, не банальные боги, новые открытия, непредсказуемая концовка. Что еще нужно для хорошей книги?!